

9(С)22
П427 КР

ПОВСТАНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ НА АЛТАЕ

НОВОСИБИРСК—1935

3635.

Электронная библиотека АКУНБ

1127365

1127365

9(1)22
0428 кр.

ИСПАРТОТДЕЛ ЗАПСИБКРАЙКОМА ВКП(б)

ПОВСТАНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ НА АЛТАЕ

СБОРНИК

Под редакцией
В. ВЕГМАНА

1966 г.

ВЫПУСК № 3

ОПЕЧАТКИ

стр.	стр.	напечатано:	следует:
42	24 сверху	Артаманов Лев	Артаманов Лев
81	5 снизу	2. О продолжении сядки	2. О продолжении поездки.
93	в сноске	„Приказ № 1“	„По поводу приказа № 1“
111	10 сверху	преследовали	преследовали

к за № 2675

1955

ЗАПАДНО-СИБИРСКОЕ КРАЕВОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НОВОСИБИРСК

3635

1940 1947 г.

Электронная библиотека АКУНБ

9(1)22
7428 кр.

ИСПАРТОДЕЛ ЗАПСИБКРАЙКОМА ВКП(б)

ПОВСТАНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ НА АЛТАЕ

СБОРНИК

Под редакцией
В. ВЕГМАНА

1966 г.

19 35

ЗАПАДНО-СИБИРСКОЕ КРАЕВОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НОВОСИБИРСК

3635

1940

1947 г.

Электронная библиотека АКУНБ

1127363

4p

ПРЕДИСЛОВИЕ

15 лет прошло с тех пор, как в Сибири была свергнута колчаковщина, а между тем партизанское движение на Алтае, сыгравшее большую роль в борьбе с колчаковщиной, до сей поры не нашло должного отражения и всестороннего освещения в нашей исторической литературе. Этот пробел, правда, несколько заполнен недавно вышедшей книгой И. Я. Третьяка «Партизанское движение в Горном Алтае»¹, но эта весьма интересная и обстоятельная книга касается, главным образом, партизанского движения Горного Алтая (нынешняя Ойротия) и примыкающей к нему небольшой полосы предгорного и степного Алтая. Что же касается партизанского движения, охватившего остальную часть степного Алтая — нынешние Каменский, Рубцовский, Барнаульский, Бийский и смежные с ними районы, как напр., Славгородский, то оно пока что получило свое отражение лишь в ряде небольших случайных заметки и статей, которые затерялись на страницах, главным образом, сибирских газет и журналов. А между тем именно в этой части Алтая партизанское движение получило исключительно широкий и мощный размах. Если еще напомним, что эта часть Алтая составляла ближайший тыл основной массы колчаковской армии, и что, поэтому, именно алтайским партизанам пришлось отражать упорный натиск колчаковской армии и содействовать ее окончательному разгрому, когда она отступала под ударами победоносно наступавшей Красной армии, то должны будем признать, что история партизанского движения на Алтае представляет большой поучительный интерес и заслуживает исключительного внимания.

Настоящая книга, однако, не ставит себе задачей дать полную и подробную историю всего партизанского движения на Алтае. Настоящая книга ограничивается лишь историей первого месяца восстания — с 2 августа по 3 сентября 1919 г., — который представляет собой вполне законченный этап повстанческого движения на Алтае. Уроки этого месяца борьбы, месяца по-

¹ И. Я. Третьяк — «Партизанское движение в Горном Алтае», со вступительной статьей П. Гордиенко, под редакцией В. Вегмана. Новосибирск, Огиз, 1933 г.

бед и поражений, были учтены повстанцами. Эти уроки заставили повстанцев изменить свою тактику: отказаться от ведения борьбы отдельными разрозненными и друг от друга независимыми отрядами, а слить все отряды, объединить их в одну армию, организованную и дисциплинированную на манер обычной регулярной армии. Эта реорганизация повстанчества произошла 3 сентября 1919 г. в селе Солоновке, куда под давлением колчаковцев отступили все повстанческие отряды. Во главе организованной из этих повстанческих отрядов партизанской армии поставлен был Мамонтов. С этих именно пор начинается следующий этап партизанского движения на Алтае. Партизанское движение связывается с именем Мамонтова, партизанская армия становится дисциплинированной, мощной и действительно грозной для колчаковщины.

Героические боевые действия алтайской партизанской армии за время с 3 сентября 1919 г. до окончательного свержения колчаковщины будут освещены в самостоятельной книге. Настоящая же книга ставит себе задачей осветить роль большевиков, как организаторов, руководителей и вдохновителей партизанского движения, указать причины возникновения этого движения, его характер и размах, а также дать описание боевых действий первого месяца борьбы. Материал, опубликованный в этой книге, неопровержимо доказывает, что партизанское движение не возникло стихийно, как это еще недавно уверяли даже некоторые «историки», а исподволь и упорно подготовлялось большевиками - подпольщиками. Этот материал также доказывает, что неправильно считать партизанское движение чисто крестьянским движением. Хотя рабочие и, особенно, большевики по численности своей составляли в партизанских рядах незначительный процент, но фактически именно они были организаторами, руководителями и вдохновителями всего партизанского движения, именно они давали лозунг борьбы и под их именно руководством крестьянские массы вступали в бой с колчаковщиной во имя восстановления Советской власти.

Необходимо заметить, что восстание, поднятое на Алтае, вышло далеко за пределы границ бывшей Алтайской губернии. Оно захватило также бедняцко-средняцкие слои крестьянства Томской, а затем и Омской губерний. Этим именно обстоятельством объясняется, почему мы в книге, посвященной алтайскому партизанскому движению, поместили рассказ Н. Бахтина о действиях отряда деревни Верх-Караканка, которая находится недалеко от Новосибирска и в то время входила в состав Томской губернии.

В приложении к книге мы печатаем нигде еще неопубликованные документы повстанческого движения. Некоторые документы снабжены комментариями Ф. Архипова, который был одним из организаторов и руководителей партизанского движения на Алтае. Из этих документов исключительный исторический

интерес представляют «Бюллетени Главного Штаба». Эти бюллетени сохранились полностью и охватывают весь период повстанческого движения — от 2 августа по 3 сентября 1919 г. Эти бюллетени представляют собой подневную запись всего хода и развития повстанчества, его борьбы, побед и поражений.

В приложении мы печатаем также некоторые нигде еще не опубликованные колчаковские документы. Нас, конечно, не может смутить то обстоятельство, что в своих документах колчаковцы, наши классовые враги, называли повстанческие отряды — «бандами», а повстанцев — «бандитами» и другими бранными словами. Нас не смутят также те клеветнические выпады, которыми пестрят эти колчаковские документы. Чтобы найти некоторую опору среди крестьянства и чтобы оправдать свои карательные действия против повстанцев и их семейств, колчаковцы в своих воззваниях всемерно клеветали на большевиков и повстанцев, приписывая им такие поступки, которых те никогда не делали, и такие жестокости, которых те никогда не совершали.

Колчаковские документы, которые мы публикуем, интересуют нас постольку, поскольку они, с одной стороны, характеризуют, как колчаковцы расценивали повстанческое движение и как они боролись с ним, а, с другой стороны, поскольку они полнее выясняют общий ход боевых действий или уточняют отдельные интересные факты, как, например, историю захвата повстанцами парохода «Колывань» или же имена захваченных в плен и расстрелянных повстанцев.

Воспоминания партизан и вышеуказанные документы, оригиналы или копии которых хранятся в Истпартотделе Крайкома ВКП(б) и Краевом Архивном Управлении, составляют тот основной материал, который использовал Ю. Циркунов для своего вступительного исторического очерка повстанческого движения на Алтае.

В заключение просим всех участников повстанческого движения прислать нам свои замечания на эту книгу и снабдить нас своими воспоминаниями и материалами.

Истпартотдел Запсибкрайкома ВКП(б).

Faint, illegible text, likely bleed-through from the reverse side of the page. The text is arranged in several paragraphs, but the characters are too light and blurry to be transcribed accurately.

Повстанческое движение на Алтае

1. „Советы свергнуты—да здравствуют советы!“

В 1919 г. бедняки и середняки нынешних алтайских районов вели ожесточенную борьбу с сибирской контрреволюцией, с колчаковщиной. Эта борьба, которая велась во имя восстановления власти Советов, началась, впрочем, значительно раньше. Она первоначально была направлена против эсеровской власти, против так называемого Сибирского временного правительства.

Недовольство широких слоев крестьянства Алтая эсеровским Сибирским временным правительством, которое захватило власть при помощи чехословацких штыков, стало проявляться сразу же после свержения Советов в Сибири, что произошло в мае—июле 1918 г.

Непосредственным толчком к восстанию послужила объявленная в августе 1918 г. Временным сибирским правительством мобилизация молодежи, родившейся в 1898-99 г.г. Эсеровское правительство предполагало, что крестьянство дружно отзовется на призыв в армию для борьбы с большевиками. Однако, предположения правительства не оправдались. Бедняцко-средняцкие массы крестьянства относились с большим недоверием к Временному сибирскому правительству и твердо решили не подчиниться распоряжению правительства о мобилизации.

Первыми на этот приказ откликнулись бедняки и середняки Славгородского уезда. Они постановили «не давать из деревни молодежь, обучив которую временное правительство пошлет совместно с военно-пленными чехословаками убивать всех тех, кто не может идти убивать своего голодающего брата в России». Они же первыми высказались в том смысле, что необходимо свергнуть власть, «которая с ненавистным офицерством, чиновничеством и прочими прихвостнями Временного сибирского правительства имеет своей задачей восстановить старое романовское время и при помощи насильственной мобилизации вернуть привилегии имущих классов, аристократии, духовенства и буржуазии»¹.

¹ См. хранящееся в Сибистпарте воззвание Крестьянско-рабочего Славгородского штаба «Товарищи крестьяне и рабочие!»

Они же первыми и выступили в Сибири с оружием в руках для борьбы с эсеро-областнической властью. Это выступление известно под названием Славгородского или Чернодольского восстания.

Необходимо, однако, заметить, что даже среди зажиточного крестьянства, которое было на стороне Сибирского временного правительства, также нашлась такая часть, которая не хотела мириться с приказом о мобилизации и не желала его выполнять.

В этом отношении характерны приговоры ряда сел Змеиногорского уезда, где был значительный процент зажиточного крестьянства.

«Распоряжение временного правительства о мобилизации молодежи без воли народной незаконно», — писали они в своих приговорах, — «и поэтому требует разрешения на уездных собраниях, губернском съезде и окончательной санкции учредительного собрания»¹.

Распропагандированные болтунами эсерами зажиточные крестьяне этих сел глубоко верили в демократизм власти, а потому предполагали, что правительство, ознакомившись с приговорами, вынесенными сельскими сходами, поймет свою «ошибку» и отменит столь нежелательную для крестьян мобилизацию.

Население тех сел, где много было солдат-фронтовиков, в большинстве своем настроенных большевистски, выдвигало свои требования:

«Отменить мобилизацию молодежи в возрасте 20 и 21 года и мобилизовать бывших уже на фронте империалистической войны солдат в возрасте от 25 до 35 лет, как уже бывших на войне и могущих удержать не закрепшую революцию»².

Одновременно с этим фронтовики требовали отмены земства.

В этих требованиях эсеровское правительство не могло не усмотреть для себя прямого вызова и угрозы, так как для него стало ясным, что в борьбе за «удержание революции» фронтовики окажутся отнюдь не на стороне Временного сибирского правительства. И эсеровское правительство при помощи офицерских отрядов обрушилось на «смутьянов» крестьян и принимать проводить мобилизацию насильно. Крестьяне начали оказывать сопротивление. Одновременно со Славгородским восстанием вспыхнуло восстание и в Змеиногорском уезде, известное под названием «Шемонаихинского».

Видя, что дело с мобилизацией принимает серьезный оборот, правительство послало для подавления восстания карательные полки под командой атамана Анненкова, которые, конечно, вполне оправдали «доверие» правительства. Потоками крови

¹ См. воспоминания В. Циркунова (делегата на крестьянский съезд в г. Змеиногорске) в его книге «Огненная земля», Новосибирск, Огиз, 1933 г.

² См. «Постановление № 53 Кузнецовского собрания от 25 августа 1918 г.», хранится в Сибистпарте.

расстрелянных в Славгородском и Змеингорском уездах повстанцев головорез Анненков потушил огонь восстания.

Сибирское временное правительство сразу же приступило ко взысканию с населения налогов и недоимок за 1915-16-17-18 г.г.

Эти недоимки начали особенно свирепо выколачиваться тогда, когда у власти стал Колчак, при котором, кстати сказать, приступлено было также к принудительному изъятию у крестьян обмундирования казенного образца и продовольствия для армии.

Все эти мероприятия, затрагивавшие материальные интересы населения, еще более обостряли враждебное отношение бедняцкой и середняцкой части крестьянства к власти и вызвали новый ряд восстаний, на этот раз, в Бийском уезде (Марушенское, Карабинское). Эти восстания были подавлены со столь исключительной жестокостью, что управляющий Бийским уездом Доброхотов на губернском съезде управляющих уездами вынужден был признать:

«Восстание в Марушенской и Карабинской волостях было подавлено с большой невызываемой необходимостью жестокостью, причем подвергались расстрелу и порке плетью не только виновные, но и лица, не имеющие никакого отношения к восстанию».

Насильные мобилизации, выкатка недоимок, тяжелое налоговое обложение, порки и зверские кровавые расправы, — все эти факты создали на селе благоприятную почву для организации бедняков и середняков на борьбу с колчаковщиной во имя восстановления власти Советов.

2. Большевики организуют крестьянские массы для борьбы

Сибирская подпольная большевистская организация не могла не учесть создавшуюся на селе революционную ситуацию. На своей 2-ой подпольной общесибирской конференции, состоявшейся в середине марта 1919 г., большевики вынесли решение «использовать революционное настроение крестьян для создания фронтов в тылу колчаковщины».

Во исполнение этого решения рассеянные по Сибири большевики принялись за работу по организации вооруженного восстания крестьянских масс.

Подпольная работа велась столь энергично, что уже к июлю 1919 г. значительные крестьянские массы были подготовлены к тому, чтобы подняться «на Колчака». Оставалось только выждать благоприятное время. Это время настало, когда Красная армия подошла к городу Челябинску.

Восстание в Алтайской губернии вспыхнуло в тот момент, когда в колчаковском тылу было сравнительно спокойно. Рабочие восстания в городах были к тому времени подавлены. Партизанские отряды Щетинкина и Кравченко, оперировавшие в

Ачинском и Каинском уездах, были вытеснены из их районов и отброшены на юг к Монголии. Отряд Шевелева—Лубкова вынужден был перенести свои операции на юг Томской губернии, в Кузнецкий и Щегловский уезды. Партизаны Тасеевского и Щиткинских фронтов отодвинуты были колчаковцами в глубь тайги.

Благодаря этому, Сибирская железнодорожная магистраль, служившая основной коммуникационной линией в тылу колчаковцев, была до некоторой степени обеспечена от партизанских набегов, тем более, что эту магистраль ревниво охраняли чехословаки. Колчаковское военное командование воспользовалось благоприятными условиями для продвижения на фронт военных грузов и для переброски туда крупных воинских частей.

Именно в этот момент и восстало алтайское крестьянство. Этот неожиданный удар по ближайшему к театру военных действий тылу ошеломил колчаковцев, ибо создал серьезнейшую угрозу как для форсирования наступления на Красную армию, так и для всего колчаковского фронта вообще. И для подавления этого восстания колчаковцы двинули из Омска, Новосибирска, Томска, Семипалатинска, Змеиногорска и Усть-Каменогорска свои лучшие надежные войска: головорезов анненковцев, карателей-егерей, казачьи части, польских легионеров и чехословаков.

Однако, колчаковцам не удалось подавить восстание и разгромить алтайских повстанцев. Алтайское повстанчество, как увидим, свою роль выполнило успешно и героически.

Кто же был организатором и руководителем этого повстанческого движения?

Организаторами и идейными руководителями повстанческого движения как повсюду в Сибири, так и на Алтае, были большевики, покрывшие край густой сетью подпольных революционно-боевых ячеек, в состав которых входили: партийцы, бывшие советские работники, красногвардейцы и большевистски настроенные солдаты фронтовики империалистической войны.

Во главе, например, зиминской группы подпольщиков находился слесарь петроградского завода Гавриил Семенович Ивкин, член партии большевиков с 1908 года. В селах Брусенцево, Вяткино и других вели подпольную работу участник революции 1905 г. К. Брусенцев и М. Розинкин.

Независимо от зиминской группы и одновременно с ней вели подпольную работу А. И. Попов, бывший член барнаульского Губкома партии, и Г. Г. Конкорин, рабочий ленинградского завода, бывший политический ссыльный. Оба занимались организацией подпольных ячеек в районе Барнаул—Бийск, в селениях, расположенных на плесе реки Оби¹.

¹ Брусенцев скрывался в Петровском лесу и вел агитацию за восстание против Колчака среди лесосплавщиков, лесорубов, дегтярей. Что касается А. И. Попова, то он в подполье известен был под фамилией Панов.

В течение зимы 1918—1919 г.г. Попов организовал подпольные ячейки в 12 селах: Рассказихе, Быстром Истоке, Акутихе (на стеклозаводе), Усть-Ануйском, Ануйском, Казачьей-Смоленке, Верх-Ануйске, Ново-Покровском, Паутовке, Ново-Обинке, Верх-Озерном и Фоминке. По численности самой большой была Быстро-истокская ячейка, которая насчитывала до 70 членов. Во главе этой ячейки стоял К. И. Плеханов.

После организации этих ячеек А. И. Попов перенес свою подпольную деятельность в северную часть Бийского уезда (в Ельцовскую и др. волости).

Г. Г. Конкорин вел подпольную работу в селениях около Усть-Пристани, работая в Усть-Пристани на литейно-механическом заводе «Сила».

В целом ряде селений приборовой полосы Барнаульского уезда организовали ячейки бывший член Барнаульского Совдепа, петроградский слесарь Сизов, Р. П. Захаров, Кротов, барнаульский рабочий Баранов.

В Славгородском уезде видную роль по организации подпольных ячеек играли: И. Ф. Чеканов, кузнец, сын политического ссыльного рабочего, волостной писарь Демченко, матрос Анисим Копань, Е. М. Мамонтов, братья Егор и Михаил Константиновы и другие.

В Каменском уезде подпольную работу вел И. В. Громов, бывший член каменского Совдепа.

В Чумышском районе — Г. Вахрушев, несколько позднее его — Анатолий Ворожцов, член бюро барнаульского подпольного Губкома, П. Тиунов, Н. Разницын, Дрожжин, Сергей Зворыкин и др.

В общем, без преувеличения можно сказать, что не было такой крупной деревни или села, где бы не находился преданный партии и советской власти организатор-подпольщик.

Проследим же более детально, как зародилось повстанчество на Алтае, как формировались повстанческие отряды и как протекали их боевые действия до того момента, когда все отряды образовали почти единый фронт партизанского движения на Алтае.

3. Зиминское восстание

Зимино—организующий центр

Роль организующего центра в массовом повстанческом движении на Алтае сыграло большое село Зимино, Чистюньского района, лежащее в 90 километрах от Барнаула, на трактовой дороге в г. Змеиногорск.

Зиминское восстание было одним из самых мощных в Сибири. В нем участвовало более 100 тысяч крестьян шести уездов бывшей Алтайской губернии. Для подавления восстания двину-

то было не менее 10 тысяч колчаковских войск, вооруженных пушками, броневиками, пулеметами.

Как мы уже указали, вдохновителями и руководителями этого восстания были большевики.

Первая большевистская подпольная ячейка сформировалась в Зимино уже в ноябре 1918 г. Эту ячейку организовали застрявшие в Сибири петроградские рабочие металлисты: Ивкин, Конкорин, Кольцов, Нефедов и др. Всех рабочих было восемь. Помимо рабочих в состав этой ячейки входили местные крестьяне В. К. Жогов, И. И. Ефремов, М. И. Белов, И. Е. Царев и В. Ф. Кузнецов.

На одном из собраний ячейки решено было объехать близлежащие селения, дабы выявить лиц, сочувствующих советской власти. Узнав о том, что за рекою Обью в бору скрываются 10 колчаковских солдат дезертиров, ячейка послала одного из членов организации для установления с ними связи. Посланный туда узнал, что группой, которую возглавлял Павел

В. К. Жогов

Дом партизана Жогова в п. Собацьи хутора, в котором в 1919 году скрывались подпольщики перед восстанием

Чаузов, сын рабочего, политического ссыльного 1905 г., уже руководит приехавший из России на жительство в с. Большую Речку слесарь В. Е. Кузьмин.

Другой член ячейки отправлен был на разведки в Брусенцевскую и Осколковскую волости, а Ивкину ячейка поручила обехать селения Колпаково, Безголосово и Панюшево и организовать подпольные ячейки в селах приборовой полосы (Серебрянниково, Боровское и т. д.).

Объезд был успешен. Почти в каждом населенном пункте была организована ячейка, а 26 марта состоялось в Зимино официальное оформление партийной организации района. В бюро «партийного коллектива», как об этом зафиксировано в протоколе, вошли Ивкин, Белов и бывший красногвардеец Ефремов.

20 мая в селе Панюшево состоялся первый съезд представителей от 30 подпольных ячеек, объединяемых Зиминской партийной организацией.

На съезде, который проходил под председательством Ивкина, обсуждались, главным образом, вопросы организационного порядка: как технически оформить связь между подпольными ячейками и районным подпольным центром. На этом же съезде обсуждался вопрос и о дне созыва 2-го подпольного съезда.

Так как организационная работа по насаждению ячеек с каждым днем все более и более расширялась, а подпольщики требовали выступления, зиминская партийная организация сочла необходимым созвать в первых числах июня 2-й съезд для обсуждения назревших вопросов. На этом съезде присутствовало уже 60 делегатов от 14 подпольных организаций.

На съезде разбирались вопросы: 1) о командировании Кузьмина для установления связи с Барнаульской большевистской подпольной организацией, 2) об отправке двух членов съезда: Юдина для установления связи с Красной армией и для информации о положении в тылу Колчака и Р. Захарова для той же цели на Семиреченский фронт, 3) о выступлении 20 июля против колчаковского правительства и 4) об использовании дезертиров колчаковской армии.

От выступления, которое предположено было назначить на 20 июля, решено было временно воздержаться.

10 июля в с. Савинском созван был 3-й подпольный районный съезд для рассмотрения вопросов: 1) о дне выступления против колчаковского правительства, 2) о выборе командиров отрядов, 3) о разделении районов предстоящих действий на два — Алейский и Боровский.

Руководство отрядами в Алейском районе было поручено Палкину и Дерюгину, а в Боровском — Р. П. Захарову. Восстание же решено было поднять 7 августа¹.

¹ Сжатое описание съездов, происходивших в мае, июне и июле, сделано по весьма скудным и схематичным воспоминаниям участников. Протоколы и записи по конспиративным соображениям не велись.

Однако, дальнейшие события ускорили выступление.

Как раз к этому времени Колчак объявил мобилизацию родившихся в 1900 и 1901 г.г. В армию начали принимать «мальчиков», как говорило население. Подпольщики развили среди мобилизованных агитацию за дезертирство. Агитация имела успех. Мобилизованные дезертировали в одиночку и группами. Население же охотно укрывало дезертиров. Одна такая группа численностью в 25 человек под командой Чаузова укрылась на хуторе Демичево вблизи с. Зимино.

Почти одновременно в Зимино прибыла из Барнаула еще одна группа — 42 человека, сагитированных к дезертирству подпольной организацией.

Дезертиров надо было организовать в боевой отряд для борьбы с колчаковщиной. На внеочередном съезде, который созван был в с. Панюшево, выбрали для руководства отрядом штаб, в состав которого вошли: Брусенцев, Ивкин, Царев, Хохлов и Чаузов. Командующим всеми «вооруженными силами» был избран бывший зауряд-прапорщик К. Н. Брусенцев.

Правительство, между тем, решило бороться с дезертирством и отправило отряды для ловли дезертиров. Один из таких отрядов под командой прапорщика Абрамова разыскивал на окружающих с. Зимино заимках дезертиров, примкнувших к зиминским повстанцам. Не найдя дезертиров, Абрамов арестовал и жестоко избил их родителей. Пострадавшие послали в отряд Чаузова письмо с просьбой освободить их.

Отряд прапорщика Абрамова тем временем успел уехать в с. Легостаево, захватив с собой часть арестованных, а остальных, до отправки в г. Барнаул, оставил в Чистюньке под охраной районной милиции. Чаузов обратился с просьбой к зиминцам выручить арестованных односельчан. Зиминцы вместе с отрядом Чаузова двинулись на Чистюньку, где убили начальника районной милиции и 8 милиционеров.

Это было 2 августа.

В тот же день в Зимино состоялось заседание подпольных работников, которые решили организовать революционную власть в губернии и «углубить революцию».

Во главе власти был поставлен военный отдел штаба, в который оказались избранными: члены партийной зиминской организации Ф. И. Архипов (бывший учитель, прапорщик военного времени), Царев («Харбинский анархист», как он себя величал) и Семенихин, солдат империалистической войны, бывший командир красногвардейской барнаульской роты. В следственную комиссию избрали Ивкина и Ногайцева, казначеем — Васюкова.

Штабу присвоили наименование «Главного штаба Алтайского округа».

«Углубление революции» сводилось к тому, чтобы через подпольные организации «быстро поднять на восстание крестьян-

ство, организовать отряды, установить между ними связь и создать военно-революционный штаб»¹.

Вскоре своеобразный «телеграф деревни», так называемые «конные летучки», начал сообщать зиминскому штабу, что «народ восстал».

Печатный орган зиминцев «Известия Главного штаба Алтайского округа» едва успевал отмечать в напечатанных на пишущей машинке листках сообщения вроде:

«Восстало Колпаково, Безголосово, М. Панюшево, Усть-Алейское, Карасенское».

«Восстание перекинулось в Змеингорский и Бийский уезды».

«Восстание охватило Горный Алтай».

«В селе Журавлихе командир отряда повстанцев Тибекин взял с боя пулемет у беляков».

«В эти дни, как вспоминает Ф. Архипов, главный штаб охватывал своим аппаратом восставшие районы, распространял лозунги восстания и борьбы в своих обращениях, воззваниях и приказах за сотни верст в разные стороны, поднимая на борьбу новые резервы возмущенного крестьянства. Руководство главного штаба ясно представляло себе, что движение становится массовым, что в первое время оно будет мелкоотрядным, что каждое из восставших сел будет иметь свой отряд, своего командира, что среди командиров будут разные люди, с разными политическими взглядами. Поэтому требовалось как можно чаще повторять наши лозунги борьбы, чаще выставлять политическую платформу главного штаба и движения, чтобы мобилизовать и вести массы в бой только под этими лозунгами».

И 9 августа главный военно-революционный штаб Алтайской губ. выпустил к населению воззвание:

Российская Социалистическая Федеративная Советская республика

Главный Военно-Революционный штаб Алтайской губернии

ТОВАРИЩИ-БРАТЬЯ!

Деспотическому, кровавому правительству приходит конец. Терроризированное расстрелами, порками и непрерывным насилием белых трудовое население Сибири восстает повсюду против своих угнетателей. Голодные, оборванные, с голыми руками рабочие и крестьяне идут и бьют своих кровопийцев, с голыми руками бросаются на пулеметы и пушки. Велика сила народного восстания, страшен гнев народа. Но богачи и мироеды да кровавое офицерство не сдадутся без боя. Трудна наша борьба, но надеяться не на кого, никто не устроит нам счастья, кроме самих. Товарищи и братья, чем труднее борьба, тем дружнее вста-

¹ См. в разделе «Документы и материалы» протокол этого заседания подпольщиков.

нем на борьбу, тем организованнее выступим в бой. В эти дни великого народного восстания революционными отрядами избран главный военно-революционный штаб Алтайской губернии. Этот штаб принял на себя всю полноту военной и гражданской власти в местностях, освобожденных от белых.

Заявляя об этом, главный штаб торжественно обещает всему трудовому населению Алтайской и смежных губерний, что главной его целью является восстановление в Сибири истинно народной—советской власти. Во всех своих действиях штаб будет руководствоваться декретами центральной советской власти — Совета народных комиссаров всей России.

ТОВАРИЩИ И БРАТЬЯ! Час освобождения близок. Все к оружию, все на борьбу. Создавайте свою революционную дисциплину, выполняйте распоряжения штаба и его уполномоченных.

Да здравствует революция! Да здравствует революционный трудовой народ! Смерть и гибель буржуазии и ее приспешникам!

«Обращение от 9 августа 19 г. — говорит его автор, т. Ф. Архипов — является одним из документов, в котором главный штаб выставил свою политическую платформу и указал задачи и цели борьбы, связывая повстанческое движение с борьбой за «Советы под руководством партии и Советского правительства»¹.

Структура повстанческих отрядов и методы борьбы

Получив извещение о восстании, барнаульские военные власти сделали попытку сразу же разгромить очаг восстания — Чистюньку и Зимино. С этой целью из Барнаула вечером 2 августа был отправлен сборный отряд особого назначения из 50 чел. под командой подпоручика Барского. Отряд утром 3 августа выступил на Чистюньку, но, встреченный огнем повстанцев, принужден был отступить на станцию Толчиха.

В ночь с 3 на 4 августа зиминский штаб получил от усть-алейского штаба сообщение, что прибывший из села Легостаево в с. Усть-Алейское отряд прапорщика Абрамова разбит, а сам он расстрелян.

В эту же ночь около Зимино повстанцы разбили конвой колчаковских солдат, сопровождавших в Барнаул 75 заготовленных по мобилизации лошадей.

Так началось восстание.

4 августа зиминский штаб созвал местных жителей и делегатов от ближайших селений на совещание и поставил перед ними вопрос об объявлении мобилизации. После жарких споров решено было мобилизовать бывших солдат призыва с 1907 по 1917 год включительно, «как наиболее сознательных и революционно настроенных». Через несколько дней в распоряжение зиминского штаба явилось несколько сот мобилизованных. Настроение это-

¹ См. хранящуюся в Сибистпарте заметку Ф. Архипова — «Комментарии к обращению главного военно-революционного штаба на 9 авг. 1919 г.»

то войска, без сомнения, было революционное, боевое, но со стороны организационной оно оставляло желать много лучшего.

Каждое село или деревня формировали свои отряды. Во главе отряда ставился выбранный населением командир, по имени которого и назывался отряд. Командирами выбирали в большинстве случаев лиц, знакомых с военным делом.

Дисциплина в отрядах на первых порах хромала, так как мобилизованные не хотели признавать «начальством» своих односельчан.

Вооружения было очень мало и оно отличалось разнообразием: вооружались винтовками, дробовиками, вилами, вообще всем, что попадало под руки. Главное оружие составляли остроконечные пики.

О каком-либо едином руководстве военных действий говорить не приходилось, так как в начале восстания каждый отряд повстанцев действовал самостоятельно.

Одни отряды, сформированные в селах, расположенных у линии железной дороги, нападали на станции, разрушали пути, прерывали телеграфные линии и жгли мосты. Другие отряды, мобилизованные в селениях по реке Оби, нападали на пароходы, разрушали водный транспорт. Согласованности же боевых действий не было.

Такая разрозненность боевых действий несомненно внушала серьезные опасения за успешное развитие восстания. Зиминский штаб это заметил. Чтобы упорядочить боевые действия и ввести восстание в более планомерное русло, штаб издал следующий приказ:

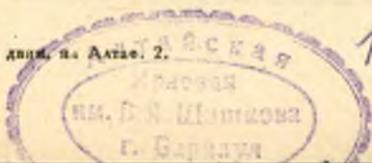
ВСЕМ КОМИССАРАМ ОТДЕЛЬНЫХ ОТРЯДОВ И ВСЕМ РАЙОННЫМ И МЕСТНЫМ ШТАБАМ

Главный штаб революционных войск Алтайского округа, объединяя в себе все восставшее под красное знамя население, извещает, что Колчак и его правительство не могут смотреть сквозь пальцы на развитие революции в Алтае. И мы должны быть готовы к встрече правительственных войск на советской территории, которые должны дать решительное сражение. Наш фронт для них опаснее внешнего. Неудача на внешнем фронте — перемена позиций; неудача на внутреннем — перемена правительства, т. е. — реакционное правительство Колчака заменится рабоче-крестьянским правительством. Да, мы очень опасны Колчаку, поэтому он все силы, какими располагает, бросит на нас.

Мы разбиваем отдельные кучки противника в 50, 100 и больше или меньше человек. Но если правительство бросит вооруженных 1000 или больше, то эти войска также будут и нас разбивать, следовательно, мы теперь должны соединить своевременно войска в одно целое ядро, чтобы дать отпор.

Нам теперь не следует размениваться на мелочи — не увлекаться особенно маленькими отрядами белых. Помните, что с занятием 1-ой и второй деревни советского правительства мы будем невредимы, если соединим войска.

Поэтому: все средства на то, чтобы объединить вооруженные

силы под свое знамя и стягивать эти силы к главному штабу. Тогда каждая мелкая партия в 100, и больше или меньше противников разобьется о нашу мощь, а тысячным отрядам дадим сражение.

Вменяется в обязанность комиссарам районов объединить вооруженные силы, производить мобилизацию, не терять связи с главным штабом и стягивать их по распоряжению главного штаба.

Начальник штаба — Архипов.

В связи с этим приказом, вся территория, охваченная восстанием, была разбита на 6 районов. Для руководства боевыми операциями, кроме командиров отдельных отрядов, были прикреплены к каждому району отдельные лица, ответственные за боевые операции.

Командиром 1-го района был назначен Чекменев, 2-го — Розинкин, 3-го — Давыдов, 4-го — Семенихин, 5-го — Котов и 6-го Захаров¹.

Бои за овладение железнодорожной линией

После того, как зиминцы отбили наступление колчаковского отряда на с. Чистюньку, 4 августа колчаковцы отправили из Барнаула на ст. Топчиху 12-ю роту «5 Стрелкового Пражского полка имени Массарика», при четырех пулеметах, под командой поручика Скрита, имеющего поручение подавить восстание.

Утром 5 августа 40 чехословаков при 2 пулеметах и 20 русских солдат под командой поручика Барского снова отправились в наступление на с. Чистюньку, но после двухчасового боя колчаковцам и на этот раз пришлось отступить. Однако, Барский скрыл неудачу. В своем донесении начальству он писал:

«В Чистюньке красных около трех тысяч, все они были верхами. Они быстро обложили нас со всех сторон и пытались отрезать подводы, на которых мы приехали. Ружейный и пулеметный огонь их не останавливал»².

Потерпев неудачу, отряд в течение двух дней и ночей отстреливался от повстанцев, которыми в этом районе командовали П. Городов и А. Новаковский, и, не выдержав натиска, 8 августа погрузился в эшелон и отправился в Барнаул.

Но вследствие порчи пути у села Шиловой отряд вынужден был остановиться и вступить в бой.

Бой продолжался целый день. К вечеру из Барнаула неожиданно для сражающихся подошел броневик чехов «Прага» и открыл из двух орудий и пулеметов огонь по селу, а полуэскадрон чешской кавалерии, сопровождавший броневик, бросился в

¹ См. в приложении «Известия Главного Штаба от 11 августа», где указаны границы каждого района и перечислены села и деревни, входившие в состав каждого района.

² См. в разделе «Колчаковские документы» рапорт поручика Барского.

атаку. Среди повстанцев поднялась паника. Повстанцы разбежались.

После боев под Шиловой колчаковцы снова вернулись на ст. Топчиху, но от наступательных операций воздержались, несмотря на то, что в это время к станции Алейской подходил отряд капитана Харченко в 250 чел., который вез из Семипалатинска транспорт оружия для формирования в Барнауле добровольческого отряда. Впрочем, этому Харченко было уже не до борьбы с повстанцами. Дело в том, что его отряд на пути своего следования попал в самую гущу повстанческого движения. Этот отряд с большим трудом вырвался из окружения и думал уже не о борьбе с повстанцами, а о том, как бы благополучно добраться до Барнаула.

Южнее ст. Топчихи, в Алейском районе, повстанцы, которыми руководил Давыдов, вели бои менее организованно, главным образом, по вине командующего фронтом Палкина и его помощника Дерюги. Окружив себя обществом подозрительных «сестер» из мобилизованной интеллигенции, командир и его помощник за пьянствовали и бездействовали, за что и поплатились жизнью.

Дело в том, что в наказание за пьянство их посадили в каталажку. Когда же, после неудачных боев на ст. Шипуново и у села Калмыцкие Мысы, повстанцы принуждены были отступить, то в суматохе забыли про арестованных. Колчаковцы захватили Палкина и Дерюгу в плен и зверски замучили их.

Повстанцы этого района имели с белыми также бой под селом Белоглазовым. После этого боя, также оказавшегося неудачным, часть повстанцев разбежалась, а остальные влились в зиминский отряд, который уходил на соединение с отрядом Мамонтова.

Некоторого внимания заслуживает еще наступление на ст. Черепаново. Инициатива этого наступления принадлежала повстанцам усть-мосихинского, кипринского и сузун-заводского районных штабов.

13 августа 2500 повстанцев решили задержать продвижение колчаковских отрядов, отправляемых из города Новониколаевска в Барнаул для подавления восстания. Для этой цели они через села Шипуновское и Карасево двинулись на ст. Черепаново.

В то же время другой отряд повстанцев в 1000 человек отправился через села Бобровку и Мышлянскую в расположенную на р. Оби деревню Чингис с целью задержать колчаковские войска, которые могли быть отправлены из Новониколаевска по р. Оби в город Камень на усиление колчаковского гарнизона.

От д. Чингис движение распространилось по тракту до с. Бердска в 40 км от Новониколаевска.

Забрав 15 августа станцию Черепаново и разгромив колчаковцев, повстанцы на следующий день вынуждены были отступить, так как из Новониколаевска в Барнаул прибыли эшелоны

чехов и поляков с броневиками. Отступление это было вызвано также и тем, что с тыла на Сузун-завод напали польские легионеры, прибывшие из Камня.

Перечисленные бои, стычки и столкновения положили начало развитию повстанческого движения на Алтае.

Гражданские дела повстанцев

Окруженный со всех сторон колчаковскими войсками зиминский штаб, однако, не только не падал духом, но наряду с военными операциями находил время и возможность для того, чтобы заняться и гражданскими делами.

13 августа делегаты, созванные штабом из 36 сел, разрешали вопросы «об издании декрета о власти на местах и роспуске земства», «о совершении церковных обрядов», «о финансах», «о полевых работах», «о губернском знамени».

На с'езде делегатов штаб сделал доклад. За «полезную» деятельность ему была объявлена «глубокая благодарность».

По вопросу об издании декрета о власти решено было «выпустить» декрет о власти и 13 августа распустить волостные и сельские земства и вместо них выбрать советы: в селениях — из 7 человек, в волостных селах — из 9 и в уездных городах — из 11 человек.

Вопрос об избрании Губсовдепа до с'езда, назначенного на 23 августа, остался открытым. Принята была только норма представительства: один делегат от села, два делегата от волости и пять от уезда.

По вопросу о церковных обрядах решено было: «кто хочет из товарищей совершать обряды по-граждански, тот может записаться в Совете в метрические книги со свидетелями, а кто хочет по-старому, тот может идти к священнику»¹.

Последнее мероприятие диктовалось тем, что основная масса крестьянства в то время еще не порывала с религией, и поход против нее и служителей культа мог вызвать среди религиозно настроенной части крестьянских масс большое недовольство.

Однако, развернувшаяся в деревне классовая борьба наглядно показала повстанцам, на чьей стороне находится духовенство. Повстанцы вскоре убедились, что духовенство является верным агентом контрреволюции, и начали, поэтому, жестоко расправляться с попами. Так, например, когда 2 августа первый отряд повстанцев из Зимино прискакал в Чистюньку, то он там неожиданно наскочил на крестный ход. Под звон колоколов, с развернутыми хоругвями большая толпа верующих во главе с попами, по случаю празднования «Ильина дня», шла на площадь в центр села. Процессия была остановлена. Один из попов, ко-

¹ См. в приложении «Протокол с'езда делегатов Алтайской губ.» и относящиеся к этому протоколу комментарии т. Архипова.

торый известен был, как заядлый колчаковец, выхватил из кармана новенький наган. Этого попа тут же убили.

5 августа женщины привели в чистюньский штаб «благочинного» Алексея, которого нашли в кустах. В качестве вещественных доказательств, свидетельствующих отнюдь не о «святости» намерений благочинного, женщины принесли найденную у него японскую винтовку и полную шапку патронов. Его убили.

Крестьяне из разных сел приходили и привозили в Зимино на суд попов, уличенных в контрреволюционных действиях и непристойных поступках.

Не лишним считаем заметить, что свою истинную роль сторонников и защитников колчаковского правительства попы открыто показали крестьянству лишь после того, как восстание было подавлено.

Поп Данилов из с. Фунтиково привел из Барнаула карательный отряд безжалостных, и, по его указанию, офицер на глазах у населения расстрелял 8 участников восстания.

В Усть-Чарышской пристани поп Кузнецов сформировал из торгашей, кулаков и милиции отряд добровольцев в 250 человек.

Он же добровольно принял на себя исполнение обязанности прокурора. Вереницами тянулись на поклон к прокурору в рясе отцы, жены, матери арестованных, которым угрожал расстрел. Но поп был неумолим и беспощаден. Приговоренных им к смертной казни он целыми десятками отправлял на виселицу, в баню к купцу Шестакову или же под удары шашек своих добровольцев.

И вполне понятно, что повстанцы, занимая впоследствии села и деревни, не давали пощады попам и их приспешникам.

Но вернемся к съезду делегатов.

Что особенно интересовало повстанцев, так это урожай, который должен был обеспечить продовольствием весь район восстания. И в первую очередь надо было обеспечить уборку полей повстанцев, находящихся в боевых рядах или павших в боях. Этому главный штаб добился. Уборка этих полей поручена была восстановленным «Сельским советам крестьянских и рабочих депутатов». Советы были восстановлены во всех деревнях и селах отвоёванной территории. Эти советы фактически руководили всей гражданской и хозяйственной жизнью сел и деревень. Они

Памятник в с. Чистюнька на братской могиле павших в бою повстанцев

чинили суд, обеспечивали уборку хлеба, распределяли продукты, проводили мобилизации, укрепляли тыл, расправлялись с классовыми врагами — словом, своей деятельностью содействовали успеху борьбы, которую повстанцы вели на фронте.

В заключение заметим, что на рассмотрение главного штаба тов. Ивкин внес проект о коллективной уборке хлеба и о передаче населением в распоряжение сельских советов всего сельскохозяйственного инвентаря. Ивкин, очевидно, имел ввиду предложить этот проект съезду на утверждение. Но главный штаб отклонил этот проект, находя несвоевременным и невозможным в боевой обстановке осуществить принципы коллективизации.

Разгром колчаковцев под Усть-Пристанью

Бои в селениях, расположенных на плесе реки Оби, отличались особым упорством и ожесточением.

Чтобы затруднить военные операции правительственных войск, повстанцы обстреливали пароходы и снимали сигнальные оборудования с фарватера. Так, например, от села Шелаболихи до Телеутского на протяжении 100 верст были сняты баканы, увезены сигнальные столбы, лампы, свечи, керосин. Спускались также большие плоты вниз по течению реки.

При помощи таких плотов усть-алейцам удалось захватить пароход «Колывань»¹, катер «Дельный» и баржу «Волгу». Эти суда до конца восстания находились в руках повстанцев и оказывали им, понятно, большую помощь, обслуживая их военные и хозяйственные нужды.

Село Усть-Чарышская пристань, представлявшее собой маленький городок уездного типа, 4 раза переходило из рук в руки. Первый раз село было занято повстанцами 3 августа, но прибывший из Бийска отряд белых взял его 4 августа обратно. Однако, из окрестных сел вскоре подошли около 8 тысяч повстанцев, которые заставили колчаковцев, после боя 9 августа, отступить от села Усть-Чарыш к устью реки Чарыш, где они встретились с прибывшим из Бийска на пароходе отрядом полковника Полякова, который в этот же день снова повел наступление на Усть-Чарышскую пристань. Но взять пристань полковнику не удалось. Понеся большие потери, белые в панике отступили до села Быстрый Исток.

12 августа из Бийска подошло новое подкрепление. Численность отряда Полякова достигла уже 500 штыков и сабель при 4 пулеметах. Но к этому времени вспыхнуло восстание на правом берегу реки Чарыша и по течению реки Ануй. Полковнику Полякову пришлось поэтому отказаться от наступления на Чарышскую пристань.

¹ История захвата парохода «Колывань» подробно изложена в докладной записке, которая напечатана в разделе «Колчаковские документы».

Около 5 тысяч повстанцев тем временем отправились громить казачьи станицы, а 10-тысячная армия, сгруппировавшаяся у больших старожильческих селений Нижне-Озерной и Коробейниково, намеревалась двинуться на опорную базу колчаковцев, на село Быстрый Исток.

Это обстоятельство побудило Полякова дать бой повстанцам у Нижне-Озерной и Коробейниково, чтобы отстоять от разгрома казачьи станицы. И 14 августа, по приказу Полякова, отряд в 300 штыков двинулся через деревни Завьялово и Шалагино на дер. Чесноковку, откуда часть отряда пошла на дер. Усть-Чарышскую для заслона, а главные силы в 250 штыков на дер. Н-Обинскую и дер. Нижне-Озерную. Одновременно с этим Поляков двинул отряд кавалерии в 200 сабель на казачью станицу Терскую.

Бой под Нижне-Озерной разыгрался к вечеру 15 августа. Открыв пулеметный огонь, цепи колчаковцев пошли в наступление на повстанцев, засевших в окопы. Отстреливаясь и нанеся большие потери противнику, повстанцы неожиданно начали отступать на вторую линию окопов. Противник увлекся преследованием и не заметил, как его с обоих флангов обошла кавалерия повстанцев.

Колчаковцы дрогнули и под прикрытием ночной темноты бросились в панике отступать на станицу Петропавловскую, где они соединились со своей кавалерией, с которой и ушли на село Быстрый Исток.

Отступление повстанцев

Все эти неудачи заставили колчаковское командование бросить в повстанческий район большие военные силы. Из Бийска был отправлен под командой ротмистра Пауска дивизион чешской кавалерии при 2 легких орудиях, а полковника Полякова, внезапно «заболевшего», сменил полковник Хмелевский.

Чтобы не быть отрезанным от Бийска, полковник Хмелевский послал на пароходе в устье р. Катуня разведку, которой предписал войти в связь с оперировавшим там под командой поручика Серебренникова конным дивизионом алтайцев. Кроме того, Хмелевский в тот же день отдал приказ чешским кавалерийским частям и отряду пехоты начать наступление на село Верх-Ануйское, после занятия которого продолжать движение на Терское, Покровское до станицы Антоньевской.

21 августа станицы были очищены от повстанцев и отряды Хмелевского подошли к селу Михайловскому.

Несмотря на довольно большую численность колчаковского отряда, насчитывавшего около 500 штыков и сабель при 2 орудиях и 4 пулеметах, повстанцы села Михайловского все же приняли бой, который кончился для них крайне неудачно: более 400 повстанцев было убито и зарублено.

23 августа колчаковцы начали наступать на Коробейниково,

население которого, зная о разгроме повстанцев у села Михайловского, сдалось без боя.

25 августа сдалось без боя и село Усть-Пристань.

Из Усть-Пристаны Хмелевский с отрядами двинулся в тот же день на село Вяткино, куда к вечеру на 3 пароходах из Барнаула подошел и капитан Харченко, о котором мы уже упоминали.

Из Барнаула Харченко выехал 16 августа. Его большому отряду, состоявшему из 500 сабель и 300 штыков при 4 орудиях и 10 пулеметах, не представляло никакой трудности разгромить мелкие отряды повстанцев в селениях Рассказихе, Васиной, Малоречье и др.

Упорное сопротивление отряд Харченко встретил только под селом Усть-Алейским, где фронт повстанцев против отряда прапорщика Миронова продержался около 2 недель (до 23 августа).

Этот фронт, насчитывавший около 3000 повстанцев, был отрезан войсками колчаковцев от главных сил отряда, и повстанцам пришлось переправиться через р. Обь в Петровскую лесную дачу на кордон Червячки.

Здесь была произведена реорганизация отряда, в результате чего создано два полка. Общее командование обоими полками возложено было на Г. Л. Щербинина, командиром же 1-го полка был избран Котов, а 2-го—Демидов. Полки эти впоследствии делали налеты на Бийскую железную дорогу и к декабрю 1919 года совершенно вытеснили из сел, расположенных по р. Оби, колчаковские гарнизоны.

Заняв Усть-Пристань, полковник Хмелевский прежде всего навел «порядок»: 3 повстанца были повешены, 17 расстреляны и 8 изрублены шашками, а потом уже он отправил в Бийск по начальству рапорт, в котором сообщал:

«Народ с поднятыми вверх руками и белыми флагами и хоругвями встретил наши пароходы. С пристани пошли в церковь, где был отслужен молебен, роздано послание патриарха Тихона и произнесена большая проповедь с вразумлением мятущемуся народу, который после этого вернулся к мирному труду».

Но «мятущийся народ» далеко не был удовлетворен той поповской идиллией, которую в таких радужных красках разрисовал перед начальством колчаковский полковник. Несмотря на то, что к моменту взятия Усть-Чарышской пристани Зиминский район находился почти в полном окружении, повстанцы стойко держались и с героической самоотверженностью отбивали атаки колчаковцев. Двум колчаковским эскадронам, правда, удалось занять Чистюньку и даже водвориться в с. Зимино, но ненадолго. Плохо вооруженные повстанцы дружно перешли в наступление и выбили колчаковцев. Но так как дальнейшее сопротивление при создавшейся обстановке все же было бесполезно, зиминский штаб отдал приказ об отступлении на с. Брусенцево, а от туда на Осколково.

В тот же день к вечеру вся местность была охвачена огром-

ным заревом пожаров. Это колчаковцы мстили за неподчинение власти и за поражения, которые нанесли им повстанцы в боях.

По пути отступления к зиминцам присоединялись все новые и новые отряды: обских, чарышских, предгорных, заобских, приборовских повстанцев. В с. Осколжово собралось около 5.000 повстанцев.

Оставив свои хозяйства и неубранный на пашнях созревший хлеб, повстанцы шли в чужие, неизвестные им места с единственной перспективой бороться до полной победы над колчаковщиной или умереть в бою.

Вместе с отступающими тянулись и их семьи с ребятишками. Многие увозили с собой скот и домашний скарб. Шли также обозы с ранеными. Словом, громаднейшая вереница подвод неудержимым потоком катилась вперед.

24 августа повстанцы прорвались у д. Кашино через линию железной дороги под обстрелом колчаковских броневиков, стремившихся отрезать путь отступления в боры, и двинулись на село Боровское. К этому времени в отряде осталось только 2000 человек. Уставшие и истомленные отстали в пути и разбрелись по селам и деревням.

Одновременно с повстанцами к Боровскому подошли и передовые части егерского батальона подполковника Окунева, который имел задачу отрезать путь отступления повстанцам и ликвидировать их. Завязался горячий бой. Не выдержав неожиданного напора больших сил вооруженного противника, повстанцы с боями начали отступать на села Урлапово и Зеркальское, где и слились с отрядом Захарова, насчитывавшим около 500 человек¹.

В бою у с. Зеркальского полковник Окунев имел около

Р. П. Захаров

¹ Как уверяет Ф. Архипов, этот бой с батальоном подполковника Окунева фактически закончился победой повстанцев, которые нанесли белым большие потери и заставили их отступить. В этом бою повстанцы даже захватили несколько возов обмундирования, несколько солдат и винтовку «Шоша» (неполные части). Прогнав белых, повстанцы, однако, отступили, но только для того, чтобы объединиться с частями Р. Захарова, дабы совместными силами возобновить наступление и окончательно разбить белые части Окунева. Повстанцам это удалось осуществить в ближайшем же бою, который произошел у села Зеркальского. *Прим. ред.*

1000 отборных солдат егерей с двумя трехдюймовыми орудиями и десятью пулеметами.

На поскотине у села оборонялся Захаров с тремястами разнокалиберных винтовок, одним пулеметом и тремя самодельными пушками. В резерве у него находилось около 1700 бойцов, вооруженных пиками.

Полковник Ожунев под гром орудий и треск пулеметов, как на ученье, спокойно развертывал цепи. Он знал, что у повстанцев мало оружия и патронов и, поэтому, заранее был уверен в победе.

Но повстанцы, чего не ожидал полковник, проявили в бою исключительную выдержку, полнейшее хладнокровие и искусство обороны. Несмотря на убийственный огонь вражеских пулеметов, повстанцы близко подпустили егерей к окопам и метким огнем из винтовок нанесли столь серьезные потери противнику, что он вынужден был отказаться от преследования и уйти на станцию Шипуново для пополнения своих сил.

С отходом белых повстанцы получили возможность свободно продвигаться дальше. Через села Коробейниково и Поломошное пробрались они в Новичиху, где и слились с повстанческим отрядом Мамонтова.

4. В предгорьях и горах Алтая

(В Бийском и Каракорумском уездах)

В то время как в Барнаульском и Змеиногорском уездах ликвидация восстания подходила к концу и из сел, расположенных по линии железной дороги и по берегам р. Оби, разбитые в боях повстанцы потянулись в боры на соединение с Мамонтовым, в Бийском уезде и в горах Каракорумского уезда (нынешней Ойротии), а также в степях Славгородского и Каменского уездов восстание только начинало развиваться и крепнуть.

В Бийском уезде восстание было поднято лишь в середине августа, ибо слухи о восстании «на степи» и приказы зиминского штаба дошли в эти места только к 15-18 августа.

Поднять восстание в ближайших к городу Бийску селениях не удалось, потому что здесь оперировали отряды милиции и каракорумцев под командой поручика Гордиенко. Мелкие отдельные стычки повстанцев с частями этих отрядов произошли только в Верхне-Ануйском, Камышенке и Солоновке.

В предгорьях Алтая первые крупные отряды повстанцев были сформированы в селах Михайловском, Огнях, Сибирячихе, Малом и Большом Бацелаке и Сентелеке казаком большевиком Пичугиным, матросом Акимовым, фронтовиком Никифоровым, Ряполовым и др.

Из села Мал. Бацелака восстание начало распространяться по двум направлениям: вверх по течению реки Чумыша в селах Кор-

гон, Чечулиха, Тюдрала, Усть-Кан, Абай, Уймон и в северо-восточном направлении — в селениях Тележиха, Солонешное, Куяган, Черный и Белый Ануй.

После того, как в восстание были вовлечены все села и деревни, повстанцы решили выступить против казачьих станиц.

Перед началом восстания казачество заявило о своей лояльности повстанческому движению и обещало «примкнуть к народу и вести на честных правилах борьбу с правительством». Казачество даже сдало повстанцам часть своего оружия. Однако, вскоре зажиточное казачество изменило своему слову и начало из станиц перебегать к правительственным отрядам. Такое вероломство вызвало сильное озлобление повстанцев против зажиточных казаков. Повстанцы принялись громить их станицы: увозили из амбаров хлеб, угоняли лошадей, крупный и мелкий скот, портили сельско-хозяйственные машины. Всего повстанцами было разгромлено 8 станиц¹.

20 августа повстанцы обложили со всех сторон самую большую из станиц — Чарышскую.

Увидев 7-8-тысячную крестьянскую лавину, станичники послали делегатов сообщить повстанцам, что они сдаются им без боя. Те согласились, но поставили условие — сложить все оружие и выдать «грозу» района, есаула Шестакова вместе с его штабом.

Это предложение было принято. Повстанцы взяли в плен около 500 станичников, способных носить оружие, 4 воза винтовок и 1 пулемет. Среди пленных находился И. Я. Третьяк, который впоследствии сыграл видную роль в партизанском движении в Горном Алтае².

Казачье население пос. Тулатинского не пожелало сдать оружие и бежало в станицу Тулату. Когда повстанцы перешли в наступление на Тулату, казаки ушли в поселок Яровской. Повстанцы отправили к казакам делегатов с предложением сложить оружие, но казаки убили делегатов и перешли в наступление на Тулату, откуда выбили повстанцев.

Однако, после подхода подкреплений повстанцам удалось не только снова занять Тулату, но также и Яровское. В этой станице они простояли гарнизоном до 28 августа, когда из Усть-Каменогорска прибыл отряд казаков в 600 сабель, после боя с которым повстанцы принуждены были отступить к Малому Баче-лаку и Сентелеку. В происшедших здесь боях, которые носили ожесточенный характер, повстанцы из-за недостатка оружия и патронов — этой общей беды всех повстанцев — были разбиты. Тысячи повстанцев бежали в горы, спасаясь от преследования колчаковцев. Третьяку удалось сформировать из бежавших так

¹ См. в приложении заметку Ф. Архипова — «Отношение казачества к повстанческому движению» и относящиеся к этой заметке документы.

² См. книгу И. Я. Третьяка — «Партизанское движение в Горном Алтае», Новосибирск, 1933 г. В этой книге И. Третьяк подробно рассказывает о том, как он попал в плен и как началась его партизанская деятельность.

называемый 1-й Горноконный полк, с которым он 17 сентября двинулся на с. Тележиху и Черный Ануй, имея намерение соединиться с уймонцами.

Повстанцы Горного Алтая (нынешняя Ойротия) ограничились мелкими выступлениями и несколькими стычками под селами Куяганом, Барагашем, Белым Ануем и Шебалино. Развить массовое повстанческое движение в этом районе не было возможности, так как этот район был населен «каракорумцами», из которых колчаковцы комплектовали карательные алтайские дивизионы¹. Кроме того, в Улале (Ойрот-Тура) и в других селах района русское население находилось под влиянием эсеров. Это влияние сказалось и в резолюции, которую повстанцы вынесли на Солонешенском и Черно-Ануйском с'ездах (26 августа и 3 сентября) по вопросу о причинах и целях восстания.

«Народное восстание на Алтае, — говорится в резолюции, — возникло подобно буре, народ был выведен из терпения насилиями, чинимыми агентами правительства Колчака, расстрелами, порками и др. издевательствами. Жить по-человечески, свободно дышать и спокойно трудиться стало невозможно, и народ взялся за оружие. Нас никто не подстрекал и не руководил нами. Народное восстание не преследует партийных целей, мы признаем равноправность всех народностей и полную свободу вероисповеданий. Смертная казнь, тяжелое наказание и всякое насилие над личностью должны быть отменены немедленно. Мы боремся за восстановление всеобщего мира в России, за объединение в одну дружную братскую семью всех враждующих и проливающих братскую кровь сынов великой исстрадавшейся нашей родины».

Эта резолюция своим острием была направлена против Советской власти. Состряпав эту «демократическую» антисоветскую резолюцию, эсеры раз'ехались на места, чтобы заняться подготовкой отрядов для борьбы за восстановление Учредительного собрания. Собственно говоря, с колчаковщиной эсеры фактически никакой борьбы не вели, но предвидя, что, под ударами Красной армии и рабоче-крестьянских восстаний в тылу, колча-

¹ Вскоре после февральской революции ойротские баи, руководимые многочисленной ойротской интеллигенцией, объединились в национально-шовинистическую организацию, которая ставила себе целью превратить Горный Алтай в ойротскую национально-буржуазную республику — «Каракорум», каковым именем, по преданию, назывался город, бывший столицей Джунгарского (ойротского) феодального государства, которое разгромлено было китайцами в 1757 году. Члены этой ойротской национально-буржуазной организации назывались «каракорумцами». Своей демагогической агитацией, выдвигая на передний план лозунг «Алтай для алтайцев», каракорумцам удалось подчинить своему влиянию преобладающую часть ойротского населения. Каракорумцы боролись против советской власти. Они формировали национальные вооруженные отряды, которые были предоставлены в распоряжение Колчака для борьбы с большевиками и партизанами.

Прим. ред.

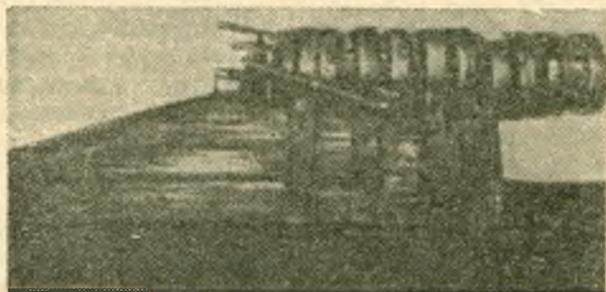
ковщина неминуемо погибнет, эсеры предприняли шаги, чтобы заранее обеспечить себе такую боевую силу, которую они могли бы противопоставить партизанскому движению, шедшему под знаменем «за власть советов». На стороне эсеров стояли, конечно, кулаки, торговцы и значительная часть интеллигентов (учителя, служащие) горно-алтайских сел и деревень. Так как многочисленные черно-ануйские и уймонские большевики не проявили достаточной бдительности, то эсерам удалось широко развить свою агитационную деятельность и даже вовлечь в свои сети более широкие круги крестьянского населения, которое, вообще говоря, плохо разбиралось в политической обстановке и, по существу, не знало, чего именно хотят эсеры и куда гнут они свою линию.

Дело, однако, изменилось, как только эсеровские отряды — кстати сказать, малочисленные по количеству бойцов — пришли в соприкосновение со вступавшими в Горный Алтай партизанскими отрядами, которыми командовал И. Третьяк. В этих последних отрядах имелась довольно сильная большевистская группа, которая быстро разобралась в обстановке и разоблачила пред бойцами все махинации эсеров, их контрреволюционные вождения и намерения. Эсеры были сняты с руководства.

Руководство и командование всеми боевыми отрядами перешло в руки большевиков¹.

5. В степях Кулунды

Центральными пунктами восстания в западной части Барнаульского и Каменского уездов являлись села Павловский завод, Усть-Мосиха и Корнилово.

Партизанская пушка в с. Усть-Мосиха, Каменского уезда

Село Павловский завод расположено в 60 верстах от Барнаула на трактовой дороге. Население села состояло из старожил

¹ Эта борьба с эсерами подробно изложена в книге И. Третьяка. — «Партизанское движение в Горном Алтае», стр. 66—70 и др.

бывшего казенно-заводского крестьянства и переселенцев из России.

Вдохновителями восстания в Павловском, как и в других местах этого района, были большевики и рабочие, уцелевшие от колчаковской расправы: П. Панфилов, В. Пожогин, В. Сбоиков, А. Бедарев, А. Бычков, А. Воронин, Азикин, Вельдяйкин, Черепанов, Игнатов, Кутенев, Ворошилов и многие другие.

Узнав, что Зимино поднялось, павловцы собрались 2 августа на сходку, избрали ревком, объявили мобилизацию молодежи в возрасте от 23 до 25 лет и уже на следующий день произвели разбивку мобилизованных на роты и эскадроны. Спешно собиралось огнестрельное оружие и ковались пики. Из старых чугунных труб кузнецы смастерили 2 пушки: одну разорвало при первом же выстреле, а другая действовала в продолжение всей осады Павловска¹.

К 5 августа в восстание были вовлечены все села и деревни, начиная от Шелаболихи, расположенной у р. Оби, и до дер. Михайловки, находившейся в 25 верстах от Барнаула.

Колчаковские военные власти Барнаула на первых порах бездействовали. Они не могли послать войска для подавления восстания, ибо все имевшиеся в Барнауле военные силы уже были брошены в другие уезды. Но вот 10 августа разведчики донесли штабу, что из Барнаула на д. Шахи идут две роты белых численностью в 250 штыков.

Павловцы заняли позицию в одной версте от села по опушке бора у дороги на дер. Шахи, но белые пробрались по берегу речки в тыл и ударили с той стороны, откуда павловцы их не ожидали. Однако, повстанцы не растерялись и после ожесточенного боя заставили белых в панике отступить на дер. Шахи.

12 августа из Барнаула подошла к колчаковцам еще одна рота при пулемете. Предполагая, что с такими силами удастся взять село лобовой атакой, белые снова повели наступление на Павловск. Их натиск был так стремителен, что разведчики повстанцев не успели даже сообщить в штаб о движении противника, который ворвался в село и открыл ружейный и пулеметный огонь вдоль улиц. Павловцы, однако, не смутились и на этот раз. Загнув фланги, они встретили атакующих залповым огнем из ружей и огнем из своей самодельной пушки.

Беляки дрогнули и, едва успевая подбирать убитых и раненых, поспешили удрать из леса, а оттуда в дер. Шахи.

13 августа к Шелаболихе подошел из Барнаула пароход с отрядом полковника Окунева: 700 егерей при 2 орудиях и 8 пулеметах. После разгрома с. Шелаболихи, отряд пошел на село Павловский завод и участь завода была решена. Население завода не защищалось, оно вместе с повстанцами бежало в с. Боров-

¹ Эта пушка хранится в музее гор. Барнаула.

ское, где находился повстанческий отряд под командой Родиона Захарова.

Имея задание очистить от повстанцев села, расположенные в приборовой полосе, отряд Окунева отправился из села Павловского на села Рогозиху, Боровлянку, Усть-Мосиху, Ребриху. Так как из этих сел отряды повстанцев ушли в поход на Сузун-завод и гор. Камень, воинская часть Окунева здесь не встретила сопротивления. Зато под селами Пановой, Подстепной и Малыми Бутырками между колчаковскими войсками и повстанцами произошли ожесточенные бои. В этих боях, кроме населения вышеуказанных сел, принимали также участие жители сел Боровского, Урлаповского, Зеркальского, Рожнева Лога, Ворончихи, Буканского. Отрядами командовали Пьянков, Стреляев, Каширов, Блынский, Городов, Новаковский и др. Общее же командование находилось в руках Захарова, который действовал по указаниям Главного Штаба.

Во время боя под Малыми Бутырками Окуневу, благодаря предательству местных кулаков, удалось пробраться с двумя фотами егерей в тыл повстанцев. Большая часть повстанцев разбежалась, около 50 человек утонуло в озере, а из 200 взятых в плен 49 было расстреляно.

До района партизанских действий, где оперировал Мамонтов, оставалось всего только два дневных перехода. Однако, Окунев туда не пошел, так как его отряд нуждался в пополнении.

Не лишним считаем здесь отметить, что в повстанческом районе Мамонтова население вообще чувствовало себя более спокойно и более уверенно, чем в других районах. Дело в том, что еще весной Мамонтов изгнал из района представителей колчаковской власти. Этот район, который колчаковцы боялись тревожить, считался твердыней повстанцев. Отсюда и берет начало та популярность, которой Мамонтов пользовался среди крестьянства Славгородского и других уездов. Этим также и объясняется, почему к Мамонтову потянулись все остатки ликвидированных повстанческих отрядов.

6. Камень в руках повстанцев

До возникновения массового повстанческого движения в Каменском уезде работу по организации подпольных ячеек вел, как мы уже сообщали, бывший член каменского совдепа И. В. Громов.

Работа Громова тесно была увязана с солоновским (в Славгородском уезде) и усть-мосихинским (в Каменском уезде) штабами, а также с подпольной большевистской организацией города Камня, во главе которой находились Коржаев, Моткин, М. Пенягин, Боев, Хухров.

Когда зиминское восстание охватило все уезды бывшей Алтайской губернии, каменская подпольная организация из-за отсутствия оружия долгое время воздерживалась от выступления.

«Для того, чтобы втянуть массу в борьбу, — пишет в своих воспоминаниях тов. Громов, — надо было показать крестьянам, что у нас (т. е. подпольщиков) есть сила и оружие, а для этого нужно было занять город¹.

В Камне в то время расквартирован был незначительный гарнизон беляжов, состоявший из солдат местной команды и милиции.

В ночь с 16 на 17 августа часть гарнизона уехала на пароходе в г. Новониколаевск за боевыми припасами. Подпольная организация немедленно сообщила об этом Громову. Однако, подпольная организация не знала, что в ту же ночь к пристани подошел из Новониколаевска на барже и канонерке с потушенными огнями отряд польских войск с пулеметами и одним орудием. Благодаря такому обстоятельству, обстановка для наступления изменилась для повстанцев в неблагоприятную сторону.

Отряд Громова насчитывал в своих рядах только 120 бойцов. Этот отряд был разбит на группы и каждой группе дано было определенное задание: одна должна была занять тюрьму и освободить арестованных, другая — взять пристань.

Уверенные в успехе, повстанцы в 2 часа ночи пошли в наступление, но встретили сопротивление со стороны поляков и солдат гарнизона, которые рассыпались цепью и открыли огонь.

Завязался отчаянный бой.

Повстанцы храбро сражались, но выдержать напор более многочисленного и лучше вооруженного врага им не удалось. Потеряв в бою 12 человек убитыми и 32 чел. ранеными, повстанцы, которым все же удалось захватить на время тюрьму и освободить 40 арестованных, к 6 часам утра отступили из города.

Весть о восстании быстро разнеслась по окрестным селам и деревням. Крестьяне начали со всех сторон стекаться на помощь повстанцам. Для Камня создавалось угрожающее положение. Дрожа за свою шкуру, каменские сатрапы решили эвакуироваться. 18 августа все правительственные учреждения города (управление уездом, управление коменданта, воинского начальника, милиции, казначейство, почтовая контора) погрузились на пароход и под прикрытием польских войск отправились вниз по Оби в Новониколаевск.

Об этом из Камня сообщили Громову, вокруг которого собралось уже по его зову до 10 тысяч повстанцев, и он снова занял Камень. В городе в тот же день восстановили Советскую власть. В Горсовдеп избрали Коржаева, Носова, Боева, Клевцова, Хохлова, Хухрина. Военный штаб приступил к организации самообороны. К населению обратились с призывом записываться добровольцами и нести в штаб оружие.

¹ См. статью «Партизан. движен. в Зап. Сибири» Громова—Мамонтова. Сборник Истпарта № 1, изд. Сиббюро ЦК ВКП(б), гор. Новониколаевск, 1923 г.

Долго продержаться в городе повстанцам, однако, не удалось. К вечеру того же дня на р. Оби, со стороны Новониколаевска, показался дым 4 пароходов. Это возвращались бежавшие колчаковские власти, встретившие военное подкрепление, которое послано было в Камень из Новониколаевска.

Пароходы причалили к пристани и началась перестрелка. Сильным ружейным, пулеметным и орудийным огнем повстанцы были выбиты из позиций и начали отступать в степь по корниловской и ярковской дорогам, бросая по пути отступления телеги, конскую упряжь, стяжки, лопаты, вилы.

Поляки преследовали отступающих и выбивали их из сел и деревень. Лишь в бою под селом Тюменцевым повстанцам удалось на время приостановить наступление поляков.

7. Расправа колчаковцев

Во время ликвидации массового восстания отряды колчаковских войск руководились приказом «верховного правителя» беспощадно уничтожать «большевистские разбойничьи банды и всех вместе с ними выступающих» против правительственной власти.

Каковы же приблизительные итоги этой расправы?

В селе Зимино каратели сожгли 92 дома с несколькими амбарами хлеба и расстреляли 35 жителей.

Отряды полковника Харченко и Хмелевского и поручиков Гордиенко и Серебrenникова расстреляли и повесили свыше 3000 человек в Усть-Чарышской пристани, Вяткино, Легостаево, Рассказихе, Михайловке, Огнях, Сибирячихе и др. селах Барнаульского и Бийского уездов¹.

Из села Усть-Алейского, где сожжен был 61 дом, и сел Зимино и Чистюньки в течение нескольких дней вывозилось на нескольких стах подводах разное крестьянское имущество: пимы, шубы, полушубки, а также съестные припасы: масло, птица, хлеб, мука, свинина и т. д. Угонялись также целые гурты рогатого крупного скота, овец и лошадей.

Отряды подполковника Окунева расстреляли без суда и следствия в с. Павловском 2 повстанцев, в Рассказихе — одного, в Усть-Мосихе 21, в Зеркальцевой — 2, в Коробейниковой — 2, в Урлаповой — 2. В деревнях же Черемновой и Стуковой сожжены были почти все дома.

Из с. Сузун-завода председатель волземуправления доносил начальнику: «24 повстанца были расстреляны отрядами правительственных войск и милиции, 13 препровождены в город, 8 представлены в распоряжение начальника коитпрзведки в гор. Камень при рапорте № 2657».

В с. Аллакском расстреляно было 24 повстанца.

В день бегства в Новониколаевск белые в гор. Камне расстре-

¹ Взято из анкеты Барнаульского Окразхбюро, которая была проведена в 1921 г.

ляли 40 человек, находившихся под арестом в тюрьме. При вторичном взятии города белые расстреляли свыше 200 человек, за-подозренных в участии в повстанчестве.

В селе Павловском расстреляно и зарублено свыше 500 чел.

Поляки сожгли дер. Ярки полностью, а в с. Прыганке 193 дома, причем в огне погибли здания волости и школы. На раз'езде № 11 около Черепановой анненковцы расстреляли 15 повстанцев, повесили 2 и закололи кинжалом девушку партизанку.

Все эти «доблестные подвиги» колчаковских войск сопровождались бесшабашным пьянством, порками мирного населения, а также насилиями над женщинами. Пороли не только за неосторожное выражение или за случайное слово протеста, но также за недружелюбный взгляд, пороли и тех, кто на ужин или обед карателям приносили молоко, но не приносили яиц или приносили яйца, но не приносили молока.

В с. Сарайке, Нижне-Каргатского района, Каинского уезда, колчаковцы обезоружили 187 повстанцев и над многими из них издевались: резали носы, уши, кололи штыками. Таким пыткам подвергнуто было 38 чел., из которых 4 остались в живых¹.

В с. Казанцевском, Тальменской волости, Барнаульского уезда, поляки и чехи изнасиловали 10 женщин и 7 девушек и расстреляли 5 мальчиков².

После ликвидации восстания к городским властям начали поступать многочисленные приговоры от сельских и волостных обществ с выражением «преданности» правительству и «готовности нести жертвы государству».

Эти приговоры составлялись приверженцами и ставленниками Колчака земцами и местными кулаками. Сузун-заводское волостное собрание в своем протоколе вынесло постановление³:

«1) 7 августа в село Сузунское прибыл отряд из села Ильинского, Каменского уезда, численностью до 100 чел. и на все наше население с. Сузунского навел страшную панику под силой угрозы оружия, с целью восстать против Сибирского временного правительства и присоединиться к ним — сделать народное восстание, говоря о партийной борьбе и восстании большевиков, а так как такой панике сообразоваться со всеми чувствами и из боязни применения насильственных мер мы поневоле вынуждены были бороться вместе с восставшими, приверженцами бывшей советской власти, и благодаря приехавшему сегодня в наше селение правительственному отряду и видя от него защиту, мы категорически заявляем — прекратить свои нелепые действия, придя к мировой жизни подчиниться временному сибирскому правительству.

2) Отозвать всех находящихся в разных местностях фронта восставших и заблудившихся своих граждан, предложив им доб-

¹ См. хранящиеся в Сибистпарте «Воспоминания» повстанца Ф. В. Степанова.

² См. хранящийся в Сибистпарте «Протокол граждан с. Казанцевского».

³ Документ печатается с сохранением орфографии и пунктуации.

ровольно сложить оружие, сдав избранным для этой цели гражданам села Сузунского С. М. Вольткину и Е. А. Кобзарю.

3) Отправить новобранцев в гор. Камень 17 сего августа в 10 утра».

Сельский сход деревни Каменушки постановил: «Всепогоднейшее наше желание и стремление, сплотясь в одно, подчиниться, как и ранее подчинялись, нашему благоверному защитнику временному всероссийскому правительству и все касающиеся от нас требования и распоряжения выполнять. Постановляем приступить к сбору пожертвований на армию правительственных войск».

Вслед за приговорами о «преданности» стали поступать и «добровольные» жертвования в пользу сибирской армии.¹

Так, например, в селении Малышевской волости, Каменского уезда, было собрано по селу Малышевскому 3088 рубл. 25 коп., Поротниковской 1900 руб., Каргополовой — 3151 руб., Зориной — 316 руб. 10 к., Малышевой, — 1028 р. 20 к., Тарадановой—2573 р. 89 к., Каменушке—316 р. 78 к., Н. Сузун—1650 р., В. Сузун — 2028 р. 20 к., а всего 16025 р. 77 к.¹

Такого рода «жертвования» собирались и в других уездах.

Патриотические чувства и жертвенные порывы вызывались простым способом. Занимая деревню или село, начальник карательного отряда собирал сход и приказывал крестьянам уплатить контрибуцию для возмещения расходов, якобы, понесенных правительством во время подавления восстания. Приказ обычно подкреплялся соответствующим «воздействием».

«Если в течение 2 часов контрибуция не будет внесена и не будет составлен приговор о подчинении правительству, то неаккуратные плательщики, — угрожал начальник отряда — будут расстреляны, а имущество их сожжено».

Благодаря таким внушениям, трем начальникам отрядов—полковнику Ананьину, капитану Богданову и капитану Петрову — удалось в одном только селе Казанцевском (Тальменского района, Барнаульского уезда) получить с 522 домохозяев 218.000 руб. контрибуции. Однако, этой суммой каратели не удовлетворились и в дополнение к ней забрали еще 37 самых лучших лошадей, стоимость которых, по самым скромным подсчетам хозяев, определялась не менее как в 75 тыс. руб.

Контрибуция собиралась не только деньгами, но и сельскохозяйственными продуктами. В селе Ярках, Карасевской волости, Барнаульского уезда, было взято продуктов на 46.510 руб.: 300 пудов овса, 50 пудов семян, 45 пудов топленого масла, 2 пуда меда, 70 подвод сена, 21 свинья, 2 коровы. В счет контрибуции засчитывались даже яйца и картофель: так яиц было взято 500 штук, картофеля 400 пудов.

¹ См. в приложении рапорт председателя Малышевской волостной земской управы.

В грабеже крестьян принимали участие поляки и чехи. Эти последние, впрочем, грабили с некоторой осторожностью. Так в селе Шиловой, где караул состоял из чехословаков, «таинственно» исчез казенный денежный ящик с 24.000 руб.

8. Реорганизация повстанческих отрядов

Первый месяц борьбы убедил повстанцев, что мелкими, разрозненно действующими отрядами особых успехов не удастся достигнуть. Остатки разбитых повстанческих отрядов, как мы уже знаем, потянулись на соединение с партизанскими отрядами Мамонтова. И 9 сентября в селе Солоновке, где находился партизанский штаб Мамонтова, произошло слияние всех штабов. Повстанческий штаб зиминцев, действовавший в Барнаульском уезде, и партизанские штабы Мамонтова и Громова, действовавшие в Славгородском и Каменском уездах, слились в один, под названием «Главный Штаб крестьянской Красной армии Алтайского округа». Главкомом был избран Е. М. Мамонтов, помощником Р. П. Захаров, начальником штаба Ф. И. Архипов. Кроме этих лиц в состав штаба были избраны: Г. С. Ивкин, И. Ф. Чеканов, М. К. Сизов, А. А. Игнатов, К. Н. Брусенцев и другие.

По сконструировании главного штаба от имени военного отдела было издано циркулярное распоряжение командующим фронтами, начальникам районных штабов и председателям ревкомов, в котором излагались цели и задачи борьбы и намечались методы и тактика военных действий.

8 же сентября одновременно в селе Вознесенском и с. Линьках, Славгородского уезда, были созваны с'езды советов крестьянских и рабочих депутатов восставших местностей. На этих с'ездах заложено было начало организации гражданской власти на территории, занятой повстанцами: был избран «Облаком» (областной исполнительный комитет советов крестьянских и рабочих депутатов). Председателем комитета был избран Петр Клавдиевич Голиков, которого томская подпольная большевистская организация командировала к партизанам для партийного руководства.

Эти организационные мероприятия благоприятно отразились на дальнейшей борьбе повстанцев. С этого момента колчаковские отряды, несмотря на превосходство в технике, начали терпеть одно поражение за другим.

Так, например, уже в бою под с. Мельчиковым (Славгородского уезда), который произошел 8 сентября, через несколько дней после объединения отрядов, егерский батальон в 1000 штыков при 10 пулеметах, под командою полковника Окунева, был разбит наголову, причем партизанам в трофеи досталось 500 пленных и 8 пулеметов.

Благодаря этим победам, повстанческое движение начало охватывать все больший и больший контингент борцов за свержение колчаковщины и восстановление Власти Советов.

Как восстало село Зимино

В марте 1918 г. я демобилизовался и отправился в Сибирь, в Барнаул, где вступил в Красную гвардию. Как красногвардейцу мне пришлось принять участие в боях против чехословаков на станции Черепаново. Затем мы отступили до Алейской, где были разбиты. Я отправился в село Зимино. Там жили мои родные.

Чтобы не попасть белогвардейцам в руки, мне приходилось скрываться, вести подпольный образ жизни. На таком положении находились также товарищи Кузьмин и Грачев. Первый жил на Большой Речке, а второй в селе Легостаево. Мы часто встречались.

Но вот в нашем районе начали появляться в одиночку и группами дезертиры из колчаковской армии. Эти дезертиры были, главным образом, бывшие красногвардейцы и бывшие фронтовики империалистической войны. В Зимино также скрывались дезертиры, а именно Чаузов и Корсекин, были и другие. Мы изредка сходились к Василию Жогову и Фомичеву для обсуждения создавшейся обстановки. Во время одной такой беседы

решено было в Зимино организовать подпольную ячейку. Собрали организационное заседание и избрали президиум: Ивкина избрали председателем, Белова секретарем, а членами: Якова Нагайцева, Ипата Царева, Григория Хохлова и Ивана Васюкова. В этом смысле был составлен наш первый протокол. Необходимо заметить, что большую роль в нашей организации играл Иван Ефремов.

Основная задача нашей организации на первых порах сводилась к тому, чтобы завязать сношения с подпольщиками и дезертирами, скрывавшимися в других селах. Вскоре в нашу органи-

Т. С. Ивкин

зацию вступил тов. Архипов. Он был в Зимино учителем. Под видом обучения неграмотных чтению, он вел с нами беседы на политические темы. Благодаря активному участию т. Архипова, работа нашей организации значительно оживилась.

Для связи с подпольными ячейками, успевшими организовать в других селах, был выделен ряд товарищей. Так, например, М. Розинкину поручено было держать связь с ячейкой села Брусенцево, И. Чаузову — с деревней Большая Речка, В. Кузьмину — с селом Легостаево, Соколову — с Уч-Пристанью, Семенихину и Гололобову — с Колпаково, Р. Захарову — с Боровским, Хохлову — с Солоновкой, Ефремову — с Вяткино, Брусенцеву — с Червянкой, Чапыгину — с селом Фунтики.

Ф. И. Архипов

Вскоре нам удалось установить крепкую связь с барнаульской подпольной организацией.

Как только наша зиминская подпольная организация несколько укрепилась, мы начали агитировать крестьян, чтобы они не давали Колчаку хлеба и солдат. Наша агитация имела большой успех. Дезертирство из колчаковской армии увеличилось.

В одно прекрасное утро милиционер по какому-то подозрению арестовал Архипова. Мы наострились, нам стало ясно, что за организацией следят. Однако, Архипова скоро освободили, и он немедленно выехал из села Зимино. С его отъездом работа нашей организации значительно ослабла. Между тем, начальника зиминской милиции перевели в другое место. Тогда Архипов, после месячной отлучки, вновь вернулся в Зимино. Чтобы знать,

что намерена предпринять милиция, и чтобы в будущем обезопасить организацию от случайных и непредвиденных арестов, мы ввели в милицию нескольких своих людей. Архипов же поступил на службу писарем в сельскую управу. Его работа, главным образом, сводилась к тому, что мобилизованным в колчаковскую армию он выдавал такие паспорта, по которым они легко и свободно могли проживать всюду, не вызывая подозрения в дезертирстве.

На одном из наших собраний живо обсуждался вопрос, какие организовать отряды — мелкие или крупные. Ефремов отстаивал необходимость организации мелких отрядов, Архипов же ука-

зывал, что успех могут иметь только крупные дисциплинированные отряды, беспрекословно выполняющие боевые приказы и распоряжения своего командира.

Формирование отрядов велось энергично. Мы намеревались уже в мае поднять восстание, но подпольная барнаульская организация, по сообщению т. Кузьмина, не разрешила нам выступить в мае.

Приблизительно в это время в нашу организацию затесался, под видом рабочего, один колчаковец с явной целью проследить и выдать нас. Его разоблачили и убили.

Работа по организации подпольных ячеек и формированию боевых отрядов продолжалась и велась крайне интенсивно. Наша зиминская организация теперь уже насчитывала 50 подпольщиков, большинство которых были дезертиры из колчаковской армии. Держаться такой массе подпольно в небольшом селе Зимино было весьма затруднительно. Сформированный нами отряд нуждался в одежде и обуви. И вот в конце июля мы сделали налет на кержацкий поселок Комариху, где забрали у кулаков большое количество кожи и мануфактуры, благодаря чему обули и одели отряд, который уже начал готовиться к выступлению.

1 августа 1919 г. узнаем, что карательный отряд, под командой прапорщика Абрамова, приближается к Зимину. Решили встретить этот отряд с оружием в руках. Мы вышли из села и залегли в хлеба. Пролежали целый день, но отряда не дождались. Впоследствии узнали, что предупреденный попами о нашей засаде Абрамов повел отряд другим путем. Войдя неожиданно для нас в село Зимино, отряд начал жестоко расправляться с отцами и матерями дезертиров.

Узнав об этой расправе, наш отряд собрался на Собачьи хутора (Солоновка, в 12 километрах от Зимино) на совещание, а Архипов был послан для связи с Чистюнькой. Милиция проследила, что мы в Солоновке на совещании. Когда мы перед рассветом разошлись, милиция сделала на нас налет и арестовала М. Хохлова, А. Зайцева и Ивана Царева (брата Ипата Царева). Остальным удалось скрыться.

Архипов прибегнул к следующей уловке: вернувшись в Зимино, он заявил сельскому старосте, что получил от начальника колчаковского отряда секретное распоряжение мобилизовать к утру седла и лошадей для карательного отряда. Уловка удалась: сельский староста это «секретное распоряжение» выполнил.

Когда утром 2 августа мы зашли в Зимино, то сели на мобилизованных сельским старостой лошадей, сняли все посты, которые были расставлены уехавшим карательным отрядом, и вместо них поставили свои посты.

Все это продолжалось не более 10-15 минут. Затем все село поднялось на ноги, и мы быстро отправились в Чистюньку. Повстанцев было человек 250-300. Впереди ехал отряд Чаузова.

В Чистюньке повстанцы наскочили на крестный ход (был Ильин

день). Мы сразу же покончили с попами, после чего, согласно ранее намеченному плану, стали занимать волость, почту, милицию.

С милицией пришлось долго возиться, так как она находилась в двухэтажном здании. Часть милиционеров скрылась в саманной кузнице. Дом, в котором находилась милиция, мы зажгли. Завязалась стрельба. Здесь у нас в бою погиб тов. Ефремов.

После взятия Чистюньки был создан главный штаб, начальником которого избрали тов. Архипова, главнокомандующим — т. Брусенцева. Отряду т. Розинкина было поручено взять Усть-Чарышскую пристань. Мерзлякова послали в Большую Речку к тов. Кузьмину, чтобы он известил барнаульскую подпольную организацию о том, что мы выступили. Чаузов получил задание прервать телеграфное сообщение и сжечь железнодорожный мост между Зиминым и Чистюнькой.

Население Чистюньки принялось копать окопы. В это же время были убиты кулаки Иван Милованов, Петр Боровиков и некоторые другие, бывшие на учете как заядлые колчаковцы.

На 3 августа была объявлена мобилизация. Штаб приступил к работе. По распоряжению начальника штаба начался по селам сбор дерева для пик. Собирали также порох, свинец, медь, железо. Сами отливали пули, делали приспособления для заряжания патронов. Были мобилизованы все кузницы дляковки пик. Женщины собирали медикаменты, перевязочные материалы. Формировали отряды сестер милосердия.

В этот же день восстали окружающие села: Колпаково, Хабазино, Усть-Алейская, Большая Речка, Володарка, Вяткино, Белово. В этих селах также проводили мобилизацию.

Прапорщик Абрамов со своим отрядом был уничтожен на пути от Володарки (Легостаево) до Усть-Алейской. Отряд Абрамова состоял из добровольцев — кулацких сынков, набранных в Зимино, Легостаево и Вяткино.

Это была первая военная победа повстанцев Зиминского района.

Подпольная организация с. Быстрый Исток

*(Из воспоминаний о моей подпольной работе в Сибири
в годы гражданской войны)*

Крестьяне с. Быстрый Исток, с которыми я встретился на постоялом дворе, предложили мне поступить к ним сельским писарем. Я согласился. В Быстрый Исток я приехал 14 октября 1918 г. Еще дорогой я очень понравился ехавшим со мной крестьянам и на сельском сходе все они рьяно ратовали за меня. Утвердили.

Я пописывал. На свободе погонышку поговаривал с кем надо, о чем надо.

По неосведомленности с первого же дня попал на квартиру к самому отчаянному белогвардейцу, торгашу крестьянину Фролову Василию Максимовичу. Проквартировал с неделю у него, перебрался на другую, к вдове Ереминой. Неделя, проведенная на квартире у кулака Фролова, мне дала много полезного. Я успел выявить, кого в Б. Истоке считают активными большевиками, кого «подпольными» большевиками и кого «совдепщиками-лодырями».

А. И. Попов

Первое знакомство, с целью начать подпольную работу в Быстром Истоке, я завел с Ереминой Домной Ивановной (сестрой моей квартирохозяйки). Домна была решительная натура. Дикие и жестокие расправы белогвардейцев и местных кулаков над пойманными в Быстром Истоке красногвардейцами до глубины потрясли ее. Мне все же удалось убедить Домну воздержаться от излишней горячности и резких высказываний среди неорганизованного населения и начать работу среди крестьян, искренно преданных революции и советской власти.

Домна поняла мой совет и догадалась, что я большевик. По секрету сообщила она мне, что у них в селе есть несколько скрывающихся большевиков, жителей того же Быстрого Истока, и что она намерена меня познакомить с ними.

Помолчав немного, она затем сказала:

— А самый надежный и расторопный из них — Плеханов Клементий. Он из армии приехал уже большевиком. Теперь скрывается в поле в землянке.

Дня через два вечером приходят ко мне на квартиру двое молодых людей. Пытливо всматриваются в меня, не садятся, подозрительно оглядываются и затем спрашивают: «Вы Панов Прокопий Васильевич?».

Я подтвердил. «Панов» была моя нелегальная фамилия. На эту фамилию был для меня удачно «сделан» паспорт.

— Мы пришли к вам по вызову Домны Ереминой.

Я протягиваю им руку, здороваемся. Их разговор со мною был крайне осторожен. Ребята мне очень понравились своей осторожностью и партийной выдержанностью. Пришедшие товарищи были: Плеханов Клементий и Панков П., оба — местные крестьяне с Б-Исток. Они сообщили мне, что успели уже организовать небольшую группу из крестьян, сочувствующих партии большевиков и советской власти. В состав группы, как я впоследствии узнал, входили следующие товарищи: Плеханов Кл. Иуд., Боровиков Ф. А., Черепанов, Вагаев В., Ожгибисов В., Артаманов Лев, Душкин А., Еремина Домна, Панков П. К., Черепанов Ив. Иван., Елашкин В. В., Стромиллов Захар, Стромиллов Кузьма и Стромиллов Фома.

Я указал Плеханову и Панкову, как следует ставить подпольную работу, и предложил им командировать одного из наиболее надежных и расторопных товарищей в барнаульскую подпольную парторганизацию для связи и для того, чтобы получить и привезти сюда партийную литературу, прокламации и указания.

В ближайший же день был командирован в Барнаул Лев Артамонов, старый рабочий московской текстильной фабрики.

Вскоре Лев Артамонов вернулся с литературой, прокламациями, инструкциями и небольшой суммой денег для нашей организации. Барнаульцы, как я впоследствии узнал, с большим доверием отнеслись ко мне.

В захудалой лачуге крестьянина Михайлова мы открыли наше первое организационное собрание. Я разъяснил товарищам «пятковский» метод организации и внушил им, что лишь при соблюдении строгой конспирации успешно будет протекать работа нашей парторганизации. Мы наметили план ближайших наших работ, избрали из 7 человек руководящий парткомитет и распределили обязанности по роду работ: парторганизационной, пропагандистско-агитационной, военно-боевой, по выявлению оружия, припасов, приведению оружия в исправность и пр. В комитет вошли следующие товарищи: Попов А. И. (тогда, как я уже заметил, под

кличкой Панов Прокопий), Плеханов Клементий, Боровиков Ф., Черепанов, Артамонов Лев и Панков Петр (фамилию седьмого не помню).

Основной партработой на первое время наметили: каждому участнику данного собрания организовать вокруг себя пяток из вполне надежных, проверенных и революционно настроенных товарищей. Каждый член пятка таким же порядком организует вокруг себя новый пяток и т. д. Организацию пятков провести также среди проверенных товарищей, проживающих в других селах и деревнях. Члены одного пятка не должны знать членов другого пятка. Связь с членами комитета имеют только организаторы первого основного пятка.

Вошедшие в первую организованную группу товарищи принялись с большим рвением за организацию пятков. В течение 1-2 месяцев быстро-истокская организация выросла до 70 человек. Работа перекинулась в деревни и села, окружающие Б. Исток.

Плеханов был известен в окрестных деревнях, а эти деревни требовали от быстро-истокской организации непосредственного живого руководства их работой. Одному Плеханову трудно было справиться с работой по руководству партийными более десятка деревень. На одном из партсобраний быстро-истокскую сельскую организацию переименовали в районную парторганизацию.

Я отказался от должности сельского писаря в обществе под предлогом, что я больше заработаю торговлей, дабы под видом торговца замаскировать мое непосредственное руководство партработой в окружающих селах.

Купив 3-4 небольших куска мануфактуры и 2-3 банки каких-то суррогатов анилиновых красок, я начал раз'езжать по деревням. Днем торгую, делаю «шумиху», предлагаю товар, но продавать ничего не продаю, ибо дорого прошу, или покупаю сырье, телятину, зайчатину и т. п. продукты, но купить ничего не покупаю, ибо предлагаю дешевую цену.

С октября до января, за 3 месяца возникли подпольные организации в следующих селах и деревнях:

1) Быстрый Исток. Здесь находилась районная организация, насчитывавшая около 70 членов. Основное ядро районной организации состояло из следующих товарищей: А. И. Попов, К. И. Плеханов (член партии с 1917 г., фронтовик, бывш. старший унтер-офицер), Д. С. Артамонов (большевик), Маковский (рабочий, ткач), Ф. А. Боровиков (большевик, фронтовик, ст. унт. оф.), В. Ф. Вагаев (большевик, фронтовик, подпрапорщик), Домна Еремина (крестьянка, расстреляна колчаковцами на борту парохода) и др.

2) Стеклозавод Акутиха. Ячейка насчитывала 35 членов. Руководителями были Семен Кудрявцев (большевик, рабочий), Григорий Бородкин (крестьянин бедняк, рабочий на заводе, беспартийный), Ал-др Лядов (большевик, рабочий браковщик).

3) Усть-Ануй. Из членов этой ячейки припоминаю только

следующих товарищей: Лаврентий Ивлев (крестьянин фронтовик), Тихон Ивлев (крестьянин), Яков Березиков (рабочий лесопильного завода, фронтовик, беспартийный).

4) А н у й с к о е. Организаторами этой ячейки были: Грязев (член Бийского уездн. совдепа) и братья Воробьевы.

5) К а з а ч ь я С м о л е н к а. Руководителями этой ячейки, насчитывавшей 15 членов, были: В. Малыхин (большевик, фронтовик, бывший фельдфебель), Косяков и Георгий Мотыцин (оба крестьяне).

6) В е р х - А н у й с к о е. Ячейка этого большого села насчитывала 70 членов. Организаторами и руководителями ее были: Георгий Михалев (большевик, фронтовик), Михаил Божов (большевик), Глуценко, Негиров (фронтовик). Все 4 расстреляны белыми.

7) Н о в о - П о к р о в с к о е. В этой ячейке было 15 членов. Во главе ячейки стояли: Павел Романов (крестьянин, фронтовик, большевик, повешен белыми на воротах его же дома), Копылов и Реутовский (фронтовики).

8) П а у т о в о. В ячейке числилось 40 членов, среди которых находились: Аким Орлов (матрос, большевик), Савилов (матрос) и Иван Мокринский.

9) Н о в о - О б и н с к о е. Эта ячейка насчитывала 50 членов. Ячейку возглавляли Егор Щербин (большевик, крестьянин), Степан Чемров и Михаил Чемров (крестьяне, фронтовики).

10) В е р х - О з е р н о е. Ячейка насчитывала 20 членов, главным организатором ее был Тимофей Кузнецов (большевик, фронтовик, рабочий маслозавода). Помимо него руководящую роль играли: Григорий Амос и Яков Аслаповский.

11) Ф о м и н с к о е. Сведения о количестве членов этой ячейки, а также о товарищах, организовавших ее и руководящих ею, не сохранились.

Одновременно с ростом и укреплением сельских организаций выявлялось и выкапывалось из тайников оружие: винтовки, дробовые берданы, револьверы, шашки и просто шомпольные ружья. Все это чинилось и чистилось нашими товарищами кузнецами. Приступили также к ковке пик. Приедешь, бывало, в одну из сельских организаций, товарищи с воодушевлением начинают сообщать тебе о количестве собранного оружия и о его ремонте. Пристают также с запросами: а сколько уже у нас организованных в пятках членов, есть ли там-то и там-то оружие, какого рода и сколько, не пора ли выступать против колчаковцев.

Моя работа по организации сельских подпольных ячеек в районе Быстрого Истока обратила, наконец, на себя внимание кулаков. Мои раз'езды под видом торгаша-спекулянта стали казаться подозрительными. Не ускользнули от наблюдения быстро-истокских кулаков мои частые встречи с Плехановым и Черепановым, которые были у кулаков на счету как большевики. При моих встречах с некоторыми из кулаков мне легко было заметить их подозрительное ко мне отношение. Я и товарищи были насто-ро-

же. Усилили наблюдение за действиями кулаков. Приняли меры против возможного на нас налета с целью обыска и арестов.

В последних числах декабря пришла ко мне жена т. Черепанова, чрезвычайно взволнованная, и сообщает мне и своему мужу, что ее родной отец лично слышал, что меня (бывшего писаря Панова) собираются арестовать и отправить под конвоем в г. Бийск, так как «он-де не писарь и не торговец, а настоящий большевик — смутьян, раз'езжающий по деревням по большевистским делам».

Спешно обсудив с Черепановым и Артамоновым (Плеханов был в от'езде) сообщение Черепановой, мы решили, что мне необходимо немедленно скрыться из Быстрого Истока. На случай расспросов, куда я скрылся, давать один ответ: «торговать уехал».

Из Быстрого Истока выехал я на стекольный завод Акутиха к т. Семену Кудрявцеву.

Впоследствии мы из документов контрразведки узнали, что действительно велась серьезная слежка за быстро-истокской партиорганизацией. Кулаки то угрозой, то угощениями с водкой старались кое у кого выведать членов подпольной организации. Жертвой водочной приманки кулачья оказался Максим Ильич Ольхин, примыкавший к одному пятку. Этот Ольхин в первых числах января 1919 г., вследствие своей болтливости, и провалил часть быстро-истокской организации.

Контрразведка арестовала и гноила в тюрьмах следующих товарищей: Ф. М. Боровикова (сидел в тюрьме до свержения колчаковщины), В. Вагаева (в тюрьме его разбил паралич), Домну Еремину (весной 1919 г. расстреляна на борту парохода, труп ее нашли в р. Оби летом 1920 г.), В. В. Елашкина (пойман и убит в поле кулаками), Захара Строилова и Кузьму Строилова (братья, были арестованы летом 1919 г. и в тюрьме расстреляны).

Партработа в Быстром Истоке на время замерла. Плеханов, Черепанов и другие активные подпольщики вынуждены были из Быстрого Истока скрыться, они занялись подпольной партработой в соседних селах.

Летом 1919 г. Плеханов и некоторые другие товарищи подготовили и подняли восстание в селах Усть-Ануйском, Тырышкине и Ануйском. Восставшие села расположены не так далеко от г. Бийска и водного сообщения по р. Оби. Закрепить за собой достигнутый успех и широко развить повстанчество они не смогли. Восстание было подавлено скоро подоспевшими значительными и хорошо вооруженными отрядами чехов, казаков и горных алтайцев. После поражения, в августе многие активные товарищи — партизаны ушли в Горный Алтай, в партизанские отряды т. Третьяка и к Анатолию Ворожцову на Чумыш.

Когда же партизанское движение широко развилось, организованные нами подпольщики послужили тем ядром, вокруг которого сплотились бедняки и середняки Быстро-Истокского района, чтобы пойти на штурм колчаковщины.

Повстанцы села Сибирячихи

В мае 1919 г. была в с. Сибирячихе по моей инициативе организована подпольная ячейка. В состав ячейки входили крестьяне: Иван и Иосиф Каверзины, Черепанов, Бурыкин, Стрельцов, Смоляков, Пятков и другие. Всего ячейка насчитывала около

Н. Бурыкин

18 членов. Ячейка собиралась по праздникам в кузнице Каверзина, где на заседаниях обсуждала, как вести агитацию среди крестьян, чтобы поднять их на восстание против колчаковщины. Намечали даже лиц, которые, как контрреволюционный элемент, подлежали аресту, как только восстание будет поднято.

В июне я сделал попытку связаться с бийской организацией большевиков, но безрезультатно, так как бийская подпольная организация была к тому времени раскрыта, члены ее арестованы и расстреляны. Я возвратился обратно в Сибирячиху.

В нашем селе особенно буйствовал и издевался над крестьянами начмилиции 5 района Шестаков. Это был старый, огромного роста казачий офицер. У

него был подбор милиционеров из заслуженных белогвардейцев, которые, как собаки, хватили всех без разбора, томили их в каталажке, пороли плетью, избивали винтовками. Штаб милиции был расположен в с. Малый Башчелак. Сам Шестаков жил больше всего в станице Чарышской, где имел приличное хозяйство.

Этот Шестаков частенько об'езжал села своего района, созывал сельские сходы, на которых старики величали его не иначе, как «ваше высочородие», что ему особенно нравилось. В Сиби-

рячихе на многолюдном собрании он обратился к старикам с речью, в которой призывал их следить за молодежью, направлять их на путь истины, а главное «во-время платить подати и подчиняться закону».

Перед Шестаковым крестьяне обязаны были снимать шапки и стоять на ногах, а если кто не снимет шапки и посмеет улыбнуться, того он награждал пощечинами и обдавал отборной руганью.

Его помощник, прапорщик Чуйко, бывший полицейский урядник, также отличался исключительным деспотическим нравом. «Хуже, чем прежнее царское начальство», — жаловались втихомолку крестьяне.

В мае 1919 г. Колчак объявил мобилизацию крестьянской молодежи в белую армию. Крестьянство было недовольно мобилизацией, молодежь шла с неохотой в армию. Отцы и матери жалели своих сыновей, но скрывать их от мобилизации боялись. Однако, многие мобилизованные дезертировали. Их вылавливали. Кулаки и попы указывали колчаковцам, где скрываются дезертиры. Родителей пороли, обвиняли их в большевизме и отправляли в тюрьму, где гноили, пока дезертир не объявится.

Так колчаковщина своими действиями революционизировала массы крестьянства.

Бедняки и середняки Горного Алтая и степной части Бийского уезда накапливали силы для борьбы с буржуазией, с ее ставленником Колчаком и его сворой золотопогонщиков.

Положение особенно обострилось летом. Урожай в этом году был большой. И как раз во время страды Колчак объявил мобилизацию лошадей.

В деревню прибыли ремонтные военные комиссии. Был издан приказ по селам, чтобы на ремонтную комиссию крестьяне представляли лучших лошадей. За укрытие, которое рассматривалось, как измена правительству, угрожали отдачей под суд и реквизицией имущества. Несмотря на такую строгость, крестьяне по ночам угоняли лучших лошадей в горы, уводили их на отдаленные заимки и пашни. Милиция и военщина рыскали по селам и делали свои дела: кого арестуют, кого избьют, кого выпорют плетью, где изнасилуют женщину, где отберут у крестьянина что-нибудь ценное.

В селах приостановилась всякая жизнь, мужчин редко можно было встретить в деревне.

30 июля мой отец устроил «помочь» — пригласил родственников и соседей на один день, чтобы выкосить участок травы и убрать уже ранее накошенное сено. На «помочь» пришло около 25 мужчин и женщин. Сенокосный участок прилегал к трактовой дороге. Вдруг, видим, как по тракту в паническом беспорядке, верхами, быстро мчится небольшой вооруженный отряд белых из Солонешенской волости через Сибирячиху на Антоньевскую казачью станицу.

— В чем дело? — недоумеваем мы.

— Смотри, паря, что-то, видно, не слава богу, что они так удирают без оглядки! — заметил кто-то.

На утро меня приглашают через десятника на сельскую сборную. Я прихожу, а там толпится порядочное количество крестьян. Захожу в помещение сельской сборной. Члены волостного правления налицо. Оказывается, что еще с вечера прибыла писанная от руки бумага от Военно-революционного штаба Огневской волости. «Бумага» была доставлена летучкой. Огневцы писали:

— «Товарищи сибирячихинцы! Трудовой народ повсеместно восстает — поднимается на борьбу с ненавистной властью Колчака, на борьбу с золотопогонниками, палачами и всей буржуазной сворой! Объявляйте колчаковщину свергнутой и присоединяйтесь к восставшим степным селам! Барнаульский уезд поголовно восстает. Все на борьбу с врагами за Власть Советов!».

Подписей не было, а просто — «Военно-Революционный Штаб». С получением такого коротенького, но содержательного воззвания, сибирячихинцы командировали делегацию из 8 чел. в этот штаб. В числе их были члены подпольной ячейки Черепанов и Стрельцов. Делегация доехала до с. Верхней Слюдянки, где находился штаб, возглавляемый солдатом старой армии т. Буштаквым. Он принял делегацию и сказал, что в Барнаульском уезде в с. Зимино крестьяне восстали, а также в Учпристани и в селах Коробейниково и Огни. Оружия не имеется, а крестьянство поголовно выступает с вилами и пиками и гонит прочь все мелкие отряды милиции и солдат.

Делегация, получив напечатанные на машинке воззвания, 2 августа возвратилась в Сибирячиху. В селе никого из начальства не было. Население собралось на площади около волости. Пришли мужчины, женщины, дети. Кулацкий элемент и местная интеллигенция с угрюмым, озабоченным видом ходили вокруг собравшихся, но выступать в защиту колчаковщины на осмелились.

Делегат Стрельцов, сидя верхом на лошади, прочел воззвание, в котором все население призывалось на борьбу с реакцией, за власть Советов, и затем произнес короткую речь, которую закончил, приблизительно, так:

«Все должны немедленно выступить организованно против колчаковщины и разбойников белогвардейцев. Белая армия, под натиском Красной армии и восставших рабочих и крестьян, отступает в панике в глубь Сибири!».

Толпа загудела, как пчелиный рой.

«Надо организовать в отряды и помогать красным добывать белых!» — сказал кто-то громким голосом.

Наша подпольная организация решила использовать революционный подъем, который охватил бедняцко-средняцкие слои села.

Стрельцов выступил с предложением о роспуске волостной

земской управы и о создании революционного органа — военно-революционного штаба. Все собравшиеся согласились. Выбрали штаб в составе: Стрельцова, Черепанова и меня, Бурыкина.

Затем мы поставили вопрос о выборе комиссара. Собравшиеся закричали: «Избрать тов. Бурыкина! Он знаком с этими делами. Он служил в уездном Совдепе!». Выбрали меня.

Стрельцов далее объявил, что отныне в Сибирячихинской волости колчаковщины не существует. Вся власть принадлежит военно-революционному штабу. Я же объявил запись добровольцев в партизанский боевой отряд. Не прошло и часа, как записалось в отряд около 100 человек. Я выстроил записавшихся, произвел разбивку на три взвода и назначил взводных командиров. Все разошлись на обед, а один взвод должен был вскоре прибыть к штабу на дежурство.

«Все, — приказал я — верхами на лошадях и вооруженные, кто чем может, охранять границы села».

Кулаки и вообще враги Советской власти притаились, испугавшись происшедшего на их глазах.

Сибирячихинский волостной военно-революционный штаб немедленно связался с другими восставшими селами степных районов — Огневским, Михайловским, Петропавловским — и приступил к выполнению своих революционных обязанностей. Распущены были земские управы, началась реквизиция железа, пороха и свинца, началась мобилизация кузнецов дляковки пик, приступили также к мобилизации лошадей. Вся волость была объявлена на военном положении.

Как только сконструировался штаб повстанцев, приступили к созданию аппарата и чрезвычайной военно-следственной комиссии. Штаб разместился в школьном здании. Установили летучую почту для перевозки военно-оперативных сводок и для связи с другими селами.

3 августа по всей волости было объявлено, чтобы все дезертиры белой армии вместе с оружием явились в распоряжение штаба.

Штаб обратился к населению Солонешенского, Бащелакского и других ближайших сел с призывом присоединиться к восставшим.

Еще до восстания волостное правление получило от колчаковского правительства приказ о дополнительной мобилизации молодежи рождения 1901 г. и об отправке мобилизованных в Бийск к 6 августа. Волостной старшина Петр Кашперов суетливо ходил с озабоченным видом по деревне, но мобилизовать никого не мог. Мобилизация же, объявленная революционным штабом, протекала успешно. Работа штаба все разворачивалась, Революционный орган превратился в массовую боевую организацию: около него всегда суетился народ и непрерывно гудели голоса. Штаб быстро получал известия и сводки от степных волостей о положении дел: село Уч.-Пристань, например, отстоит от Сибирячихи

на расстоянии 100 верст, а сводки по летучей почте мы получали в течение каких-нибудь 6-7 часов.

В штаб как-то прискакал на верховой лошади один крестьянин из Полушихи, Огневской волости, с донесением, что 40 крестьян арестованы начальником милиции, есаулом Шестаковым, в селе Малый Башцелак. Арестованным, которых заперли в амбаре, угрожал расстрел. Штаб немедленно сформировал из 12 человек отряд под командой тов. Г. И. Фоминых, который помчался в Малый Башцелак, чтобы вырвать арестованных крестьян из когтей белой милиции. Отряд доехал до деревни Макарьевки (в 12 верстах от Сибирячихи), где встретил милиционеров, сопровождающих в Бийскую тюрьму 40 крестьян. Завидя вооруженных повстанцев, милиционеры оставили арестованных и удрали. Освобожденные крестьяне пришли в Сибирячиху. Это было первое достижение сибирячихинских повстанцев.

Кулаки, однако, не зевали. Втиши да по закоулкам начали они пускать всевозможные тревожные слухи и запугивать крестьян: «скоро, вот, придут солдаты, тогда хорошая расправа будет с бунтарями — смутьянами народа и с теми, кто идет за ними». Кулаки обратились также за помощью в казачью станицу Антониевскую и послали сообщение в Бийск, требуя солдат для подавления восстания.

4 августа получили мы извещение, что казаки Антониевской станицы повели наступление на село Михайловское. Михайловцы и огневцы просили подкрепления. Наш военно-революционный штаб, обсудив этот вопрос, сформировал под командованием Т. О. Черепанова отряд в числе 50 человек, вооруженных пиками, охотничьими ружьями и несколькими трехлинейными винтовками.

Недалеко от Михайловки этот отряд соединился с повстанцами некоторых других сел и вместе пошли в наступление на казаков. Натиск белых был отражен. Повстанцам даже удалось отбить у казаков несколько винтовок. Наш отряд вернулся в Сибирячиху. Это было наше первое боевое крещение. Этот успех поднял боевое настроение сибирячихинских повстанцев.

6 августа в 10 час. утра мы получили из Барнаульского уезда первое распоряжение «Главного Алтайского Военно-Революционного Штаба» за подписью «командующего Алтайским военным округом и народной армией» т. Брусенцева. Это распоряжение касалось мобилизации населения от 18 до 45-летнего возраста и формирования отрядов для отпора белым, которые идут из Бийска, Барнаула и других городов на подавление повстанцев. Обсудив этот приказ в присутствии командиров отрядов, наш штаб решил в суточный срок произвести в с. Сибирячихе мобилизацию населения от 18 до 30-летнего возраста. Немедленно был привлечен бывший технический волостной аппарат для составления мобилизационных списков. Отдано распоряжение кооперации и частным торговцам немедленно сдать в арсенал шта-

ба все имеющиеся у них запасы железа, гвоздей, свинца и пороха. Кузнецы и столяры были в порядке трудовой повинности привлечены для изготовления пик и подковки лошадей для конных отрядов. Ну, и началась работа по всем направлениям! Арестовывают попов и купцов за антиреволюционную пропаганду, сажают их в каталажки, забирают у них оружие и патроны. Приводят для отрядов оседланных лошадей.

Мобилизация лошадей была возложена на С. К. Данилова. Это был инвалид германской войны, энергичный и настойчивый, бывший старший унтер-офицер. Кто пытался оказать сопротивление, тому он внятно, громко и убедительно говорил: «Что это — саботировать вздумали? Не подчиняться революции?.. Так знай, что народ заставит».

7 августа в полдень намеченных по списку к мобилизации собрали на площадь около школы. Собралось более 500 крестьян. Прежде чем объявить мобилизацию, провели митинг. Выступали члены штаба: Стрельцов и я. Крестьянам разъяснили, что необходимо поднять на восстание соседние волости и создать собственную армию, так как впереди предостоят битвы, ибо в городах еще враг силен.

Крестьяне задавали вопросы: скоро ли придет Красная армия, где она находится, долго ли нам придется воевать и т. д. Тут выступил волостной старшина Кашперов с сообщением, что на днях должен сюда прибыть отряд вооруженных солдат для установления порядка. Толпа закричала: «Долой его! Он шпион и доносчик!» Кашперов, увидев, что дело плохо, быстро исчез и немедленно убежал из села, стараясь пробраться в гор. Бийск вместе с писарем В. И. Фоминых.

Мы объявили мобилизацию и приступили к формированию четырех отрядов по 100 чел. в каждом. Люди, не сходя с места, разбились на отряды, назначили своих командиров, установили время сбора для отправки по распоряжению штаба и разошлись для сборов по домам. Через два часа мобилизованные верхом на лошадях явились на площадь. Они выстраивались в шеренги по-кавалерийски. Начальниками отрядов были назначены: И. А. Каварзин начальником 1-го отряда, И. В. Черепанов, бывший взводный пулеметной роты царской армии, начальником 2-го отряда, Т. О. Черепанов, бывший солдат кирасирского полка, начальником 3-го отряда, а четвертый отряд в 150 человек был оставлен в Сибирячихе в распоряжении штаба. Начальники отрядов переписали своих людей и получили назначение: 1-й отряд — через Калиниху на Башцелак, 2-й отряд на с. Тележихинское, Солонешенской волости, и 3-й отряд на с. Солонешенское. Каждый отряд получил директивы: по приезде в село немедленно организовать крестьян в партизанские отряды, собирать оружие, распускать органы власти и организовать военно-революционный штаб. Если в селах окажутся милицейские и белогвардейские банды, то разбивать их, а всех, тормозящих развитие

революционного движения, арестовать и наказать по закону военно-революционного времени. Получив все необходимые указания, отряды один за другим выступили по команде стройными рядами. У каждого повстанца пика была приделана к стремянам «по-кавалерийски».

Отряд, оставшийся в Сибирячихе, разбился на четыре взвода и установил по очереди дежурство для несения караулов: у штаба, у склада и на окраинах села, чтобы иметь наблюдение за каждым въезжающим и выезжающим из села.

Сформированные в Сибирячихе отряды всюду пользовались большим успехом. Население встречало их радушно и приветливо. В селе Тележихе, где в 1918 г. белые расстреляли многих красногвардейцев из отряда Петра Сухова, благочинный, дрожа за свою шкуру, встретил повстанцев с хлебом и солью¹. Он даже подхалимски отслужил молебен за долголетие на земле красных комиссаров.

Несколько позднее, в средних числах августа, мы получили из Уч-Пристани, Михайловки, Паутовой и Петропавловского сообщения о наступлении белоказаков, каракорумцев и чехословацких отрядов. Штабы этих сел просили подкрепления, новых сил, чтобы отразить натиск золотопогонников на революцию, но помочь им мы были не в силах. Наши лучшие отряды понесли на своих пиках пламя восстания в горные села и деревни. Они энергично продвигались на казачьи станицы и поднимали трудовое крестьянство на борьбу с колчаковщиной.

Сводки, которые мы получали, говорили об успехах повстанческого движения в волостях горного района. Из Солонешенской, Башчелакской и Сентелекской волостей восстание перебралось в селения по Чуйскому тракту. Нам сообщали, что Шебадино, Куяган и ряд других селений находятся в руках повстанцев, что много милицейских чинов и других должностных лиц колчаковской власти попали в руки партизанских отрядов и заплатились жизнью за те насилия, пытки и издевательства, которые они чинили над крестьянским населением.

Вскоре после ухода отрядов по всему селу Сибирячихе начали распространяться слухи, что в степном районе восстание подавлено белыми, что чехи и офицеры предают огню целые деревни и подвергают разгрому крестьянские хозяйства. Правильность этих слухов скоро подтвердилась. Этими слухами воспользовались кулаки для агитации среди сибирячихинских крестьян про-

¹ Петр Сухов возглавлял красногвардейский отряд, который в июне—июле 1918 г., находясь в кольце наседавших на него контрреволюционных сил, героически пробивался к границам Монголии. В дер. Тюнгур, у самой монгольской границы, весь отряд был уничтожен казаками и кулаками. История этого отряда и его героического похода изложена в брошюре В. Вегмана и Ю. Циркунова — «Сибирская Красная гвардия и отряд Петра Сухова», Новосибирск, 1934 г., стр. 47, цена 45 коп. Прим ред.

тив восстания. Эта агитация имела некоторый успех: неустойчивые элементы заколебались.

Однако, известия, прибывавшие с фронта Горного Алтая и говорившие о победах, приподняли дух и боевое настроение крестьянства. Бащелакская и Солонешенская волости восстали. В их отрядах насчитывалось до 7-8 тысяч партизан. Организовался новый фронтовой военно-полевой революционный штаб. В состав штаба вошли казаки Пичугин и Назаров. Повстанцы повели наступление на казачью Чарышскую станицу, где в то время находился есаул Шестаков со своим штабом милиции и резервным вооруженным отрядом. Повстанцы послали к казакам делегацию с красным флагом, а казаки выслали свою делегацию, которые и договорились о добровольной сдаче повстанцам станицы Чарышской. Согласно условию, казаки должны были сдать повстанцам все свое оружие и выдать им есаула Шестакова со штабом. Так и случилось. Повстанцы вступили в село. Казаки, арестовав Шестакова, выдали его повстанцам. Сдали они также около четырех возов разного оружия, в том числе один пулемет.

Получив есаула Шестакова, партизаны предложили ему снять свой военный мундир и следовать пешком в военно-полевой революционный штаб. Шестаков просил разрешения застрелить себя собственной рукой. Но этого ему не разрешили. За его «добродетели», от которых десятки тысяч мирных жителей в период колчаковщины пролили море слез и крови, штаб повстанцев решил Шестакова, как врага революции и трудящихся масс, расстрелять, что и было сделано.

В Чарышской станице повстанцы взяли в плен до 500 казаков, способных носить оружие. Среди пленных находился И. Я. Третьяк, которого партизаны вначале взяли под подозрение, как чужака, несмотря на его уверения и доказательства, что он революционер и что он временно проживал в Чарыше. Вскоре его освободили, и он впоследствии играл большую роль в партизанском движении Горного Алтая.

Через десять дней после того, как Чарышская станица была взята повстанцами, сибирячихинские отряды были отозваны в распоряжение своего штаба для укрепления позиций своего села. Повстанцам удалось за это время завоевать себе боевые винтовки с патронами, шашки и револьверы. Повстанцы более пожилые отказались от участия в дальнейшем походе, не желая уходить далеко от своего родного села. Так как кулацкая агитация против повстанчества продолжалась, то приблизительно с 22 августа сибирячихинский штаб начал применять более суровые меры к шпионам и врагам революционного движения. В конце августа штаб переехал из школы в дом Бурькина и еще более усилил работу.

Из бащелакского штаба мы получили уведомление, что казаки повели наступление на Чарышскую станицу и вообще на пов-

станцев. Мы немедленно сформировали два отряда, которые послали на подкрепление повстанцам Башцелакской волости. Вскоре, однако, узнали, что наступление казаков отбито.

3 сентября 1919 года мы получили срочное сообщение из с. Березовского о том, что по направлению на Березовку следует под командой Хмелевского и поручика Серебренникова карательная экспедиция в составе 500 бойцов. Одновременно башцелакский штаб сообщал, что белые подходят к Башцелаку, а поэтому нужна вооруженная поддержка.

Положение было наиответственнейшее и опасное, так как Сибирячихинская волость оказалась в кольце. Штаб решил отозвать один отряд с башцелакского фронта в Сибирячиху для заграждения белым прохода между гор, но отряды не успели прибыть, и 4 сентября в 5 час. утра разведка донесла, что из с. Березовки выступили на Сибирячиху по двум направлениям белогвардейские отряды численностью не менее 500 человек. Тотчас же было отдано распоряжение произвести эвакуацию населения, а всех мужчин привлечь на фронт по направлению к с. Березовке. Так и было сделано. Но оружия почти не было, вооружена была лишь разведка.

Штаб приготовился к выступлению из села на гору Лыся сопка и выступил, наименовав себя «военно-полевым». Утром же конный нарочный был послан на башцелакский фронт с донесением о приближении белых к Сибирячихе. Прошло не более трех часов, как послышались выстрелы из винтовок. Это стреляла наша разведка в белых. Заслышав выстрелы, повстанцы начали в беспорядке отступать, проще говоря, началось бегство, кто куда.

Штаб отступил последним, когда белые с обстрелом уже занимали село. Уничтожив все документы и бумаги, я и Черепанов выехали в горы, взяв направление на башцелакский фронт.

Крестьянство со своими сундуками, наполненными более ценными вещами, также выехало из села: кто в степь, кто в горы. Эвакуировались, главным образом, семейства тех, которые находились в повстанческих отрядах. Оставались на местах только кулаки и сторонники колчаковской власти.

Я и т. Черепанов следовали горными тропинками на верховых лошадях, захватив с собой немного печеного хлеба. Мы держали путь на последний партизанский фронт, на Башцелакские горы.

Когда Сибирячиха была занята белыми, то неустойчивые крестьяне начали постепенно уходить из отрядов, многие беспокойлись за свои хозяйства. Сказалась также разлагательская деятельность кулаков, попов, шпионов.

«А Красной армии все-то нет!» — издевались кулаки над крестьянами, которые, оставив повстанческий фронт, возвращались домой.

В десятых числах сентября 1919 г. восстание было подавлено в волостях Сибирячихинской, Солонешенской, Башцелакской и Чарышской станице. Много жертв понесло крестьянство. Много

было пролито крови трудового крестьянского населения. Бес-
счетное количество крестьянских хозяйств было разорено, раз-
граблено. Белогвардейцы, под руководством своих офицеров,
беспощадно расправлялись с населением, насиловали женщин и
девушек, сжигали сотни крестьянских хозяйств, целые деревни. Бе-
логвардейцы производили порки, расстрелы, пытки над крестьян-
ством восставших сел.

Лучшая передовая часть крестьянства — комиссары, коман-
диры отрядов, штабисты и вообще активные участники восста-
ния бежали. Им оставаться в своих селах нельзя было, ибо, по-
мимо карательных белогвардейских отрядов, их преследовало
кулачество и приспешники колчаковщины — местные белогвар-
дейские дружины. Руководители восстания и наиболее стойкие
повстанцы, не покидая оружия, завоеванного у белых в период
первых схваток, оставляли свои семьи и хозяйства и уходили в
горы, леса и глухие местности. Другого выхода не было, ибо они
были осуждены приговорами кулацких сходок на смертную казнь.
Когда белые вступали в село, то кулаки вручали им эти пригово-
ра, именуя всех бежавших «смутьянами народа, главарями вос-
стания». Следовательно, всем грозила смерть, а раз так, то реши-
ли: чем умереть в своих деревнях или томиться в тюрьмах, лучше
бороться с врагами революции до последней капли крови и без
боя не отдать себя на растерзание.

4 сентября, когда белые уже заняли село, к нам в штаб при-
шел Афанасий Кучин, который сказал:

«Полковник приказал передать вам, чтобы вы все пришли на
площадь к школе. Кто добровольно явится, тот будет прощен.
Идемте сейчас же все туда».

Но я и Черепанов ему сказали, что это удочка, нас хотят за-
манить, чтобы расправиться с нами, и от имени революционного
штаба я написал на клочке бумаги несколько слов белогвардей-
ским офицерам:

«Трудовое крестьянство, переживающее от буржуазии
гнет и насилие, борется и будет бороться с белогвардей-
ской сворой золотопогонщиков. Скоро наступит конец
колчаковскому царству и псам—белым офицерам! Избран-
ный крестьянством военно-революционный штаб не пре-
клонится перед палачами и не придет с покорной головой
на издевательство!».

В. Р. Ш.

Вручив Кучину эту бумажку, мы быстро последовали узкими
тропинками по направлению на Башцелак через поселок Мульчи-
ху. Доехав до Лукьяновской сопки, на которой собралось много
крестьян, мы остановились наблюдать, как горели в Сибиричхе
крестьянские избы, подожженные белогвардейцами. День был яс-
ный и теплый, из-за гор выбрасывало огнем большие клубы жел-
товатого дыма. Это горели крестьянские хозяйства, отстоять ко-

торые в то время было невозможно. Первыми сгорели хозяйства моего отца, Черепанова, Дударевых, Третьякова и ряд других.

Я и Черепанов решили следовать на поселок Мульчиху. За нами потянулись и эвакуировавшиеся крестьяне.

Отряд белых, вступивший в село Сибирячиху в количестве 500 человек под командой подполковника Хмелевского и его помощников поручиков Серебренникова и Москвина, быстро чинил расправу. Хмелевский отдал приказание сжечь по списку, преподнесенному кулаками, 17 хозяйств и принять меры к поимке главарей восстания большевиков. В тот же день были казнены пойманные товарищи Ладанов, Черепанов и Говорушенко. Их казнили днем на площади, в присутствии всего населения.

Хорошо вооруженный отряд белогвардейцев с 3 пулеметами следовал на села Солонешенское, Черно-Ануйское и Башцелак. Партизанские отряды, дравшиеся под Башцелаком с белыми казачьими сотнями, не успели возвратиться навстречу белым, следовавшим из Сибирячихи, и не имели в достаточном количестве оружия и патронов. 5 сентября белые со всех сторон окружили партизанский фронт. И когда из Чарышской станицы стали нажимать казачьи сотни, а с тылу подоспели белогвардейцы, тогда партизаны не выдержали напора и бежали в горы. Начальником военно-революционно-фронтового штаба был старый казак, товарищ Пичугин, который не верил, что Хмелевский быстро подойдет в тыл. Разорвав партизанский фронт, белогвардейцы соединились с казаками в с. Башцелаке, где по-своему отпраздновали победу: они просто хватали без разбору крестьян и вешали их на воротах посотины и на улицах села. Приказано было трупов не снимать в течение 7 дней. Белые грабили жителей деревень, брали все, что им было нужно, убивали и расстреливали. Насиловали женщин и девушек, издевались над каждым, как им хотелось.

Когда Хмелевский выступил из Сибирячихи в Башцелак, то ему кулачество передало список 17 фамилий инициаторов восстания, приговоренных кулацким сходом к смертной казни. Вот имена некоторых из них: 1) Стрельцов Евстратий, 2) Бурыкин Низифор, 3) Черепанов Иван, 4) Черепанов Тит, 5) Кобызов Никанор, 6) Смоляков Аким, 7) Налимов Василий, 8) Дударев Григорий, 9) Дударев Макар, 10) Дударев Спиридон, 11) Каверзин Иосиф и др.

Хмелевский похвалил членов общества за усердие и отдал приказ о поимке и уничтожении без суда и следствия всех приговоренных.

С 6 сентября мы бродили в горах, остерегаясь встречи с кулаками и шпионами, которые специально выезжали в бор и леса высматривать, кто где спасается, чтобы донести начальству. Много тогда, как и мы, бродило по лесу товарищей, активных повстанцев, присужденных кулацкими сходами разных сел и деревень к смертной казни.

Как-то я, Черепанов и Стрельцов решили временно остано-

виться в лесистых горах около поселка Мульчихи. Здесь вечерком в осиновой роще нас встретил один из крестьян с Сибирячихи. Он испугался сначала, а затем обрадовался. У него на одной руке была белая повязка — это требовалось в то время, как знак признания колчаковского правительства. Он нам откровенно рассказал, что делается в селе.

— «Много сожжено домов... и уничтожено хозяйство твоего отца», — сказал он мне.—«Офицеры объявили, кто добровольно явится в деревню, тот будет помилован. Еще такой приказ есть, чтобы все в недельный срок возвратились к своим хозяйствам. Кто не явится, те будут считаться бандитами и их будут преследовать».

— «А есть ли в селе какие-либо солдаты?» — спросил я.

— «Приезжих-то солдат нет в селе, а вот организована местная дружина и начальником назначен Т. Е. Кашперов. Он сильно ругает вас и сердится за то, что вы его арестовали во время восстания... Смотрите, ребята, будьте поосторожнее! Говорят еще, что будто бы на-днях должна в село прибыть сотня казаков».

Дни проводили мы на вершине горы под скалами, где редко бывают люди, а к ночи приходили на заимку М. Д. Кашперова, который помогал нам укрываться. Несколько раз заходили в отдельный домишко, построенный в лесу, где жил смолокур, знакомый Стрельцова. Этот смолокур снабжал нас хлебом и табаком.

Скучно было тогда жить в горах и ущельях в звериной обстановке. Кроме животных и разной дичи никого не видели. Кругом горы с огромными скалами, каменными гребнями. Везде и всюду непроходимые густые пихтовые, сосновые леса. Вечерами шумят вершины деревьев от сильных уже осенних прохладных ветров, иногда слышен заунывный протяжный вой голодных волков, или затрещит хвоя и сухие ветки деревьев под копытами проходящего через лес стада диких козлов.

Катились дни. Наступала уже сырая холодная осень. Листья деревьев желтели, деревья становились голыми. Мы же теплой одежды не имели и с каждым днем все более загрязнялись, путешествуя с одной горы на другую. С другими товарищами, которые последовали в горы и на вершины Башчелака, связи не имели.

В такой обстановке прошел сентябрь. Холода все усиливались, изредка перепадали дожди вместе со снегом. Мой отец — старик, узнав через Стрельцовых, что мы живем в Мульчихинских горах, решил приехать из Сибирячихи, чтобы отыскать нас, поделиться новостями. 1 октября он приехал к нам. Он привез нам сухарей, немного хлеба, обувь. Он рассказал нам, что частенько приезжают в село казаки и забирают лучших лошадей, сбрую, седла и все, что им нравится. Рассказал, что ходят слухи, что в горах на Уймоне партизаны дерутся с белыми и что на Алтае организуется Красная армия из партизан, что командует там Мамонтов. Прожив после ухода отца еще несколько дней в горах, мы в один прекрасный вечер решили поехать в Сибирячиху в надежде, что

можно будет некоторое время прожить в селе подпольно и даже повести некоторую агитацию среди населения в расчете, чтобы в нужный момент обезоружить прибывших казаков и затем поехать на Уймон для участия в партизанских отрядах.

Как решили, так и сделали. Вечером 4 октября я, Е. Ф. Стрельцов и И. В. Черепанов выехали из поселка Мульчихи в с. Сибирячиху. Ночь была с сухим ветром, и луна часто покрывалась облаками. Ехали мы не трактовой дорогой, а извилистыми тропинками, чтобы не нарваться на казаков или местных дружинников. Подъезжая к посотине села, мы осмотрели местность, чтобы убедиться, не стоит ли где вооруженный ночной пост, как это практиковалось в селах. Но на наше счастье никого не было.

Время было позднее, не менее 2 часов ночи. Огни повсюду потушены. Все село спало. Мы решили отыскать моего отца. Подъезжая к усадьбе, где находилось хозяйство отца, мы нашли лишь обгоревшие головешки и развалины печей. Лошади и коровы бродили по усадьбе. Но где найти моих стариков? Мы решили заехать к соседу моего отца, в ближайшую маленькую избушку. Тихо постучали в дверь. На стук быстро отозвался голос. Я узнал голос моей матери и назвался. Дверь открыли, нас приняли и тотчас же подали кислого молока, сметаны и хлеба. Мы расспросили о положении в деревне. Получили ответы, что солдат в деревне нет, что особая опасность нам не угрожает и что население сильно недоволено белыми. Черепанов и Стрельцов поехали отыскивать свои семейства, а я остался в избушке, чтобы поговорить с отцом и матерью. Затем мне дали шубу и я отправился на горку в густой кустарник, где и решил пробыть до утра.

Несколько дней провел я в Сибирячихе. По утрам я уезжал на пашни к знакомым и надежным крестьянам, а вечером возвращался в село обедать и беседовать с бедняками-соседями, которые все поголовно были недовольны правительством Колчака и возмущены грабителями-казаками.

Вскоре узнаю, что И. В. Черепанова, Каверзина и Кучина, который во время восстания командовал боевым участком, увезли в Антоньевскую казачью станицу для допроса. Эта весть меня обеспокоила и натолкнула на мысль уйти в Алтайские горы к партизанам. Я договорился об этом со своим братом Самсоном. Решили уехать вдвоем, так как о моем пребывании здесь несомненно узнают и тогда арестуют.

8 октября днем я встретил трех вооруженных винтовками, бомбами, шашками партизан нашего села. Они сообщили мне, что под командой И. Я. Третьяка около Уймона формируются 1-й и 2-й партизанские полки. Партизаны приглашали меня с братом на совещание, которое назначено было на горе около села. На этом совещании, на котором присутствовало 18 крестьян, мы получили информацию о партизанском движении на Уймоне. Все решили утром рано поехать в формирующийся партизанский полк.

А в это время по волостям было получено грозное

«П р и к а з а н и е

14 сентября 1919 года

Всем волостным старшинам, старостам, начальникам милиции и начальникам местных дружин приказывается: немедленно главарей, зачинщиков восстания выдать к смертной казни, как смутьянов народа, посягнувших на правительственную власть.

Все главари восстания объявляются вне закона, как государственные преступники. Гражданам селений и деревень вменяется в обязанность задерживать таковых и убивать на месте.

Не исполнившие моего приказа будут рассматриваться, как изменники правительства.

Начальник карательного сводного отряда
подполковник Хмелевский».

Согласно уговору, группа партизан раз'ехалась по заимкам, а затем проследовала через Черный Ануй в Уймон. Я и брат мой также решили выехать рано утром 9 октября. Но мое пребывание в селе стало известно белым через соседку, которая без злого умысла рассказала об этом попадье, а попадья попу, который сообщил Кашперову — начальнику местной дружины, а этот сообщил о нашем пребывании начальнику 5-го района колчаковской милиции Кузнецову и в то же время распорядился поставить около нашей избушки тайный караул. Узнав, что мы в Сибиричке, начальник милиции Кузнецов немедленно сделал распоряжение арестовать нас и препроводить под вооруженным конвоем в распоряжение штаба в с. Солонешенское.

Время близилось к рассвету. Отец поспешил уйти за лошадьми, а я и брат собирались позавтракать перед отъездом, как вдруг залаяли собаки и послышался разговор. Я понял, что дело неладно. Спрятаться некуда. Дверь открылась. Вошло около десятка крестьян, среди них Кашперов П. Д. — волостной старшина.

«В чем дело? Что вам угодно?»

Мне на это Кашперов ответил:

«Вас требуют сейчас в управление к старосте, что-то»...

Я задаю вопрос:

«А солдаты или казаки есть в волости?»

«Нет, солдат нет. Но, видимо, вас просят для объяснения».

«Если мы вам не подчинимся и не пойдем?»

«А тогда придется еще добавить мужиков и взять вас!».

Выхода не было. Не подчиниться бесполезно. Бежать нет возможности. Нас повели в сельское управление, где уже находился староста, который почему-то особенно суетился. Рассматривая проходящих и уходящих, я увидел Е. Ф. Стрельцова и Н. И. Кобызева. Они также были арестованы. На мой вопрос, почему нас арестовали, писарь Фоминых в ответ подал мне бумажку. Я читаю:

«Волостному старшине и начальнику дружины. Приказываю немедленно арестовать находящихся в селе Сиби-

рячихе главарей восстания, учинившего в районе волости, Бурькиных Никифора и Самсона, Стрельцова К. Ф., Налимова В. И. и Кобызева Н. И. и сейчас же под строгим караулом представить их в мое распоряжение в с. Солонешенское.

Начальник 5 р-на уездной милиции — Кузнецов».

Вскоре привели и тов. Налимова. Подали две парных подводы, отсчитали 12 дружинников конвойных и повезли нас пятерых в штаб милиции.

В Солонешенском нас переписали по фамилиям, а затем заперли под замок в каталажную камеру.

10 октября в 7 часов утра нас вывели из каталажной камеры, помощник начальника милиции Петр Бессонов выстроил нас в шеренгу, пересчитал и, обращаясь с наказом к вооруженному конвою, грозно сказал:

«Вот этих пять человек арестованных вы сопровождаете до с. Светленского — Лежановой. Вы обязаны оружие держать на боевом взводе и если хоть один из них сделает попытку к побегу, то стреляйте всех! Вы за них отвечаете головой!».

Подали нам две парных подводы, простые телеги, и быстро повезли. По бокам и впереди на верховых лошадях следовал вооруженный военный конвой. Когда нас привезли в село Лежаново, то было 10 часов утра. Тут мы узнали, что направляемся в село Алтайское, к «господину коменданту 4 района». Через час нас отправили дальше, только в пешем порядке. От с. Солонешенского до с. Белокурихи мы следовали трое суток. По дороге встречались с нами должностные лица всевозможных рангов и все они считали своим долгом остановиться и расспросить: кто такие, откуда следуют, за что арестованы и, конечно, наносили нам всевозможные оскорбления: плевали в глаза, ругали, говорили:

«Что это такую сволочь таскают по начальству, — взяли бы да перестреляли и только!».

13 октября, часов в 10 утра, нас подвозили к селу Алтайскому.

Когда мы были в Белокурихе, то крестьяне говорили нам, что раз вы следуете в Алтайск, то вам уж больше живыми не быть, так как сколько туда ни увозили, всех убивают. Комендант там злой, как собака, и беспощаден.

Мы два раза намеревались бежать, но ввиду того, что Кобызев и Стрельцов были больны, мы этого не сделали. Когда подвозили нас к поскотине, ямщики указали нам так называемый «собачий лог», говоря, что в этом логу похоронено много убитых колчаковцами.

«И вы наверняка здесь же будете лежать», «утешали» нас ямщики.

Нас подвезли к управлению коменданта. Палачи команды коменданта встретили нас злыми насмешками:

«Ну, этих комендант, очевидно, скоро расстреляет, они обви-

няются, как главари — инициаторы восстания», — проговорил один из палачей.

Вскоре пришел комендант-капитан Федорович. Он быстро прошел в канцелярию, уселся за стол и, положив на стол браунинг, начал быстро просматривать бумаги.

Вдруг раздался зычный голос капитана:

— «Бурыкин!».

Я и брат молчали.

Он еще раз повторил, мы продолжаем молчать. Тогда он, привскочив на ноги, диким голосом рявкнул — «Бурыкин Никифор!». Я быстро подошел к его столу и отозвался тоже громко: «Я!».

«Кем был в повстанческом штабе? Какое имел оружие?».

Допрос был короткий. Он приказал взять меня. Я быстро очутился в соседней свободной комнате, где на подставках лежала широкая окровавленная плаха, а на стенах висели нагайки. Это была «камера допросов». Мне было приказано лечь животом на плаху.

«Но раньше, будьте добреньки, снимите ваши штаны».

С меня сдернули штаны, взвалили на плаху, один держал за шею, другой за ноги, а двое стали по бокам плахи и со словами: «Ну, теперь держись, будем строить совдеповщину» — начали нагайками наносить частые удары по голому телу. Когда же раздался голос коменданта — «довольно!», палачи еще более участливо удары и затем бросили.

Я с трудом поднялся и почувствовал, как горячими ручейками текла кровь по ногам и по всему телу. Когда хотел одеть брюки, то они оказались иссеченными плетью, их пришлось поддерживать руками. После порки комендант снова вызвал меня на допрос. А тем временем остальных по очереди вызывали для порки. Когда всех перепороли, нас построили в шеренгу. Стрельцов не мог стоять на ногах и упал на пол, палачи поднимали его ударами нагаек.

Комендант долго ругался по поводу того, что получен от командующего Омским военным округом приказ, запрещающий расстреливать арестованных, которые сдаются без сопротивления. Таких арестованных надо было направлять в распоряжение военно-полевых судов. Он материл высшее начальство за такую директиву, но зато наслаждался пытками и мучениями, которые чинил над арестованными.

После порки нас под усиленным вооруженным конвоем повели в распоряжение начальника 4-го района милиции — там же в селе Алтайском. Когда нас сдали милиции, мы почувствовали некоторое облегчение. Нам разрешили обмыть кровь и выпить воды.

Во время переключки начальник милиции сказал нам:

«Вы поступили в мое распоряжение и сегодня же будете отправлены в Бийск в распоряжение уполномоченного Омского военного округа. Я прошу вас во время следования не делать попыток к бегству — это будет лучше. Суд, быть может, вас еще осво-

бодит, а если один-двое попытаются сбежать, тогда вы все погибнете. Конвой для сопровождения будет мой».

Мы заверили начальника, что будем следовать без попыток к бегству.

Нас сперва повели в волостное правление, а оттуда в тот же день, через два часа, на парных подводах отправили в с. Белокуриху. Вместе с нами отправляли в бийскую тюрьму еще пять арестованных. Это были колчаковские милиционеры, которых арестовали и избили по подозрению в измене. Сопровождал нас вооруженный конвой в количестве 25 местных дружинников, а старшим конвоиром был Павел Турченко.

В Белокуриху мы пришли в 7 час. вечера. Нас заперли в каталажную камеру до утра. Мы начали осматривать свои раны. Спины и ноги до колен были испорты до ужаса. Раны покрылись запекшейся кровью.

В этот день в селе был престольный праздник. Крестьяне принесли нам в каталажку продуктов: блинов со сметаной, жареного мяса, пирожков, молока и т. д. Крестьяне сочувствовали не только нам, но и всем, кто был гоним и преследуем колчаковщиной.

15 октября в 5 часов утра нас погнали пешком в город Бийск. Следовать пешком было очень тяжело, — раны давали себя сильно чувствовать. Через Смоленское нас пригнали в село Катунское, где нам пришлось пробыть в каталажке до утра.

Вот, наконец, и Бийск. Переезжаем реку на пароме. Идем мимо бывшей Казначейской площади, на которой как раз в это время стояла так называемая «дикая сотня», сформированная из байских элементов Ойротии для подавления партизанского движения в Горном Алтае. Когда мы проходили, то вооруженные офицеры приставали к конвойным с требованием выдать нас в распоряжение этой сотни. Но старший конвоир Турченко не выдал нас.

Вскоре мы пришли в штаб полковника Дроздовского, который помещался в здании бывшей учительской семинарии (по улице Льва Толстого), а через 30—40 минут нас оттуда повели в Бийскую тюрьму, куда мы прибыли в 12 час. дня 16 октября 1919 г.

В тюрьме нас закрыли в секретную камеру № 1 — это была смертная секретка. Просидели мы двое суток и получили сухари, мясо и белье, переданные моим отцом, который приехал в Бийск специально для того, чтобы справиться, живы ли мы. Через семь суток нас рассадили в другие секретные камеры. В половине ноября мы были вызваны в тюремную контору военным следователем, который допрашивал нас. После этого допроса нас перевели в общую камеру № 40, в которой содержалось более 150 арестованных. В камере было тесно и грязно. Среди арестованных много рабочих и крестьян даже преклонного возраста. Тяжелы были условия содержания в тюрьме: от тесноты, грязи, плохого воздуха и плохого питания начались заболевания тифом. Каждую ночь умирало по 10 и более человек. Медпомощи не было: если кто

заболевал, то его просто уносили в отдельную камеру, так называемую «тюремную больницу» и там оставляли без присмотра. Тиф и нас приковал к койкам. Я болел три недели, а мои товарищи — до последних дней содержания в тюрьме. За все это время врач Благовестов только один раз произвел медицинский осмотр заключенных.

Положение с каждым днем менялось. Мы узнали, что в городе происходит суматоха: военные чины высших рангов собираются бежать. В тюрьме ежедневно распространялись слухи, что партизаны со всех сторон окружают город.

В начале декабря пришел отец в тюрьму на свидание со мной, которое происходило через проволочную решетку. Он рассказал, не стесняясь присутствия дежурного офицера, о партизанских победах, о том, что Новониколаевск уже взят красными. Уходя отец крикнул: «Я домой уж не поеду, а буду ждать вашего освобождения!».

И мы содержались в тюрьме до освобождения города красными войсками. 9 декабря все политзаключенные были освобождены из тюрьмы.

Повстанческое движение в районе гор. Камня¹

Бурно пронеслась Октябрьская революция по Сибири. Дружно принялись большевики за работу по установлению и укреплению Советской власти. Однако, Советы не долго удержались. Меньшевики и эсеры сплотили и объединили вокруг себя все контрреволюционные силы и при помощи чехословацких штыков свергли Советскую власть в Сибири. Летом 1918 г. власть перешла в руки эсеров и меньшевиков. Называлась она «демократической». С первых же шагов эта «демократическая» власть начала играть на-руку буржуазии: капиталистам, фабрикантам, помещикам, кулакам. В угоду и в интересах буржуазии, эсеры и меньшевики, захватив власть, начали насаждать царские порядки и восстанавливать буржуазно-капиталистический строй. Все советские декреты были отменены, все революционные завоевания пролетариата сведены насмарку.

Став у власти, меньшевики и эсеры в первую очередь занялись тем, чтобы обезопасить себя от большевиков. Начались расстрелы и истязания большевиков. Тюрьмы были ими переполнены. Арестовывали не только членов партии. Контрреволюция в ту пору называла «большевиками» всех красногвардейцев, сознательных рабочих, служащих советских учреждений и даже так называемых «сочувствующих» Советской власти.

Особенно буйствовала эта «демократическая» власть в деревне. Благодаря меньшевикам и эсерам, в деревне вновь начал расправляться бывший царский урядник, опять стал хозяйничать кулак и высоко подняли головы попы. Все они жестоко мстили крестьянам — «совдепщикам» за их деятельность по проведению в деревне декретов Советской власти. Этих «совдепщиков», среди которых преобладали бедняки и батраки, пороли, нещадно избивали, сажали в каталажку, а затем гнали в городскую тюрьму. Не счесть количества «совдепщиков», которых беляки в ту пору расстреляли!

Но как ни старались меньшевики и эсеры, а изолировать всех большевиков им не удалось. Большевики, избежавшие ареста,

¹ Этот очерк представляет собой краткое и сжатое извлечение из «Воспоминаний», которые И. Громов подготавливает к печати.

ушли в подполье, откуда они принялись за работу по организации рабочих и крестьян — речь идет, конечно, о бедняках, батраках и середняках — для борьбы за восстановление Советской власти в Сибири. В подполье ушли и многие сельские большевики. В лесах и на займках скрывались они небольшими группами. На займке скрывался и я.

Между тем, в июле 1918 г. эсеро-меньшевистская власть объявила мобилизацию молодежи для вновь формируемой белой власти. Эта мобилизация всколыхнула крестьянскую молодежь.

Большевики повели среди мобилизуемых агитацию за то, чтобы они дезертировали и формировались в отряды для борьбы за свержение белой власти. Эта агитация имела успех.

Беляжи разослали по деревням военные карательные экспедиции, чтобы принудить население выполнить постановление о мобилизации, Каратели жестоко расправлялись с населением: жгли деревни, грабили добро, расстреливали и до смерти избивали непокорных. Помню такой случай. В село Корниловку, Каменского уезда, пришел карательный отряд под командой поручика Воронова. Каратели выпороли плетью свыше 200 крестьян, а 12 крестьян — это были бедняки и середняки — до того зверски избili прикладами ружей, что у многих оказались проломленными головы. После побоища Воронов приказал расстрелять этих 12 изуверченных крестьян. Поп, спокойно и с ехидной улыбкой на устах наблюдавший за гнусной сценой зверского избияния, заявил поручику: «Погодите расстреливать их, разрешите их раньше подготовить». И по приказанию попа этих изуродованных крестьян, которые не могли двигаться, волоком потащили в церковь, где поп «подготовил» их к смерти. Он дал им «глухую» исповедь, потом причастил и отпел «за упокой». Когда эта ханжеская процедура закончилась, поп сказал поручику: «Теперь можете их расстрелять».

К этому времени успели уже выкопать могилу, в которую и зарыли расстрелянных.

Терроризированное население искало выхода из создавшегося положения.

Числа 10 октября мы, около полутора десятка подпольщиков, съехались на займку у села Панкрушихи, Каменского уезда. На этом совещании мы решили «белому террору противопоставить красный террор». В первую очередь решили сделать налет на село Корнилово, чтобы отомстить за убитых 12 товарищей.

В конце второй половины октября мы этот налет осуществили. Мы расстреляли в селе Корнилово две кулацких семьи. Расстреляли также попа, который «напутствовал» на смерть наших товарищей.

Весть о нашем налете быстро разнеслась по селам и деревням. По-разному расценивали этот налет. Бедняки, во всяком случае, говорили: «Большевики отплатили за смерть товарищей».

Чтобы нас поймать, были посланы отряды и мобилизованы

кулаки разных сел. Но широкие крестьянские массы помогали нам скрываться, они сообщали нам о продвижении отрядов и информировали о настроении и намерениях кулацких выродков.

Между тем у власти стал царский адмирал Колчак. Его появление только подлило масла в тот революционный огонь, который большевики-подпольщики разожгли и направили против эсеро-меньшевистской власти. Сибирская подпольная большевистская организация развила энергичную деятельность. Она занялась организацией рабоче-крестьянского вооруженного восстания, чтобы свергнуть подлую колчаковскую власть и восстановить по всей Сибири власть Советов.

К этому времени на территории бывшего Каменского уезда имелось уже много подпольных групп. Эти группы часто устраивали совещания. Все они были хорошо законспирированы. Свои решения группы не фиксировали на бумаге. Во главе каждой группы находился «старший», который следил за выполнением наших решений и держал связь со «старшими» других групп, о существовании которых знал. Мы старались организовать подпольные группы и в районах, несколько отдаленных от нас. Так, например, еще в октябре 1918 г. мы отправили учителя Кадыкова (Городецкий) на подпольную работу в село Касабулат, Змеиногорского уезда.

В декабре я и Петр Нечаев поехали по селам для ознакомления с тем, как работают подпольные группы. Заехали также в село Касабулат. Узнаем, что у Кадыкова работа продвигается туго, что он вместе с одним товарищем — матросом, фамилию которого я забыл, решил построить кузницу, чтобы несколько оправдать перед населением свое пребывание в этом селе, но не имеет средств, что они даже живут впроголодь.

Мы решили достать средства. В Касабулате была крупная мельница торговца Трунилина. Сам мукомол Трунилин жил в селе Лаптев Лог, на мельнице же находился его сын. Мы с Кадыковым отправились к нему, вызвали на секретный разговор, отрекомендовались, что мы большевики, и ультимативно потребовали, чтобы он дал для нашей организации 10000 руб., причем предупредили, чтобы он об этом никому ничего не говорил, не то...

«Сын Трунилина поклялся, что у него сейчас такой крупной суммы нет, но к вечеру достанет.

«Куда прикажете принести?» — спросил он только.

И действительно — вечером он принес в условленное место деньги.

Кадыков впоследствии еще раза два брал у Трунилина деньги. В подтверждение получения денег мы выдавали Трунилину расписки с печатью «Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов».

К этому времени у нас наладилась тесная связь с подпольной организацией города Камня. Но этого считали недостаточным. Мы находили, что борьба с колчаковщиной закончится успехом

лишь в том случае, если работа всех подпольных организаций будет согласована, если она будет проводиться под единым руководством нашей центральной сибирской подпольной организации. Мы всемерно стремились поэтому установить прочную связь с нашим сибирским центром и подпольными организациями больших городов. Мы побывали в Семипалатинске, Славгороде, Рубцовке, но нигде связаться не смогли: очевидно, слишком законспирированы были подпольные организации в этих городах. Только в Омске удалось Егору Корнееву связаться с подпольной организацией. 22 декабря 1918 г. состоялось в Омске вооруженное восстание рабочих и солдат. Колчаковцам удалось подавить это восстание. Организация на время ушла в глубокое подполье. Корнеев уехал из Омска, не успев установить прочной связи.

У нас было также большое желание связаться с Москвой, чтобы хотя изредка получать оттуда, от т. Ленина, директивы. Мы в разное время направили в центр около 60—70 товарищей. Обрато же возвратились только двое: Кожевников и еще один товарищ, фамилию которого не помню. Все остальные без вести пропали: они, очевидно, погибли от рук колчаковских палачей.

Информацию о положении в Советской России мы в ту пору получали от солдат, бывших в германском плену и возвращавшихся после 'брестского' мира на родину. Этих солдат, как известно, колчаковцы без задержки пропускали через свой фронт на родину в Сибирь.

«Прежде, чем отправить в Сибирь — рассказывали солдаты — большевики приодели, обули и одновременно накачивали нас «большевицким духом», учили, как вести себя дома и что делать в тылу Колчака».

Большинство этих солдат вскоре приняли самое активное участие в партизанском движении. Многие из них заняли в наших отрядах руководящие военные и административные посты.

Впоследствии, после многих и упорных попыток, нам все-таки удалось установить прочную связь с парторганизациями городов: Барнаула, Камня, Новониколаевска. Барнаульский подпольный комитет держал с нами связь через товарищей Елькина и Канцелярского, а Каменская парторганизация — через тт. Коржаева, Носова и Марию Баеву. С новониколаевской парторганизацией мы поддерживали связь через тов. Рубана (учитель села Прыганка).

Парторганизации снабжали нас оружием, медикаментами и партийными работниками. Так, например, новониколаевская организация прислала нам старого большевика Турьянского, машиниста новониколаевского депо. Барнаульская организация также прислала рабочего железнодорожных мастерских. К сожалению, не помню фамилии этого рабочего. Помню только, что на одной руке у него не было нескольких пальцев. Этот рабочий был через некоторое время схвачен колчаковской контрразведкой и казнен.

Но еще до того, как мы связались с вышеозначенными подпольными организациями, нам удалось связаться с подпольной орга-

низацией сел Кабаны, Солоновка, Селиверстово, лежащих близ Касмалинского бора. О существовании этой организации мы случайно узнали еще в январе 1919 г. Вскоре я отправился в село Селиверстово, где остановился на квартире Егора Коростелева, у

Е. М. Мамонтов

которого и прожил, под видом батрака, около двух месяцев. Более двух недель мне пришлось мытариться, члены организации все «прошупывали» меня. Наконец, я встретился с тт. Шумейко и Юровым, а затем и самим Мамонтовым. Вскоре я познакомился со всей организацией, в состав которой входили: Прилепа, Копань, братья Константиновы, Малышенко, Калиновский, Чупахин и другие, всего около 20 товарищей.

Эта организация, как и наши каменские подпольные кружки, в течение зимы никаких боевых действий не вела. Впрочем, одна стычка с белыми все-таки произошла. Какой-то карательный отряд вошел как-то в село Кабань (Острово) и обложил избушку Прилепы, в которой находилось пять подпольщиков, а среди них—Мамонтов. Силы были далеко неравные, тем не менее

подпольщики решили прорваться. И прорвались. Во время перестрелки были ранены Прилепа и Копань. На стороне же белых пали убитыми несколько человек, в том числе и начальник карательного отряда, капитан Кошмарышкин. Других боевых действий, повторяю, не было. Организация вела подготовительную работу, чтобы весною дружно и организованно выступить на врага.

В первых числах апреля 1919 г. подпольщики собрались в Селиверстово и оттуда сделали организованную вылазку в степь на заимку, для проверки и пристрелки своего оружия. Винтовки оказались приличными, да и стрелки не плохими.

Вот здесь-то мы от Егора Константинова и узнали, что в каталажке села Волчихи сидят 32 арестованных, которых через день расстреляют. Мы решили во что бы ни стало освободить арестованных, хотя знали, что это будет не легко, так как Волчиха охранялась 20 милиционерами и большим карательным отрядом.

В Волчиху нас поехало 17 товарищей. На наше счастье карательный отряд накануне куда-то ушел из села. Мы в'ехали в село

под видом того, что везем арестованных большевиков. План задуман был удачно. Мы разоружили часовых и освободили арестованных. У нас хватило даже смелости взять у волчихинских крестьян подводы для арестованных.

Эта небольшая операция привела в бешенство белых. Они снарядили большие отряды для того, чтобы нас изловить. Вследствие нашей малочисленности мы не могли вступить с ними в бой. Мы скрылись поэтому в Касмалинском бору, откуда изредка делали вылазки, чтобы запастись продовольствием или экспроприровать у кулаков и торгашей средства и мануфактуру на обмундирование. Командиром нашего отряда был в ту пору Мамонтов, а я — его помощником.

Белые, однако, наводнили этот район отрядами. Чтобы не попасть к ним в лапы, мы решили на некоторое время разойтись небольшими группами.

На совещании я выразил желание вернуться на работу к каменским группам. Со мной согласились. Мы договорились, как держать связь и как вести боевые действия. Решили, что до подготовки крестьянства к массовому восстанию будем действовать мелкими отрядами, делая, главным образом, налеты на милицию и на карательные отряды, ибо в ту пору только на эти силы опиралась в деревнях вся колчаковская власть. Мы с Мамонтовым поклялись, что, не щадя своей жизни, будем сообща бороться, пока не свергнем ненавистную колчаковщину. В знак нашей неразрывной дружбы и совместной борьбы мы обменялись оружием.

Третьего мая я и Чупахин оставили солоновских товарищей, выехали из Касмалинского бора, держа путь к каменским группам.

За зиму каменские подпольщики не только успели связаться с подпольными организациями некоторых городов, но и завербовать ряд людей, находившихся на службе в колчаковских учреждениях. Так, например, весьма ценные услуги оказывал нам начальник каменской уездной милиции, поручик Ипатов. Он устроил некоторых наших товарищей на службе в милиции разных волостей, а грузчик Костромин, бывший красногвардеец, по рекомендации Ипатова был даже утвержден в должности начальника

И. В. Громов

волостной милиции села Кучино, Славгородского уезда. Ипатов давал нам ценные информации и снабжал оружием, — словом, цедиком был в нашем распоряжении. На службе в почтово-телеграфных конторах Камня, Волчихи и Селиверстово также находились верные нам люди, которые знакомили нас с секретной телеграфной и почтовой перепиской колчаковских властей.

Особенно следует отметить т. Попову, начальника селиверстовской почтово-телеграфной конторы. Она была беспартийной. Начальником почтовой конторы Попова согласилась стать по настоятельному требованию нашей подпольной организации. Работать приходилось Поповой в тяжелой обстановке. Шпик Курчин неустанно держал ее под своим наблюдением. Курчина нам пришлось убрать с дороги. Что же касается Поповой, то за семь месяцев своей работы в должности начальника конторы, она до того истомилась, что из цветущего человека превратилась в скелет, стала инвалидом.

Вместе с Чупахиным мы заехали в село Ярки, чтобы в первую очередь подготовить к боевым действиям ярковскую группу, в состав которой входили подпольщики сел Поперечное, Корнилово и ближайших поселков. Одним из руководителей этой группы был Василий Коновалов. Эта группа имела в своем распоряжении около 20 винтовок. При проверке оказалось, что нехватает пяти винтовок. Установили, что Даниил Кольченко (Данько — по кличке, житель села Поперечного) отдал эти винтовки торгашам, как он говорил «на хранение». Мы винтовки отобрали, а торгашей, которые были кулаками, при первом удобном случае расстреляли. Поиски этих пяти винтовок, которые в ту пору имели для нас большое значение, и разработка вместе с ярковцами плана боевых действий задержали меня и Чупахина в Ярках на длительное время. Затем перобрались мы к подпольщикам сел Куликовского и Усть-Мосихи, где руководителем групп был учитель Аркадий Николаевич Данилов. Вскоре и эта группа была подготовлена к выступлению. Словом, в начале июля на нашей повстанческой территории оперировали три отряда: солоновский, ярковский и усть-мосихинский. Каждый отряд действовал самостоятельно. Согласованность заключалась в том, что отряды не делали налетов одновременно, а поочередно. Перебьет один отряд милицию в каком-нибудь селе и немедленно в бор или на зимку. Белые, конечно, пошлют в ту местность карателей, чтобы изловить налетчиков, тогда другой отряд сделает вылазку и в свою очередь скроется. За ним выступит третий отряд. Белые измаялись в погоне за нами. Они вначале предполагали, что это орудует одна «банда», как они называли нас в своих донесениях и недоумевали, как это мы так быстро перебрасываемся из одного конца в другой по такой большой территории. Потом белые разобрали в чем дело, но прежде чем они успели разобраться, нам удалось «выкурить» всю милицию из сельских местностей этой обширной территории.

Видя, как успешно мы действуем, зашевелилось и бедняцко-средняцкое крестьянство, отягченное колчаковскими поборами, налогами, реквизициями и мобилизациями и страдавшее от действий колчаковских карательных отрядов. Крестьяне искали выхода из создавшегося положения. Мы развили энергичную агитацию среди бедняков и середняков, привлекая их в свои ряды для борьбы с колчаковщиной. Крестьяне просили оружия, но какое оружие могли мы дать им в ту пору, когда в распоряжении наших трех отрядов имелось не более 300 винтовок. Надо было оружие достать, забрать его у колчаковцев.

В последних числах июля 1919 г. мы решили занять город Камень, хотя бы на короткое время, чтобы только продемонстрировать пред крестьянами, с одной стороны, слабость и нерасторопность колчаковщины, а с другой стороны — наши боевые силы и нашу боевую удачу.

Мы выбрали город Камень потому, что, во-первых, в этом городе стоял небольшой гарнизон, насчитывавший всего 500 бойцов, а во-вторых, в Камне находилась сплоченная, хотя и небольшая подпольная организация (всего 70 членов), с которой, как я уже говорил, мы держали прочную связь. Мы рассчитывали также на помощь и услуги со стороны Ипатова.

Подготавливаясь к наступлению на город Камень, мы перебросили в Яркскую группу часть подпольщиков из других групп. В общем в Ярках собралось около 300 бойцов, из которых для наступления на город отобрали 120 товарищей, хорошо вооруженных трехлинейными винтовками и наганами. Каждому из них дали по пяти гранат. Остальные товарищи, вооруженные охотничьими ружьями, должны были остаться в Ярках.

Наступление было назначено в ночь на 17 августа. Каменская подпольная организация была уведоmlена о нашем наступлении специальным сообщением, приблизительно, следующего содержания:

Приказ.

Председателю каменской подпольной организации, т. Ивану Коржаеву, и его заместителю, т. Носову.

Мы будем наступать на город Камень с 3 на 4 августа¹. В 2 часа ночи откроем огонь по городу Камню. Наш пароль: «Прорыв и шомпол». Знак отличия нашего отряда — белая повязка на левой руке каждого бойца. К вышеуказанному времени ваша организация должна находиться в полной боевой готовности. При первых наших выстрелах вы должны выступить с вышеуказанным знаком отличия. А до выступления вам надлежит о всех переменах в городе Камне доложить мне, для чего выслать людей по Соляной дороге, где они нас встретят. Также вам надлежит наметить 5-6 зданий для поджога. Здания должны быть на отлете, дабы не причинить огнем вреда городу.

Начальник отряда Громов.
За ад'ютанта Булыгин.

¹ По новому стилю с 16 на 17 августа.

Незадолго до выступления мы получили от Ипатова записку, в которой он просил разрешить оставить пост начальника милиции при занятии города и влиться в наш отряд.

Мы ему ответили: «Если удастся захватить гарнизон города полностью, он, Ипатов, может присоединиться к нашему отряду. Если же гарнизон отступит, то ему, Ипатову, надлежит отступить вместе с белыми, так как нам важно иметь в рядах белых своих людей». В ночь на 17 августа начали мы свое наступление на город Камень. В условленном месте мы не встретили каменцев с информацией, которую ожидали.

Некоторые товарищи заколебались. «Как, — говорили они, — будем мы наступать на город, когда не знаем, что там делается».

Большинство же стояло за наступление.

Мы разбили отряд на группы и каждой группе дали отдельное боевое задание, чтобы не попасть всему отряду в ловушку.

Ровно в 2 часа ночи мы открыли огонь по городу.

Я со взводом в 20 бойцов взял на себя обязанность захватить пристань. Приближаясь к пристани, мы увидели, что с двух пароходов солдаты по трапам тащат пулеметы. Оказалось, что на помощь местному колчаковскому гарнизону прибыли на двух пароходах белополяки. Мы встретились, таким образом, с противником, который по численности превосходил наши расчеты и предположения в 3-4 раза. Мы тем не менее приняли бой, и должен сказать, что бой был отчаянный. Он продолжался четыре часа. В этом бою мы потеряли 43 бойца: 22 убитыми и 21 раненым. Эти малые потери объясняются нашей групповой тактикой.

Белые же потеряли в этом бою около 200 человек. Среди убитых находился и командир польского легиона. Колчаковцы с воинскими почестями похоронили белополяков в Новониколаевске.

Мы вынуждены были отступить.

Белополяки прибыли в Камень на пароходах за три часа до нашего выступления. О прибытии белополяков каменская подпольная организация нас не уведомила. Впоследствии нам сообщили, что польское офицерство было вдрызг пьяно. Если бы мы это знали своевременно, то несомненно захватили бы пароходы.

Пока мы шли в наступление и дрались с колчаковцами, наши товарищи, оставшиеся в тылу, разбрелись по окрестным селам и звоном церковных колоколов сзывали крестьян, уговаривая их идти походом на Камень. Особенно энергичная работа была развернута среди крестьян сел Корнилово и Ярков. Им сказали, что наш отряд почти занял Камень, что там идет жаркий бой и нужна быстрая помощь. Крестьяне вооружились кто чем мог и под командой И. С. Шкурина лавиной двинулись на город Камень.

Противник, видя движущуюся массу, очевидно, принял наш отряд за разведку, а крестьянские массы — за главные боевые силы. Рассудив, что с таким многочисленным противником вступить в бой опасно, белые, отстреливаясь, сели на пароходы и уехали.

На следующий день каменский милиционер сообщил нам, что в городе белых нет.

Утром 19 августа вступили мы в Камень. К 12 часам дня в город вошли около 10000 крестьян, вооруженных самым разнообразным примитивным оружием.

16 часов город Камень был в наших руках.

Между тем большие воинские силы, заблаговременно высланные из Новониколаевска, к вечеру приблизились на пароходах к городу.

Началась жаркая перестрелка. Белые стреляли из орудий и пулеметов. Мы вынуждены были оставить город.

Каменская подпольная организация с нами не отступила. Когда же белые, вступив в город, развили кровавый террор, многие подпольщики с трудом выбрались из города и присоединились к нашему отряду. Заняв город, белые на следующий же день расстреляли свыше 300 человек, которых подозревали в участии в восстании. Белым удалось расконспирировать поручика Ипатова, который, согласно нашему распоряжению, вместе с ними вернулся в Камень. По приговору военно-полевого суда Ипатов был расстрелян «за измену белому делу»¹.

Приблизительно в эти же дни Мамонтову удалось около села Селиверстово разбить крупный отряд белых.

Временное занятие города Камня и разгром белых у села Селиверстово доставили нам богатые трофеи. Мы захватили около 400 винтовок, много пороха, свинца и баббита, что для нас было большой ценностью. Жаль только, что не удалось вывезти типографию, которую мы захватили в Камне. Какие неоценимые услуги оказала бы она нам впоследствии!

Наши боевые выступления всколыхнули крестьянские массы. Крестьяне начали формироваться в отряды и на местах расправляться с представителями колчаковской власти и сельской буржуазией. Антиколчаковское движение перерастало из мелкоотрядного повстанческого в массовое партизанское движение.

Мы учли это обстоятельство. После отступления из Камня мы устроили в селе Ярках совещание руководящего состава. На этом совещании решено было избрать комиссию для организации съезда Советов Западной Сибири. Комиссии поручили срочно выехать к Мамонтову для переговоров.

Не буду останавливаться на том, как велись эти переговоры. Скажу только, что 9 сентября произошло в селе Солоновке объединение всех партизанских отрядов. Главнокомандующим был избран Е. Мамонтов.

Началась новая полоса в борьбе за восстановление Советов в Сибири.

¹ Одновременно с Ипатовым были расстреляны еще два милиционера — Борисов и Маллаев. См. в разделе колчаковских документов доклад управляющего Каменским уездом.

Повстанческий отряд деревни Верх-Караканка

Бердск — один из крупных населенных пунктов нынешнего Новосибирского района. Во время колчаковщины, когда бедняцко-средняцкое крестьянство поднялось, чтобы свергнуть в Сибири власть насильников и восстановить власть Советов, повстанцы неоднократно пытались захватить Бердск и превратить его в свой опорный пункт. Первая попытка была предпринята в августе 1919 г.

Дело обстояло так. Весной 1919 г. в деревне Верх-Караканке, которая находится в 50 километрах от Черепаново, организовалась группа подпольщиков в составе 12 бывших фронтовиков империалистической войны. Эта группа вела агитацию среди крестьян и своей главной задачей считала организацию крестьян для вооруженного восстания против колчаковской власти. Группа неоднократно устраивала подпольные совещания, на которых обсуждались деяния колчаковской власти и способы борьбы с нею. Крестьян убеждали не давать своих сыновей в колчаковскую армию и не выполнять тех повинностей, которые налагались колчаковской властью. Новобранцев уговаривали дезертировать и формироваться в боевые отряды, а насильно мобилизованным, которых отправляли на фронт, внушали, чтобы они перебежали на сторону красных.

В начале августа 1919 г. узнаем, что восстали крестьяне ряда алтайских сел и деревень, что поднялись на восстание крестьяне села Мосихинского, с которым у нас была связь, и что восстание перебросилось на другую сторону Оби, в Сузун, где организован повстанческий штаб. Узнав об этом, члены группы собрались на подпольное собрание, на котором решили послать трех товарищей во главе с И. С. Лебедевым в Сузун за информацией и для установления связи с повстанческим штабом. Мы сознавали, что восстание алтайских крестьян будет успешно лишь в том случае, если оно будет активно поддержано крестьянством всей Сибири. Когда делегаты вернулись, подпольщики вновь собрались на совещание, на котором решили выступить своими, по существу, весьма скромными силами для того, чтобы поддержать восстания, поднятые в ближайших к ним селах. Быстро сформировали из распропагандированных крестьян не-

большой отряд. Нач. отряда избрали В. Комарова, его помощн. — И. Силаева, руковод. конной разведки назначили Г. С. Асбезова. Сформировав отряд, созвали всех крестьян села на сход, на котором раз'яснили собравшимся смысл, значение и цель восстания крестьян соседних сел. Сход решил примкнуть к повстанцам. Подпольщики тут же приступили к вербовке добровольцев. Кроме того была объявлена мобилизация молодежи призывного возраста. Эта мобилизация проводилась также по поселкам, примыкающим к Верх-Караканке.

Повстанческий отряд, сформированный из добровольцев и мобилизованных, двинулся в село Шарчино, где арестовал председателя волостной земской управы, писаря и все волостное управление. Затем крестьяне села были созваны на сход, который решил примкнуть к повстанцам, для чего повстанцы открыли вербовку добровольцев и объявили мобилизацию всего населения. Сход избрал также военного комиссара волости, к которому перешла вся власть и который немедленно же приступил к мобилизации населения. Сформированный им отряд был отправлен на подкрепление повстанцев, наступающих на Черепаново¹.

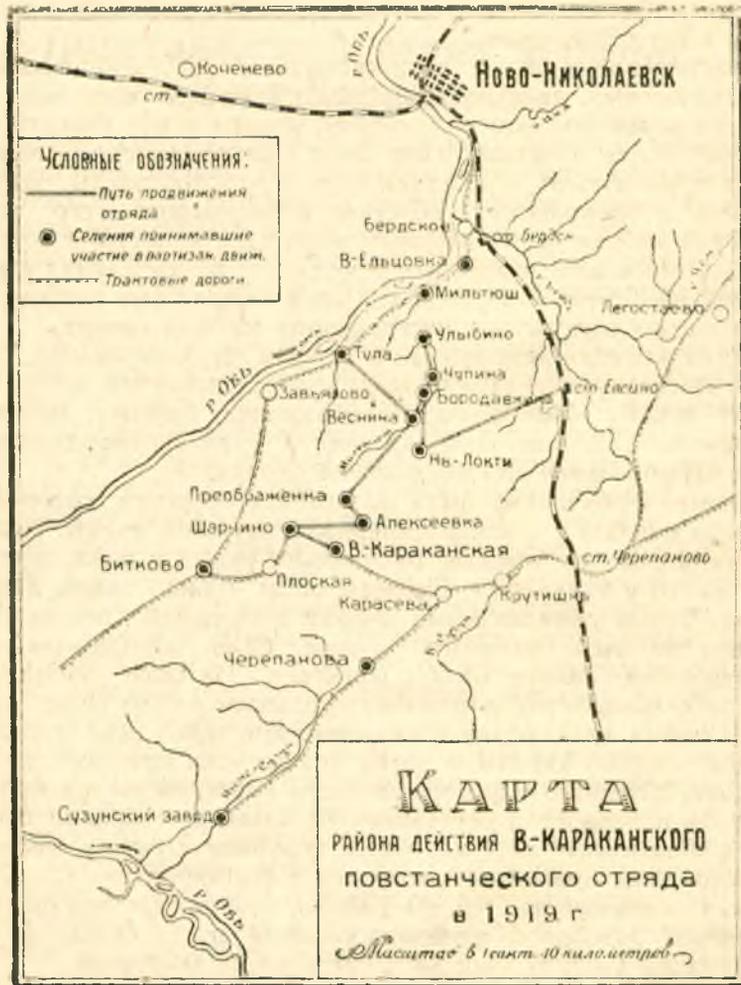
Отряд же, сформированный в деревне Верх-Караканке, отправился из села Шарчино в Бердск, взяв направление через населенные пункты: Алексеевка, Преображенка, Горевка, Веснино и Бородавкино. Во всех этих деревнях и селах производилась вербовка добровольцев для пополнения отряда.

Бывшие фронтовики были вооружены оружием, которое они принесли с собой с фронта империалистической войны. Немного оружия, в виде дробовиков, охотничьих ружей и даже берданок, было из'ято у кулачества. Кузнецы были мобилизованы дляковки пик. Этими самодельными пиками вооружали повстанцев, у которых не было никакого оружия. Село Бородавкино было превращено в главную базу повстанцев. Из села Бородавкино один добровольческий отряд был направлен в село Ново-Локтеское. Прибыв туда, отряд немедленно арестовал всех членов волостной земской управы и затем созвал всех крестьян села на собрание. Бедняцко-средняцкая часть крестьянства охотно согласилась примкнуть к восстанию. На этом же собрании был избран военный комиссар, которому поручили объявить мобилизацию населения призывного возраста. Сформированный здесь отряд был отправлен на станцию Евсино. Станция Евсино была взята, причем разобрали железнодорожный путь, чтобы не дать колчаковцам стянуть военные силы в район восстания.

Другой добровольческий отряд, высланный под командой Комарова из села Бородавкино, отправился в село Чупино, чтобы и крестьян этого села привлечь к участию в восстании. Однако, Комаров оказался слабохарактерным. Он настолько спасовал пе-

¹ Черепаново считалось в то время уездным городом Алтайской губернии. В настоящее время Черепаново — районный центр, который находится в ста километрах от Новосибирска. Прим. ред.

ред кулаками, что не решился принять меры для преодоления их сопротивления. Забыв о своем долге и о своих обязанностях, Комаров с несколькими своими друзьями напился самогону. Кулаки выгнали его с отрядом из села Чупина. Узнав об этом, в ту же ночь отправили из Бородавкино в Чупино другой добровольческий отряд под командой тов. И. Силаева. Сместив Комарова за проявленную неустойчивость, И. Силаев объединил всех повстан-

цев в один отряд и вместе со своим помощником Г. Лебедевым повел отряд в наступление на село Чупино. Видя стройное наступление вооруженного повстанческого отряда, кулаки на этот раз не осмелились оказать какое-либо сопротивление. Войдя в село, повстанцы арестовали всех кулаков и созвали бедноту на совещание. Беднота решила произвести сбор оружия и сформи-

ровать отряд. Выполнение этих обязанностей поручили военному комиссару, которого избрали на этом же совещании.

Уладив дела в Чупино, отряд выступил в село Улыбино. По дороге узнали о ликвидации восстаний в селах Сузун, Черепаново и Новых-Ложтях. Это известие панически подействовало на повстанцев. Многие выразили намерение оставить ряды повстанцев. Общее собрание повстанцев, однако, осудило это паническое настроение. Решили двигаться вперед и наступать на Бердск.

Между тем повстанцы вошли в с. Улыбино, которое лежит на пути в Бердск. В Улыбино мы также создали бедноту на собрание. При содействии бедноты нам удалось собрать немного оружия и мобилизовать молодежь в наш отряд. Из Улыбино мы послали конную разведку для обследования, насколько безопасен дальнейший путь до Бердска. Наша разведка побывала в селах Мельтюш, Сосновке и Ельцовке. В одном из этих сел перехватили нарочного белых с пакетом. Распечатали пакет и узнали, что нарочный раз'езжает по деревням с требованием, чтобы крестьяне приготовили подводы для карательного отряда, который должен высадиться в нашем тылу, на пристани Тула.

Повстанцы представляли уже в эту пору довольно внушительную силу. Их отряды, рассеянные по занятым селам и деревням, насчитывали около двух с половиной тысяч бойцов.

Наш отряд, вышедший из деревни Верх-Караканки, имел в своих рядах 260 дезертиров колчаковской армии. В начале своего выступления отряд был вооружен почти одними только самодельными пиками. Сейчас же в отряде имелись бойцы, вооруженные не только дробовиками и охотничьими ружьями, но также, благодаря дезертирам колчаковской армии, трехлинейными винтовками, бомбами, наганами и холодным оружием.

Мы решили не дать карателям возможности высадиться и укрепиться в нашем тылу, мы считали необходимым разбить их. И наш отряд отправился в обратный путь, через села Чупино, Бородавкино и Веснино на село и пристань Тулу. По дороге узнали, что уже ликвидированы восстания в районе сел Битково, Мышланово, Завьялово и др., но не поверили и решили двигаться вперед, чтобы прорвать цепь колчаковских карателей и соединиться с повстанцами.

Колчаковцы, однако, нас опередили. Под'езжая к Туле, мы заметили, что деревня Харева обстреливалась пулеметным огнем карателей. Наша конная разведка, подойдя к Туле, также подверглась пулеметному обстрелу. Ясно было, что каратели уже заняли Тулу и что восстание во всем районе подавлено.

Вся эта обстановка деморализующе повлияла на повстанцев, они решили разойтись по домам и в беспорядке отступили в село Веснино.

В селе Веснино начальник отряда И. Силаев делал всевозможные усилия, чтобы рассеять паническое настроение, охватившее повстанцев, чтобы восстановить порядок и повести отряд в бой с

карателями, высадившимися на пристани Туле. Но все эти усилия были напрасны. Повстанцы разошлись. Остались только 65 повстанцев, которые не хотели сложить оружие. На общем собрании отряда решили: оружия не бросать, отряд сохранить, отступить, узнать, где какие партизанские отряды действуют, установить с ними связь и уйти к ним. Отступая, мы подошли к с. Новым Локтям, где волостная земская управа опять уже была восстановлена. Новолоктевское кулачество пыталось нас задержать и обезоружить, но мы арестовали несколько человек, сами мобилизовали необходимое количество подвод и уехали.

Однако, поступившие сообщения о том, что нигде никаких повстанческих отрядов не осталось и что каратели жестоко расправляются с участниками восстания, что они вешают и расстреливают население, жгут и грабят села и деревни, — все эти сведения окончательно деморализовали отряд. По прибытии в Верх-Караканку отряд насчитывал только 16 человек — это были организаторы отряда и конная разведка во главе с начальником отряда Силаевым. Эта оставшаяся часть отряда организованно держалась в Верх-Караканке на полулегальном положении в течение нескольких дней в надежде узнать о действующих партизанских отрядах, чтобы уйти к ним. Посылали товарищей (Сныцарева Нестора и др.) для отыскания действующих отрядов, но посылаемые товарищи попадали в руки белых.

Между тем в Верх-Караканку прибыла карательная часть отряда Анненкова. Началась расправа над участниками восстания, которых выдавали кулаки.

Многие были захвачены карателями и казнены. В Верх-Караканке двух повесили и одного расстреляли. Расстрелу подвергся также Александр Минеевич Кирьенко, который был захвачен по дороге в Карасево. Рана оказалась не смертельной, расстрелянный не растерялся, притворился мертвым и неподвижно лежал. Когда же каратели уехали, он ушел в лес, долго скрывался на заимке, вылезился и в настоящее время работает на производстве в колхозе «Батрак», Верх-Караканского сельсовета.

Трое расстреляны в селе Карасево. Среди этих расстрелянных находился организатор отряда, член подпольной группы фронтовиков, Осип Корнеевич Пупенко... После первых двух выстрелов Пупенко упал раненый, но вскочил на ноги и крикнул: «Стрелять, так стреляйте, гады..., а то дайте мне винтовку, так я буду стрелять не так». Последовал выстрел в голову и Пупенко был убит.

Всего карателями казнено 7 человек и сожжено ими в Верх-Караканке 10 дворов.

Через некоторое время были пойманы начальник повстанческого отряда Силаев, его помощник Лебедев, Комаров и некоторые другие. Все они были посажены на разные сроки в тюрьму.

Из всех активно участвовавших в организации отряда и наступлении на Бердск только Н. Д. Бахтин и матрос И. В. Турьев не были схвачены белыми.

ДОКУМЕНТЫ
ПОВСТАНЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

[Faint, illegible text, likely bleed-through from the reverse side of the page]

1. Протоколы заседаний Зиминской подпольной большевистской организации¹

ПРОТОКОЛ 19 $\frac{25}{III}$ 19

1. Об избрании партийного коллектива; были намечены члены партии в председатели Ив. Ефремов, Г. Ивкин, М. Белов.	1. Прошел большинством голосов председателем Г. Ивкин, секретарем М. Белов.
2. Доклад членов со с'езда.	2. Принять доклад с'езда к сведению и постановление с'езда исполнять в точности.
3. О своей печати.	3. Решили сделать.
4. Доклад с мест. Секретарь Белов.	4. Принять к сведению.
Присутствовало 11 чел.

ПРОТОКОЛ 27/III

1. Был доклад представителей от Понюшевской организации	1. Было заслушано, принять к сведению.
2. О посылке члена для сведения в г. Бийск.	2. Решено делегировать Ефремова.
3. О средствах на повестки.	3. Решено взять у кого-нибудь из тов. 50 руб.
4. Об открытии записи членов и членских взносах, было внесено три предложения:
а) 1 руб., б) 1 руб. 50 коп., в) для бежавших новобранцев.	4. Решено с 30 марта производить запись членов большинством голосов решено вносить 1 р. 50 к. с новобранцев 50 коп.
5. Доклад с мест.	5. Принять к сведению.
Присутствовало 15 чел.

Председатель Г. ИВКИН
Секретарь БЕЛОВ

ПРОТОКОЛ № 32.

1) О поездке	1) Принять к сведению
2) О продолжении поездки	2) Реш. ехать жел. дор.
3) Доклад с мест	3) Принять к сведению
4) О поездке в с. Колпаково	4) Реш. с'ездить.

Председатель ИВКИН
Секретарь БЕЛОВ

¹ Все документы печатаются с сохранением орфографии и пунктуации подлинников.

² Дата этого заседания не указана в уцелевшем протоколе.

ПРОТОКОЛ

заседания подпольных работников восставшей местности 2-го августа 8 часов вечера с. ЗИМИНО, Барнаульского уезда.

На повестку дня ставятся следующие вопросы:

- 1) Организация власти.
- 2) Углубление и расширение революции.

Председателем собрания избран тов. Брусенцев Кондратий, Секретарем тов. Царев.

По первому вопросу постановили: Командование всеми революционными силами вручить, согласно ранее подпольного постановления т. Брусенцеву Кондратию Никифоровичу.

Военный отдел штаба: Архипов, Царев, Семенихин.

Следственную комиссию — Ивкин, Нагайцев.

Хозяйственную комиссию — Жогов и Нагайцев.

Казначеем — Васюков

В президиум — Архипов, Ивкин, Царев.

Штабу присвоить название: ГЛАВНЫЙ ШТАБ АЛТАЙСКОГО ОКРУГА.

По второму вопросу постановили: всеми мерами, действуя через подпольные организации, поднять крестьянство, быстро организовать его в отряды, соединить оружие в одно место и восстанавливать связь между действующими отрядами.

Подписали: Председатель собрания БРУСЕНЦЕВ.

Секретарь ЦАРЕВ

Члены президиума ЦАРЕВ, АРХИПОВ.

Члены штаба НАГАЙЦЕВ, ЖОГОВ, ВАСЮКОВ.

II. Организация советов на территории, занятой повстанцами

Занимая села и деревни, повстанцы повсюду распускали волостные и сельские земские управы и сурово расправлялись составленниками колчаковской власти на селе. Вместо земских управ повстанцы по собственной инициативе восстанавливали Советы. Надо было урегулировать вопрос о советизации завоеванной нами территории. Хотя время было боевое, тем не менее главный штаб решил созвать представителей сел и деревень на съезд для обсуждения ряда вопросов, в ту пору волновавших и интересовавших повстанцев. Этот съезд состоялся 13 августа 1919 г. Лично я, чрезвычайно занятый в тот день штабными вопросами — через каждые 5-10 минут прибывали представители с мест с информацией о ходе боевых действий, — присутствовать на съезде не мог. Съезд проводил Г. Ивкин. Я ограничился лишь тем, что послал в письменном виде приветствие, информацию о движении и оперативную сводку, которые Ивкин зачитал на съезде.

Что касается вопроса о религии, то он был поставлен на съезде лишь после предварительной проработки в главном штабе. Дело в том, что колчаковская печать неустанно трубила, что советская власть закрывает церкви, запрещает молиться, запре-

щает крестить детей и т. д. и т. п. Надо учесть культурный уровень тогдашнего сибирского крестьянства, чтобы понять, как волновали его подобные сообщения колчаковских газет. Решение, которое съезд принял по вопросу о религии, удовлетворило всех.

Это решение, во всяком случае, не удерживало повстанцев от расправы с попами, которых они считали врагами народа, которые известны были, как шпионы и заядлые колчаковцы и которые вообще уличались в каких-нибудь неблагоприятных и непристойных поступках.

Вскоре после съезда главный штаб разработал и разослал по районным штабам специальную краткую инструкцию по вопросу о том, как проводить и организовать советскую власть на местах. Эта инструкция крайне необходима была для того, чтобы избежать разнобоя и перегибов в организации Советов, а, главное, для того, чтобы организовать на селе такую власть, которая содействовала бы мобилизации бедняцко-средняцкого крестьянства для борьбы с колчаковщиной, которая неуклонно выполняла бы все задания главного штаба.

Бывший Начальник Главного Штаба Ф. АРХИПОВ.

ПРОТОКОЛ

Съезда делегатов Алтайской губернии 1919 года, августа 13 дня.

Мы, нижеподписавшиеся крестьяне-товарищи, съехавшиеся из 36 сел в количестве 40 человек, под председательством т. Ивкина и помощником председателя Сизова на повестку дня постановили:

Порядок дня:

1. Отчет Г. Штаба и чтение оперативной сводки.
1. Выслушав доклад Главного штаба и отчет его, приняли к сведению, а за оперативную сводку была выражена глубокая благодарность.
2. О выпуске декрета о власти на местах и роспуске земства и в каком количестве должны быть выбраны в волостях и селах Советы.
2. Решено выпустить декрет о власти так: распустить как волостные, так и сельские земства 13 августа, выбрать советы в сельских по 7 чел., волостных — 9 и уездных — 11 чел. и принять из земства трудовую интеллигенцию, которая идет в рядах трудового крестьянства.
3. О религии.
3. Завести при каждом совете метрические книги и кто хочет из товарищей совершать обряды по-граждански — крещение и проч., тот может записываться в совете в метрические книги со свидетелями, а кто хочет по-старому, тот может идти к священнику.

4. О финансах.	4. Объявить жителям сел о ходе керенских денег и по возможности воздерживаться принимать от спекулянтов сибирских бумажек.
5. О полевых работах.	5. Вменить в обязанность жителям сел об уборке хлеба товарищам, павшим в борьбе за свободу и борющихся на фронте, в первую очередь и представить это в распоряжение сельских советов Крестьянских и Рабочих Депутатов.
6. О продовольствии армии.	а) Принять на учет мельницы для помола муки как для армии, так и для мирных жителей, б) добровольные пожертвования товарищей крестьян на Красную армию.
7. О губернском знамени.	7. Решили сделать губернское знамя из красного полотна и вывести буквы из одних синих колосьев.
8. Помощь убитым и раненым.	8. Постановили организовать праздник Революции, произвести сбор в пользу убитых и раненых и полный сбор направить в распоряжении Военно-Революционного Штаба.
9. Об избрании Губернского Совета.	9. Вопрос об избрании Губернского Совета остается открытым до с'езда, назначенного на 22 сего августа. На с'езд должны явиться представители от всех советов: сельского по 1 человеку, волостного по 2 и уездного по 5.

Председатель ИВКИН

Секретарь

Всем волостным советам Раб. депутатов.

Поручается вам немедленно, по получении сего, переписать этот протокол и копии направить всем сельским советам.

ИВКИН

ИНСТРУКЦИЯ

командированным для мобилизации населения и проведения в жизнь советской власти на местах

- 1) Явившись в село, собрать сход, раз'яснить им происходящие события.
- 2) Объявить мобилизацию и, где она уже проведена, осмотреть обмундирование и вооружение.

3) Назначить взводных и отделенных командиров из наиболее верных и честных людей.

4) Мобилизованных отправить в село в распоряжение члена Главного Штаба.

Оставить в селе солдат — призыва 1921 и 1909 года для охраны села, назначив из них старшего. Обязать их следить за передвижением неприятельских войск и в случае их появления доносить в село члену Главного Штаба.

5) Предложить на собрании сельчанам выбрать сельский совет и по одному представителю в волостной совет в село.

III. Информационные бюллетени повстанческого главного штаба

ИЗВЕСТИЯ

Главного военно-революционного штаба Красной армии Алтайского округа,
с. Зимино.

2 августа

Горсть смелых в количестве 30 человек при 9 винтовках во главе с Брусенцевым, Чаузовым, Жоговым в 10 час. дня влетели в с. Зимино и подняли Красное Знамя. На их зов сочувствующее население откликнулось охотно и не более как через полчаса товарищи зиминцы летели на конях в с. Чистюньку в порядочном количестве, они летели мстить за недавнюю порку.

Дом милиции был быстро оцеплен стрельбой из револьверов и винтовок, милиционеры хотели отбиться, но возбужденная масса с криками «смерть злодеям» сожгла дом, в котором сидели кровопийцы, зажгла крышу саманной кузницы, в которой засел начальник милиции с 3-мя милиционерами и делопроизводителем.. и суд свершился..

Начальник живым сгорел за все мучения, которые он делал народу, делопроизводитель застрелился, милиционеры выскочили из кузницы и были убиты, 2 священника и дьякон, как колчаковские шпионы, были побиты повстанцами.

Во время восстания погибло двое храбрых. ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ ГЕРОЯМ, их не забудет народ. Сегодня же восстала Колпакова.

Вечером было собрание подпольных работников, на котором избран военно-революционный штаб округа.

3 августа

СВОДКА: Противник был замечен на ст. Топчиха, его цепь в 20 чел. подходила к с. Чистюньскому, зиминский отряд вместе с колпаковским и чистюньским отогнали противника, один взят в плен. В ночь противник наступать не решился.

Зимино, Колпаково и Чистюнька были заняты приготовлением казачьих копий. Зимино в этот день дало 150 штук.

Наше восстание перекинулось в селения: Ново-Колпаково, Безголосово, Панюшево, Мало-Панюшево, Хабозино, Красноярское, Усть-Алейское и Карасевское.

4 августа

СВОДКА: Ночь с 3 на 4 августа получено донесение от Усть-Алейского, что на них выступает отряд белых из села Легостаевского в числе 30 чел. под командой прапорщика Абрамова, была послана помощь, но она не подоспела. Усть-алейцы своими силами разбили отряд Абрамова расстреляли.

В эту ночь было задержано правительственных 76 лошадей. Конвоиров в числе 23 взяли в плен. Но к несчастью разгоряченные товарищи за темнотою, считая военно-пленных конвоиров чехами, зарубили трех мадьяр.

Днем 4 августа было предложено находящемуся под арестом Николаю Семеновичу Несмелову дать взаимнообразно на дело революции поддержку деньгами, которым и было дано 55 тысяч рублей.

Спрошены были жители, желают ли они защищать себя от белых и как набрать армию. Изъявили добровольно мобилизовать молодое сознательное и политически благонадежное крестьянство призывов 1907 и 1918 г. включительно. Штаб постановил известить восставшие села о мобилизации этих призывов. В этот же день было реквизировано стадо рогатого скота в числе 73 голов гражданина села Беловского, Селиванова, которое гнали из Алтая в гор. Барнаул.

В Чистюньку около 3-х часов дня ворвались 4 милиционера из пристани. Немедленно бросились несколько храбрых борцов, трех уничтожили, одного взяли в плен.

Ночь с 4 на 5 прошла спокойно.

5 августа

На рассвете получено донесение от Колпаковских, что между ст. Топчиха и 25 раз'ездом разведка установила: паровоз с одним вагоном и 25 чел. чехов. Колпаковцы сняли звено рельс, телеграфные провода, сожгли мост.

Сформированный утром отряд Алейских войск (Колпаковские, Новоколпаковские, Чистюньские, Безголосовские, Хабозинские) дали отпор противнику, который подобрался незаметно под Чистюньку. Его состав вполне не выяснен, на Чистюньку наступало не более 50 человек, а в момент наступления противника милиционер казак дал провокационный выстрел в Чистюньке, но этим противник не успел воспользоваться. Наши части окружили его в кольцо, но он прорвался и ушел к ст. Топчиха. Часть отряда противника засела в казарме на 7-й версте от ст. Топчиха к Алейской, которая окружена нашими войсками.

Противник вооружен винтовками и 2 автоматическими винтовками. За наступление у нас убито один и один раненый. На помощь к нам пришел Захаров.

Ст. Алейская взята без боя, Кашино взято. На линии захвачено 2 броневых вагона.

Выяснено, что район восстания распространился на следующие селения: Осколкова, Кашино, Калистратиха, Легостаево, Чирики, Романово, Брусенцева, Вяткино, Барчиха, Журавлиха, Старо-Калманка, Белово, Камышенка, Большая речка, Павловское, Черемново, Парфеново, Карым, Моховая, Дубровская, Урюпина, Лаврентьевка, Песьянова, Серебrenникова, Камень, Лебязье, Ново-Георгиевское, Локоть, Кабаново, Солоновка, Бахмотово, Рожнев Лог, Белово, Семеновка, Ворониха, Костин Луг. По частным сведениям и другие.

ИЗВЕСТИЯ

Главного Штаба Алтайского округа

с. Зимно

6 августа

СВОДКА: Ночь на 6 прошла спокойно, но днем получено сообщение, что 5 августа захвачен нашими войсками пароход в Усть-Чарышской пристани. В с. Бураново белые разбиты, население присоединилось к нам. Ст. Калманка нами оцеплена. Прибыла помощь из Большой Речки, 150 человек—крестьян. Прибыл товарищ Новаковский в числе 35 человек конных и 75 чел. пеших. Противник на ст. Топчиха был окружен, к вечеру завязался бой. Присоединились селения: Плотавя, Александровский выселок.

7 августа

СВОДКА: рано утром поступило донесение, что 6 августа днем у заимки Мокина вблизи Усть-Чарышской пристани высадились чехи, количество которых не установлено, и через Чарыш переплавляются казаки и направ-

ляются в Колов Мыс. Со стороны чехов начались обстрелы нашей цепи. Чехов, вступивших в перестрелку с нами, по сообщению было человек 100. Но замечен еще пароход, идущий из Бийска с войсками противника. Под напором чехов пристань была оставлена нашим отрядом, который отошел за селение, занял позицию и ждал подкрепления.

На помощь двинулись отряды: Брусенцевский, Романовский, Осколковский, Вяткинский, Беловский и селений, поднявших красное знамя по р. Чарышу. Соединенными силами этих селений пристань взята обратно.

Взято в плен 12 солдат вооруженных, один офицер, 25 винтовок, 300 патронов, 1 браунинг, часть патронов белыми сброшена с парохода в воду.

В тот же день в Журавлиху ворвались 9 чел. милиции, которые насильно собрав крестьян, двинулись с ними на Осколково. Но подоспела помощь из окрестных селений, часть милиционеров перебита, часть скрылась. Ст. Топчиха занята нами, чехи отступают по направлению к Барнаулу и нашим отрядом преследуются у с. Шилова.

Восстали и присоединились к нам следующие селения: по Чарышу Воробьево, Кабаново, Косообоково, Пономарево, Бураново, Самодуркина, Чупина и Самсонова.

Журавлиха: в бою под Журавлихой противник разбит, взято 40 винтовок, 1 пулемет и воз патронов с лентами.

8 августа

Ночь на 8 прошла спокойно, сведений с фронтов не поступало. При главном штабе сформированный отряд, вооруженный пиками.

9 августа

СВОДКА: В 12 час. дня было получено донесение безголосовского штаба, отряд белых занял ст. Алейскую и с. Панюшево. Численность его не выяснена, во время перестрелки имеется несколько раненых. Тотчас же было сделано распоряжение всем отрядам и штабам по подаче подкреплений. Утром получены донесения, что отряд со ст. Алейской занял Ново-Колпаково. Из села Зиминского был выслан отряд в с. Чистюньку, где были сосредоточены вооруженные копыями отряды. Наши отряды вступили в бой с подошедшим противником, но под напором превосходно вооруженных сил бомбами, пулеметами и автоматическими винтовками неприятеля отступили за Чистюньку, а малодушные разбежались. Неприятель сжег 6 домов в Чистюньке и быстро направился через Калманку в Барнаул. После ухода неприятеля прибыл отряд из Осколково в числе 31 человека с пулеметами и Легостаевский отряд, которые и стали преследовать противника.

10 августа

СВОДКА: На рассвете получено донесение, что Пристань занята белыми. Главные силы отряда разбиты, а остальные отступили к с. Барчиха, Брусенцева и Романова, сделано распоряжение о подтягивании сил к Пристань.

С фронта Шилова—Калманка сведений не поступало.

Революционное движение на Семипалатинск идет успешно: занята ст. Рубцовка.

К нам присоединились селения: Березовка, Карпово и др., лежащие от них на юг.

ИЗВЕСТИЯ

Главного штаба Алтайского округа, с. Зимино

11 августа

Ночь на 11 прошла спокойно. Днем получено донесение, что нашими отрядами в ночь на 10 августа взято с. Рассказиха, которое занимали белые, захвачено 8 шт. винтовок, 4 револьвера, 4 шашки, 2 гранаты, 500 патронов, 20 ф. порошу, 1 бинокль и канцелярия белых со всеми принадлежностями.

Нами взят в плен 1 капитан. На Оби захвачена моторная лодка. На пристанском фронте все благополучно.

Елбанский отряд уничтожил разведку казаков в 7 человек, кроме того взято в плен 30 казаков со всем вооружением.

К нам присоединились Коробейниково, Озерное, Паутово, Ключи и др. села на восток.

Военные отделы главного штаба постановили: всю революционную местность разделить на следующие районы, где произвести концентрацию войск: 1-й район — центр Калманка, 2-й район — Пристань, 3-й район — ст. Алейская, 4-й район — Чистюнька, 5-й район, Приобский, — в дер. Большой речке, 6-й район — Березовка (в горах) за Чарышем, 7-й район — Боровское.

К 1-му району относятся села: Бельмесово, Шадрино, Бураново, Калистратиха, Калманка, Шилово, Усть-Алейское, Красноярское, Карасево, Фунтиково, Лаврентьевка, Ново-Георгиевское, пос. Ивановский, Черемхово, Стуково, Сараево.

2-й район — Пристань, Вяткино, Легостаево, Белово, Раскат, Колово, Елбанка, Красноярское, Усть-Калманка, Усть-Журавлиха, Чупина, Порозиха, Усть-Порозиха, Воробьево, Самсоново, Усть-Чарышское, Чесноковска, Солдатово, Усть-Каменный Исток, Коробейниково, Озерное, Паутово.

3-й район — Панюшево, Малое Панюшево, Кашино, Урюпина, Кабаново, Нечунаево, Шипуново, Платава, Безголосово, Моховая, Карым, Парфеново, пос. Дубровский, Осколково.

4-й район: Чистюнька, Колпакова, Ново-Колпакова, Хабазино, Зимино, Романово, Брусенцево.

5-й район: Бобровка, Рассказиха, Чирики, Большая Речка, Клепиково, Шипуново, Чеканиха.

6-й район — Березовка, Карпово, Пономарево, Верзилово, Маралиха, Краснощеково, Харлово.

7-й район — Боровское, Серебренниково, Урлапово, Зеркалово, Коробейниково, Ворониха, Костин Лог, Крестьянское, Черная Курья, Гуселетово, Бутырки.

Командиром Северного фронта в первом районе назначается тов. Козьма Чекменев.

Командиром 2-го, Приобского района, назначается т. Розинкин Митрофан.

Командиром 3-го района, южного, назначен т. Давыдов.

Командиром в 4-м районе назначается т. Семенихин.

Командиром 5-го района, Северного Приобского, назначается т. Котов.

Командиром 6-го района назначается т. Медведев.

Командиром 7-го назначается т. Захаров.

Штаб, находящийся в с. Боровском, именовать 2-м отделением Главного штаба.

Сделано распоряжение по районным штабам о том, чтобы была произведена мобилизация с 1917 по 1918 год включительно, чтобы все мобилизованные были вооружены пиками и подтянуты к штабам.

ИЗВЕСТИЯ ГЛАВНОГО ШТАБА

СВОДКА: Ночь на 12 августа прошла спокойно. По линии жел. дороги на ст. Шипуново сожжены мосты. Движение поездов идет медленное, в этом районе идут бои, положение неизвестно. Получено известие, что казачий поселок Слюденка сдался без боя, взято оружие, количество неизвестно, к нам присоединяются казаки ст. Маралиха, Николаевка, Маральи-Рожки.

Усть-Чарышская пристань нашими войсками с боем взята обратно в 7 час. вечера 11 августа.

т.т. Фунтиковские сделали пушку, пробная стрельба из которой дала хорошие результаты.

ИЗВЕСТИЯ

Главного штаба на 13 августа 1919 г.

СВОДКА: Северный фронт. Из Барнаула противник предпринимает наступление, одновременно отряды идут двумя направлениями по линии жел. дороги, где стараются ее восстановить и по тракту на с. Колманку, его разведка посещает с.с. Колманку, Калистратику и Буранову и спрашивают народ успокоиться.

Реакционный элемент среди населения поддается уговорам, на беднейшее крестьянство уговоры не действуют.

Шиловское направление. Противник, чувствуя перед собой слабый фронт, начинает проявлять активное действие. В четыре часа дня из села Зимино первая добровольческая рота в сорок человек, вооруженная винтовками и револьверами, отправлена на фронт к Шилову.

Восточный фронт. В районе Усть-Чарыша и по всему берегу Оби спокойно. Казаки станицы Николаевской сдали 56 винтовок, четыре шашки, небольшое количество патронов, ожидается сдача винтовок и в станице Антоньевской. Есть известие, что село Паутово занято белыми.

ИЗВЕСТИЯ

Главного штаба Алтайского округа 14 августа
с. Зимино.

СВОДКА: Ночь на 14 августа прошла спокойно, известия о занятии Паутовой белыми неверны. Наши части с успехом продвигаются на Бийск. Станица Антоньевская сдала сто пятнадцать винтовок и несколько шашек. Кроме того присоединились к нам Соловьяха, Ново-Курское и Петропавловское, казаки станицы Николаевской сдали несколько винтовок.

В юго-восточном направлении настроение народа хорошее. Противник сделал высадку у Чеканихи и повел наступление со стороны Ново-Обинского, но отряды Коловские и Елбанские наступление отбили, движутся вперед.

Северный фронт. Противник движется на Бураново, на северный фронт посланы Легостаевский, Вяткинский и часть Зиминского отряда. Кулацкий элемент в Калманке заставляет волноваться фунтиковцев и шиловцев.

Южный фронт. На Карповском направлении без перемен.

По сообщению подгорного штаба опасность со стороны казаков не предвидится. В станицах отобрано много оружия. Станица Рожки сдалась, взято много бомб. Крутишка и Шипунова в наших руках.

Начальник Главного штаба АРХИПОВ.

ИЗВЕСТИЯ

Главного штаба Алтайского округа 15 августа,
с. Зимино

Северный фронт. Есть известия, что противник с фронта Шилова—Калманка отправился на 90 подводах в Барнаул.

Под Калистратихой противник засел в окопы в количестве 100 чел.

Разведка установила, что больше невоенных в штатской одежде, бородачи, очевидно, городская буржуазия. Наша разведка вступала не раз в перестрелку.

Разъезд казаков не более 50 человек был в с.с. Стуково, Сараево, Черемное и скрылся.

Восточный фронт и юго-западный — сведений не поступало.

Юго-восточный фронт — противник наступает на Ключи.

Южный фронт. Известий не получено. Командующий пристанским

районом сообщает, что из самодельных орудий производилась опытная стрельба и оказалась удовлетворительной.

Начальник штаба Алтайского округа АРХИПОВ.

ИЗВЕСТИЯ

Главного штаба Алтайского округа 16 августа, с. Зимино.

Северный и южный фронт — сведений не поступало.

Юго-восточный фронт: в ночь на 16 августа произошел бой между нашими и белыми, которые наступали силами около 250 чел. с 2-мя пулеметами у с. Коробейниково. Белых подпустили на расстояние около 50 шагов, а затем встретили сильным огнем.

В их рядах получилась паника. С их стороны много убитых.

ИЗВЕСТИЯ

Главного штаба Алтайского округа 17 августа, с. Зимино.

На южно-восточном фронте: Вновь пошло наступление белых.

На остальных фронтах без перемен. Чистюньский отряд возвратился на отдых.

Юго-восточный фронт: на Ключевской степи 15 чел. вооруженных пиками переколотили 12 чехов без потерь со своей стороны.

Чехи бегут. Пулеметы их вероятно не действуют. 100 казаков в ст. Антоньевской арестованы и препровождаются в Пристань. Нам идет помощь из с. Сибирячихи.

ИЗВЕСТИЯ

Главного штаба Алтайского округа 18 августа, с. Зимино.

В виду того, что со ст. Алейской было сообщено о движении тысячного отряда, Главный штаб перенес свою резиденцию в с. Троицкое (Барчиха). Сведения оказались неправильными, противник остается в числе 100 подвод, нагруженных, и 40 чел. конвоиров. Меры приняты.

Северный фронт — сведений не поступало.

Южный фронт — станица Чарышская, Маральевская, Сосновская ведут мирные переговоры о сдаче добровольно оружия.

Юго-западный фронт — противник движется по линии ж. д. на Барнаул со ст. Алейской, 2-м отрядом с Платавы на пос. Александровка, Шабалы. Приняты меры к задержке белых.

Нач. Главного штаба АРХИПОВ.

ИЗВЕСТИЯ

Главного военно-революционного штаба Алтайского округа 19 августа с. Зимино

§ 1.

Северный фронт: Утром 19 августа было получено известие, что на северном фронте Калманка спокойно. Противник пассивен.

Юго-восточный фронт: на фронте Коробейниково и Ключи противник ведет наступление.

Южный фронт — противник занял Безголосово, наша разведка вытеснила его за село, им занято Панюшево, вечером 19 нами было предпринято наступление, но противник обстрелял из 3-дюймового орудия, наступление не удалось, потеря мало.

§ 2.

19 утром Главный штаб переведен из села Троицкого в Зимино.

§ 3.

Прибыл товарищ Захаров, командующий 2-м Боровским главным штабом, на военное совещание с товарищем Поповым, которое имело быть в

селе Брусенцевом. Общим согласием было постановлено на революционной полосе Сибири иметь три главных штаба. Первый начался с северного фронта, по южный включительно, по линии железной дороги и на восточном, кончая заобским районом.

§ 4.

Второй, главный Боровской штаб, остается в Боровском. Комиссаром военных сил — товарищ Захаров. Третий главный штаб назначается в селе Павловском. Район желательнее расширить на северо-запад, на город Камень. Штаб, находящийся в с. Зимино, именовать центральным.

§ 5.

Главное командование вооруженными силами передается т. Брусенцеву.

§ 6.

Прочие вопросы в виду важности содержания оглашению не подлежат

Начальник Главного Штаба АРХИПОВ.

ИЗВЕСТИЯ

Главного штаба революционных войск Алтайского округа
за 20 августа 1919 года.

ОПЕРАТИВНАЯ СВОДКА.

Северный фронт. Кроме разведки со стороны противника за целый день движений не было. Калманка вновь подняла Красное знамя и присоединилась.

Панюшевское направление. Наши разведчики под командой т. Филимонова под давлением разведки белых оставили село Панюшево. После вчерашней артиллерийской стрельбы наши солдаты разбились по хуторам, сознательная часть крестьянства выражает недовольства и шлет упреки товарищам.

ОПЕРАТИВНАЯ СВОДКА ЗА НОЧЬ НА 18 АВГУСТА 2-го ГЛАВНОГО БОРОВСКОГО ШТАБА. В Шарчино организован отряд в числе 240 чел. под командой товарища Горбачева и отправлен по направлению Шалаболиха.

Бутырское направление: Мобилизация прошла спокойно. Мобилизовано 202 чел., реквизировано оружие: 57 орудий дробовых, из них годных 20, остальные требуют ремонта, 8 шт. трехлинейных винтовок, 20 шт. четырехлинейных, 9 шт. наганов и 14 шт. шашек. Организован партизанский отряд в числе 46 чел., отряд отправлен по направлению к Селиверстовской под командой Каширова.

В Гуселетовой к отряду присоединилось 18 чел.

Павловском направлении: Получено сообщение, что появился отряд белых в числе до 300 человек по направлению Лебяжья, куда посылаются отряды Чайникова и Дорошенко.

Получено официальное известие, что станция Черепаново, Алтайской железной дороги, по направлению к Ново-Николаевскому взята нами, захватили много военного оружия. Приступлено к мобилизации. Шелаболиха занята белой бандой, туда направлен отряд т. Горбачева.

В виду частых, ничем неоправдываемых, паник вменяется членам советов и штабов входить с объяснением к главному штабу и с разрешения последнего перемещать свою канцелярию.

Члены советов и штабов, оставившие самовольно свои места, будут переданы военно-полевому суду.

Штаб 1-й главных революционных войск Алтайского округа.

Члены штаба АРХИПОВ, ИВКИН

ИЗВЕСТИЯ

главного военно-революционного штаба Алтайского округа

21 августа 1919 года

Панюшевское направление: Стянутые наши войска ведут наступление на противника, о результатах еще не донесено.

С остальных фронтов сведений еще не поступало.

Главный штаб постановил: мобилизовать товарищей по 1908 г. включительно, а остальное население распустить на полевые работы впредь до особого распоряжения.

Все, временно проживающие в селениях советской территории, должны зарегистрироваться в местных сельских и волостных советах. В свою очередь сельские и волостные советы должны давать удостоверения о личностях, временно проживающих в их селениях. Ильинский волостной совет постановил: избрать главнокомандующим северным фронтом тов. Чаузова. Товарищ Чаузов принял командование северным фронтом.

Получено донесение Кособоковского военно-революционного штаба, что 17 августа ст. Чарышская занята нашими военными частями.

Казачи сдали добровольно 4 воза винтовок и 3 пулемета.

Член главного штаба ЦАРЕВ.

ИЗВЕСТИЯ

Главного штаба Алтайского округа, с. Зимино

22 августа. В виду того, что противником заняты ст. Алейская и Калманка под командованием начальника штаба было отправлено 20 человек для существенных повреждений линии железной дороги, которыми и были сброшены в воду на Крутихе два больших пролета железного моста.

Этот же отряд отправился к мосту под Калманку, но два эскадрона белых, неожиданно занявшие Фунтики, нарушили этот план, Фунтики горят. В этот же день два эскадрона голубых улан заняли Чистюньку, пробовали делать наступление на Зимино, но были отбиты.

23 августа. Противник провел наступление на Зимино, он ворвался в село, но был отбит. Вторичная атака его удалась. Главному штабу едва удалось спастись. Зиминский отряд, вооруженный 40 винтовками с боем отступал. Много жителей бежало вместе с отрядом. Красное Зимино горело и лишилось 110 домов. Вечером 23 штаб был в Брусенцево.

24 августа. Противник повел наступление одновременно на всех фронтах, было занято Легостаево, Белово, Смольево и села эти уничтожал огонь. С юга он наступал на Колово и Елбанское, где шли упорные бои. Со стороны Алейское, где противника было 1000 человек, он также предпринимал движение, чтобы отрезать отступление. Главным штабом было решено все войска перебросить за Обь в бор. Распоряжение по войскам было сделано, была подготовлена переправа на лодках и пароходе, но противник разединил наши отряды, почему один из них, северный, остался отрезанный, а другие вечером отступили по направлению Осколково.

Крестьяне высыпали на улицы сел, с плачем провожали своих детей и ждали появления белых, которые были не так далеко...

Отряды остановились перед Осколковым. Огромное зарево во многих местах показывало, как хозяйничали белые после нас.

Штаб постановил передвинуть войска к Барнаульскому бору, соединиться с войсками 7 района и действовать вместе.

25 августа. В 12 час. дня под Кашином через линию железной дороги были переведены наши отряды. На расстоянии пяти верст горело 4 деревянных моста, телеграфные столбы валились, рельсы разбирались и гнулись. С юга и севера противник подходил на паровозах, ему навстречу развернулись цепи стрелков, но он ушел без обстрела.

Ночевали табором между Боровским и линии железной дороги. В 12 часов дня были в Боровском. Штабу было сообщено, что разведка белых заняла Серебренникову. Боясь быть окруженными, штаб постановил войска вывести в поле, расположить табором, принять соответствующее охранение. Нач. штаба Архипов, Брусенцев и Розинкин отправились в Коробейниково к командиру отрядов 7 района тов. Захарову, где после подсчета своих сил был намечен план дальнейших действий и восстановлена связь с тов. Мамонтовым.

Утром 26 было донесено в Коробейниково, что разведка белых при занятии Боровского имела столкновение с нашими. Нами отбито пять возов обмундирования и автоматическая винтовка. Взято семь человек в плен.

27 августа. Противник подтянул все свои силы (его оказалось 1100 человек, 13 пулеметов, несколько автоматов и два орудия). Подтянули и мы, нас оказалось 280 винтовок, один пулемет и пики. В первом сражении у Урлапова мы оставили 3 самодельных пушки, несколько товарищей и отступили.

Нами выбрана была позиция: поскотина под селом Зеркалье. Противник продолжал наступать, вскоре его обозы потянулись огромными вереницами и пошли колонны. Цепи вступили в перестрелку и вскоре сильный огонь пулеметов и винтовок бил по фронту и изредка орудийная стрельба. У нас было недостаточное количество патронов, на левом фланге противнику удалось сделать прорыв. Он стал заходить в тыл. Наши отступили после продолжительной перестрелки. Но отступая наносили большой урон противнику, который двигался колоннами и цепью. В этом бою погибло около 40 человек и оставлено порядочно винтовок. Противник понес большие потери и нас преследовать не решился. На другой день он ушел к линии железной дороги.

В ночь было отступление. Утром 28 войска и штаб были в Мельниково. 28 августа. В Мельниково прибыл тов. Мамонтов, которому было предложено соединить отряды и действовать вместе под общим командованием. 28 августа отряды отправились в село Мельниково.

29 августа. В Мельниково прибыл тов. Мамонтов, которому было предложено объединить войска под общее командование и действовать вместе. Тов. Мамонтов изъявил согласие.

На общем собрании комсостава были избраны члены в Главный штаб, которые и должны выехать в Солонку, где намечена резиденция штаба.

1 сентября соединение штабов, начальником которого был избран тов. Архипов.

ИЗВЕСТИЯ

Главного Штаба Алтайского Округа за 3 сентября 1919 г.

ПРИКАЗ № 1-й¹

Главный Штаб своим составом вступил в исполнение своих обязанностей, при чем первой и последней обязанностью своею считает победить капитал и чины и дать право и волю трудовому народу.

§ 2.

Главным Штабом объявляется военная диктатура, без которой не может быть спасения революции и без которой не может быть привита к мало-сознательной массе дисциплина и порядок. Во имя будущих благ социализма Главный Штаб объявляет, что с нарушающими порядок товарищами будут приняты самые строгие меры как изменниками.

Товарищи армейцы пусть знают, что неисполнение требований командного состава рассматривается как измена социализму.

Возвращение без винтовки из боя есть измена социализму, оставление самовольно поста есть измена социализму.

За измену смертная казнь по суду.

§ 3.

Без разрешения Командующего войсками Главный Штаб считает недопустимым никаких агитаций в армии.

¹ См. ниже помещенную заметку «Приказ № 1», в которой Ф. Архипов рассказывает, при каких обстоятельствах и по каким соображениям этот приказ был издан.

Оперативная сводка.

По непроверенным слухам красными войсками взят г. Барнаул, на ст. Алейскую прибыли советские войска на блиндированном поезде.

Отдел штаба № 1-й за истекшие сутки военных сообщений не поступало, по не проверенным слухам село Коробейниково занято белыми.

Отдел штаба № 2-й. Сведений не поступало. В направлении на Волчиху из Трубино противник делает наступление, меры своевременно приняты, в районе Бутырки белые разбиты у Косихи, остатки их 70-80 человек панически бегут в Ребриху, Титово белыми покинуто. Белые, отступая, захватывали у жителей теплые вещи.

Каменский и Славгородский районы: сведений не поступало.

Хозяйственная часть.

§ 1.

На содержание армии в отдел Штаба № 1-й отпущено 30000 руб.

§ 2.

Начальнику хозяйственной части и заведывающему отделом снабжения заботиться о том, чтобы у раненых и больных в достаточном количестве были пищевые продукты, а также одежда и обувь. Раненым для улучшения пищи выдавать по одному фунту меду на каждого человека.

§ 3.

Восемь тысяч сто рублей (8100 руб.) записать в расход по денежным книгам Штаба и выдать Начальнику хозяйственной части тов. Топкину для уплаты за реквизируемый овес гражданам села Селиверстовского.

По поводу приказа № 1.

Издание приказа № 1 произошло при следующих обстоятельствах.

29 августа состоялся у лоскотины с. Зеркальской бой повстанческих отрядов с 3-м особым егерским батальоном. После этого боя, хотя он окончился, как говорится, вничью, повстанцы должны были отступить.

В пути, в одной из избушек штаб провел совещание членов главного штаба.

Перед штабом встал вопрос, что предпринять, когда мы вступим в полосу действий Мамонтова, в районе которого восстание масс не проходило, но где оперировал лишь небольшой мамонтовский отряд. Будем ли вовлекать крестьянство в движение путем вынесения приговоров на общих сходах и собраниях, или раз'ясним населению, кто мы и за что боремся, а затем проведем мобилизацию призывных возрастов, обявим диктатуру главного штаба, подчиним себе район и советизируем его.

Решили установить военную диктатуру и советизировать район.

Но как это осуществить? Кто должен будет сыграть роль проводного ремня к массам?

Отановились на Мамонтове, крестьянине-средняке, уже успевшем нашуметь со своим маленьким отрядиком в Славгородском уезде.

На этом же совещании договорились влить отряд Мамонтова к себе в армию, выбрав самого Мамонтова командующим армией. За ним послали верхового.

На другой день после совещания я, в ожидании приезда Мамонтова, набросал проект приказа № 1.

Мамонтов привел весь свой отряд. Он состоял лишь из 67 бойцов. Большинство из них были, правда, вооружены 3-линейными винтовками.

Мы провели мимо Мамонтова и его отряда две тысячи наших бойцов с громаднейшим обозом, после чего расположились на лугу за селом.

Наступила ночь и кругом замелькали яркие огни костров. У одного из костров проводилось заседание партийцев, членов главного штаба и командного состава. Оформляем избрание членов главного штаба. Называем фамилии: Архипов, Ивкин, Розинкин, Кольцов, Конкорин, Покидов, Семенихин, Брусенцев и др. Повстанческое руководство полностью вошло во вновь оформленный главный штаб.

Я знакомлю Мамонтова с мобилизационными планами и укомплектованием полков.

Мамонтов — молодой парень. У него резко приподнятое настроение, он заметно нервничает. Он никогда не предполагал быть командующим армией.

2 сентября мы уже в Солоновке, куда приехал готовый сконструированный аппарат главного штаба со всеми его отделами и техническими работниками.

В Солоновке же по рекомендации Мамонтова мы ввели в штаб члена Солоновского штаба, И. Ф. Чеканова, которого на заседании штаба назначили моим заместителем. Бывшего начальника отряда Мамонтова, Сентерева назначили в реквизиционную комиссию, но вскоре его пришлось арестовать, как мародера и хулигана. Михаила Константинова назначили казначеем штаба, его брата Егора — комендантом с. Солоновки.

Благодаря такой реорганизации главштаба, командные и политические должности оказались в руках партийцев зиминской группы и партизан, доказавших преданность Советской власти.

Бывший начальник главн. штаба Ф. АРХИПОВ.

IV. Отношение казачества к повстанческому движению

Документы о заложниках — казаках Слюдянской станицы характеризуют то отношение, которое установилось между крестьянами и казаками повстанческого района. Дело в том, что после 2 августа восстание из Зимино перекинулось на восток, в Алтайские горы, захватывая крестьянские села и деревни вдоль полосы, так называемой, «бийской казачьей линии» по реке Чарышу. Зажиточные казаки испугались. Они поняли и сознавали, что ненависть крестьянской массы прежде всего обрушится против

них, казаков — верных слуг бывшего царизма, а теперь — колчаковщины. Казаки боялись мести, расправы.

Лишь казачья беднота смело и уверенно смотрела на развертывающееся повстанческое движение. Эта беднота вскоре нашла общий язык с повстанцами и примкнула к движению.

Слюдянские казаки сдали оружие повстанцам в селе Огни. Антониевские же и казаки других станиц бежали с оружием в горы. Они решили воевать с повстанцами, но в то же время боялись открыть военные действия, беспокоясь за свои семьи, которые остались в станице.

По распоряжению главного штаба повстанцы взяли из казачьих станиц заложников, которые сперва были довезены до села Осколков, а оттуда их отправили в село Зимино, в главный штаб. Вскоре в штаб под конвоем повстанцев прибыла делегация от казаков с протоколом от 18 августа. В состав делегации входили представители станиц Слюдянской, Антониевской, Тулаты и др. Делегаты просили освободить заложников.

Я принимал делегацию в Зимино. Она состояла из стариков, которые держались чутко, настороженно, но с напускным спокойствием. Один делегат сказал, что казаки тоже находились под гнетом царизма, что они много детей своих послали на империалистическую войну бороться за чужие интересы, что, наконец, казачество «интересу не имеет сражаться против советской власти и что они хотят вновь быть советскими гражданами, как мужики одинаково».

Другой старик казак задал вопрос: будут ли их рассказывать?

Я ответил, что наша власть называется «Совет рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов», поэтому трудовое казачество наравне с крестьянами и рабочими будет участвовать в управлении страной.

В это время ко мне подошел с рапортом командир 4-го района, тов. Семенихин. Я встал, казаки тоже встали, вытянулись. Семенихин доложил о действиях отрядов района, затем передал сводку о состоянии на фронтах.

Удивленные казаки слушали с открытыми ртами. Один спросил: «А есть ли у вас руководители и командиры и офицеры?»

Я ответил: «Есть. Я, например, бывший прапорщик».

Вопрос о заложниках разрешился быстро: их освободили. Они резко всколыхнули общественное мнение казачьей бедноты в нашу пользу. Казачья беднота начала вступать в повстанческие ряды. Эта беднота окончательно порвала с казачеством и под командой казаков Пичугина и Назарова приняла активное участие в повстанческом движении. Вместе с остальными повстанцами казачий отряд Пичугина отступил в горы и влился впоследствии в армию И. Я. Третьяка, а отряд Назарова отступил на соединение к главному штабу в с. Зимино. Этот отряд послужил ядром впоследствии организованного 7-го полка «Красных орлов», который под командой Колядо одержал над колчаковцами ряд героических

побед. В боях с колчаковцами этот казачий отряд понес значительные потери.

Что же касается зажиточного казачества, то оно, конечно, изменило своему обещанию, своим заверениям. Как только повстанцы, теснимые со всех сторон белыми, ушли в 7-ой район, в село Боровское, зажиточное казачество объединилось с колчаковскими войсками и бросились громить повстанцев и расхищать их имущество. Так, например, в селе Михайловском от их рук погибло более 500 повстанцев, в селе Огни — около 400. За свои зверства и издевательства над семьями повстанцев и за грабеж их имущества казаки-колчаковцы впоследствии жестоко поплатились.

Бывший начальник главного штаба Ф. АРХИПОВ.

К пия.

Жители станицы Слюдянка сдались добровольно первыми и высланы в тыл для полной безопасности, а поэтому отпустить или не отпустить их на место жительства зависит от вас

Комиссар **КИСЛЯКОВ.**

18 августа 1919 года с. Огни.

Секретарь МАЛИНИН.

Главный военно-революционный штаб Алтайского округа.

При сем препровождаю на ваше распоряжение казака станицы Слюдянской, Николая Яковлевича Коробина, с ходатайством об отпуске казаков, как присоединившихся добровольно. Таковые казаки в числе 36 человек находятся у нас под стражей, а поэтому и просим указания, как поступить с ними. По рассмотрению сего, причем вместе с ним, сообщить нам свое распоряжение, которое нами приведет в исполнение. Просьба дать распоряжение сейчас же, так как держать такую массу и кормить на общественный счет нет смысла.

19 августа 1919 г. с. Осколковское.

Начальник штаба

Комиссар штаба

С подлинным верно:

Член главного штаба.

Копия.

Постановление.

1919 года, августа 18 дня мы, нижеподписавшиеся граждане Слюдянского населения, Бийского уезда, Алтайской губернии, быв сего числа на сборе в присутствии председателя гражданина Алексея Ник. Казанцева постановили: войти с ходатайством перед Главным военно-революционным штабом о возврате нам приведенных в распоряжение Главного революционного штаба граждан нашего селения, как мы состоим казаками были вооружены временным правительством как защитниками своей территории, в душе же своей считали положение это неправильным, но под угрозой оружия временного правительства исполняли свои обязанности. А как лишь узнали правильность дела народного восстания мы примыкаем к народу и будем нести на честных правилах с народом. Сложив оружие без пролития братской крови, тотчас же избрали своим населением делегатов, через которых обратились в Огневский военно-революционный штаб, куда и сдали свое оружие. Мы как состоим отменными от прочих ста-

ниц, которые в то же время сопротивляются народу, то за таковых не отвечает и просим возратить к нам нашего селения граждан к месту нашего жительства для успокоения вопиющих отцов, матерей, жен и детей. Михаил Колов, по безграмотности граждан Никифора Качанцева, Ивана Варгунина, Степана Давыдова, Ивана Щетилина расписался Андрей Качанцев. Василий Кусаков, Алексей Терехин, по безграмотству...¹ Ивана Щетилина, Алексея Торгушина, Михаила Анина и за себя расписался Алексей... по безграмотству граждан Федора Каихина, Петра Шкунова и за себя расписался Егор, по безграмотности и личной просьбе граждан Кария Опарина, Арина Касце... Авдотья Кр... Аксинья Губрова, Анна Казанцева, Александра Косихина, Наталья Фомшова, Анна Колог... Алексей Корсунин и за себя гражданин Карболин Михаил расписался Никита К... безграмотности расписался Тимофей Калачев, Никифор Калачев, Михаил Анин и за себя расписался... Комчев, Федосия Казанцева, Александра Косихина, Прасковья Кускова, Пелагея... Татьяна Петровна, Мария Кускова, Анастасия Казанцева и Дарья Коргужина, Арина Смородникова, Анфиса Фомичева и за себя расписался Федор Калачев, Павел... по неграмотности Михаила Петрова, Екатерины Калачевой, Лидии Калачевой, Матрены и за себя расписался Калачев, Татьяна Калачева по безграмотности Елены Трожковой, Матрены... вриной, Наталии Осиповой, Татьяны Хохрековой, Варвары Хохрековой, Марии Казанцевой... кольниковой, Екатерины Казанцевой, Марии Кусковой, Александры Кусоковой расписался Николай... олков.

Настоящее постановление постановлено и подписано не подложно о чем и свидетельствую.

Председатель комитета КАЗАНЦЕВ.
Товарищи КАЛАЧЕВ, КАЗАНЦЕВ.
Секретарь ПЕТРОВ.

V. Документы районных штабов:

Воззвание от Павловского военно-революционного отряда,
Да здравствует все объединенные крестьянские и рабочие партии, да здравствует товарищество и равенство и братство.

Да здравствует всенародное восстание.

Да здравствует товарищеское восстание, долой кровопийцев и кровавую сибирскую и российскую буржуазию.

Режь, бей, коли, иди смело вперед. Товарищи мобилизованные, прошу вас записываться в добровольческую армию штурмовой отряд.

Идите для блага народа смело в ногу. Вперед, вперед.

Комиссар Т. ПАНФИЛОВ.

М. В. Д.
Мышланского
Воени. К-ра
Болтовск. волости.
Колыванского уез.
18 августа 1919 г.

№
Ст. Бийска
Барнаул Том. губ.

Болтовскому военному командиру и Сузунскому.

Во всех селах, которые восстали на наших врагов кровопийцев чехов, выслали товарищей солдат на защиту своей родины, занятой чехами, которые нас толкали в глубь тьмы и работали на нас, как на рабах². От это-

¹ Многогочием отмечаем неразборчивые в рукописи слова.

² Автор воззвания, очевидно, хотел сказать: «поработили нас, как рабов».

го-то тяжкого ига наша Сибирь хочет избавиться, но нет не все видно желают, быть освобожденными от ига чехов, — как-то: с. с. Бобровское и Сузунское взяли своих товарищей солдат с фронта и не стали защищать свою родную страну Сибирь от чехов. Села Бобровское и Сузунское первые восстали на чехов и первыми стали изменниками к нашей родной Сибири; они послушались какой-то пущенной шпионом паники и трусили. Не стыдно ли нам этого делать? Помните, села, если вы не образумитесь и не дадите защиты, т. е. товарищей солдат, то нам придется употребить в силу оружие, т. е. будут высланы отряды: Мышланский, Ершовский, Самодурский и Шайдуровский и вас принудят силой выехать на защиту. Но до этого допускать, товарищи, стыдно, а нужно самим вперед, тогда только Сибирь будет свободной от ига чехов.

Товарищи, бобровцы и сузунцы, не будьте, как чинигисы¹, не будьте врагами нашими.

Ну, с богом, товарищи, вперед.

Командир с. Мышланского (Подпись не разборчива).

. Военному Комиссару².

Битковский штаб полка просит вас не вводить свой народ в какую бы то ни было панику, внушить им, что завоевывается чисто народное право и все как один должны восстать за это и народное право. Нельзя, товарищи, верить каким бы то ни было голословным слухам и придавать им значения, а предаться общему народному делу. Разве вы позабыли, разве вам не надоели чехо-словацкие плетки, разве вы не видели тех сирот, которых отцы и кормильцы расстреляны так недавно чехами, разве не приходилось вам видеть женщин плачущих по своим мужьям, которые на их глазах расстреливались и закапывались в землю, как скот? И все это, товарищи, тяжело даже вспомнить, а не только вновь допустить такую похабность и насилие над свободой. Товарищи, настал конец варварам, которые со своим оружием должны покориться против народного восстания, которое завоевывается правдой, а не насилием и оружием в руках.

Товарищи! Сами хорошо знаете, что никакая власть не может быть без народа, но народ не желает никакой власти из-под плетки и насилия, народ желает сам себе и по своему убеждению устроить образ правления, которое уже и будет чисто народное правление без плеток и оружия, за что и восстал народ в настоящее время, как один человек. Кто против этого народного восстания, тот враг народу. Поэтому и вам, товарищи, предлагается стойко стоять и защищать это благое народное дело и в работе поэтому не покладая рук.

18 августа 1919 года.

За начальника штаба полка О. МОИСЕЕВ.

Военный комиссар Т. СЛОБОДЧИКОВ.

Бобровскому военному комиссару

Битковский штаб полка сообщает, что организация по всеобщему народному восстанию у нас идет хорошо, на той стороне реки Оби тоже идет хорошо, уже подходят к ст. жел. дор. Коченево. Бердск взят. Наших 2500 человек вошли в Бердск, захватив некоторое оружие³. Станция жел. дор. Черепанова тоже взята.

Товарищи! Действуйте по отношению организации смело и бодро, долой все сомнения, нельзя сейчас сидеть сложа руки, а нужно работать без

¹ Автор имеет в виду крестьян села Чингис, которые к моменту, когда воззвание писалось, не принимали активного участия в восстании. Прим. ред.

² Копия циркулярного воззвания — письма, которое Битковский штаб разослал подчиненным ему сельским военным комиссарам.

³ Станция Бердск, как это видно из статьи Н. Бахтина — «Повстанческий отряд деревни Верх-Каракана», не была занята повстанцами.

устали. Встаньте все на доброе дело, за которое восстал почти весь народ. Товарищи, не забывайте, что счастье и спокойствие будущей жизни сейчас в руках самого народа. Если мы сами для себя не будем работать, то кто же за нас это сделает. Нужно работать для блага самих себя и общего блага.

18 августа 1919 года № 103

За начальника штаба полка О. МОИСЕЕВ.
Военный комиссар Т. СЛОБОДЧИКОВ.

Российская
Федератив. Советская
Республика

СЛАВГОРОДСКИЙ
Военно-революцион.
ШТАБ

Сентябрь 1 дня. 1919.
№ 412

Славгородский военно-революционный штаб по прибытии в некоторые волости, как Зятьково-Реченскую, так и Хабары и остальные села видим

грабежи происходят и убийства (со стороны) зверей чехов и других самозванцев — прихвостников Колчака. Обращаюсь к вам, граждане, с просьбою мобилизовать солдат до сорока лет и стать на защиту трудового народа и свободного гражданина. Во избежание всякого убийства слушайте своих товарищей выборных. Вы знаете, граждане, идут в рядах Красной армии ваши сыновья и братья из плена Австро-Германии и все наши товарищи сдались в ряды Красной армии.

Комиссар Славгородского военно-революционного штаба.

Борьба за дисциплину

ВОЕННЫЙ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ
ШТАБ

11 августа 1919 года
с. МОСИХА

Командирам всех отрядов, примыкающих
к районному штабу с. Усть-Мосиха.

1) Согласно постановления военного революционного штаба 8 августа 1919 г. в отрядах вводится строгая товарищеская дисциплина.

Вследствие чего штаб приказывает всем отрядам неуклонно подчиниться своим выборным командирам.

2) Революционный военный штаб приказывает всем командирам отрядов, действующих на Тюменцевском фронте, подчиниться тов. Тищенко. Этот приказ опубликовать во всех народных отрядах.

Объяснить, что такая товарищеская дисциплина необходима. Неподчинившиеся своим начальникам будут передаваться воен.-рев. трибуналу.

Военный комиссар МИЛОСЛАВСКИЙ.

ПРИКАЗ № 69
всем военным комиссарам

Село Сузунский
Завод

15 августа 1919 г.

Входящих в район Сузунского военно-подрайонного штаба.

Штаб приказывает вам объявить всем товарищам, находящимся на фронтах, что вводится строгая товарищеская дисциплина.

За неисполнение приказов начальников, побег с фронта и нежелание идти в наступление будут передаваться военно-полевому суду.

Главное на Малышевском, Алакском и Чингисском фронтах.

ПРИКАЗ этот прочесть в отрядах и на местах.

За начальника военно-подрайонного-революционного штаба

Исполн. долж. военного делопроизвод. (подпись).

Комиссар СОКОЛОВ.

СВОДКИ С ФРОНТОВ.

СУЗУНСКИЙ

Воен. Р. Подрайонный
Штаб

уезда.

12 августа 1919 г.

№ 4

Сузунский завод.

**В главный военный революционный
штаб.**

Киприно.

Подрайонный штаб доносит главному штабу, что сузунскими отрядами заняты селения по направлению Н-Николаевск. уезда на ст. Черепанову и левее: Шипуновское, Шурьгинское, Холодновское, Плоское, Заковряшино, Бедрина, Кускова, Биткова, Артамонова, Лушниковая, Мышланское, Шайдуровское, Мыльниковское, и по направлению на гор. Камень: Малышовское, Чирухинское, Каменушка, Зарино, Тараданова, Духова, Аллак, и Чагенская заимка: по полученным сведениям на всех этих участках обстоит благополучно и дальнейшие действия всех отрядов имеют приятные успехи. Связи на всех районах занятых участках поддерживаются.

По берегам р. Оби от с. Меретского вниз по течению, стоят посты. В 3 часа дня 11 августа вышедшие сверху из гор. Камня 2 парохода обстреливаются и преследуются нашими отрядами и других селений. С. Карасевское, что в 30 верстах от ст. Черепановой 11 августа нашим отрядом численностью в 250 чел. взято спокойно, остальных сведений похода на Черепаново пока нет.

Начальник штаба СУГАТОВ.

Пом. начальника штаба (Подпись)

Делопроизводитель (Подпись).

КУЧУКСКАЯ

Сельская
УПРАВА

Барнаульского уезда

Августа 13 1919 года.

№ 235.

Почт. отд. Шелаболиха.

В Усть-мосихинский революционный штаб.

Доношу вам, что в Шелаболихе прошли три парохода и сделали высадку, идет бой. Дать поддержку обязательно немедленно, как можно поскорее.

Председатель АРХИПОВ.

Секретарь БРЕДИН.

**МЕРЕТСКИЙ ВОЛОСТНОЙ
ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ**

Каменского У.

Алтайской г.

15 августа 1919 г.

Секретно

ИНСКИЙ ВОЕНН. ШТАБ.

14 августа.

Меретскому военному комиссару.

Доводим к сведению, что из Шелаболихи пароходы ушли вверх, а отряд высадился в Шелаболихе и направление держит на с. Павловское. Просим помощи, чтобы нанести удар с тыла. Примите к сведению и руководству и передайте дальше.

Военный комиссар ВИЗГИН.

Черепановскому военно-революционному комитету.

Главный штаб Карасевский сообщил: станция Черепаново, Алт. жел. дор., Красной гвардией взята и взято много военного оружия. Штаб приказал: мобилизованных по 1908 год в войска с получением сего выслать в главный штаб ст. Черепаново.

Приказ разослал до Сузуна чрез Шурыгино и Шипуново. 1919 года 15 дня.

Ново-Воскресенский военный комиссар и член ФЕДОРОВ.
Секретарь БАРАБАНОВ.

Верно: делопроизводитель Тр.

Сузунскому подрайонному штабу для сведения и точного исполнения.
Комиссар БЕССОНОВ.

№ 48. 15 авг. 1919 г.
с. Шипуново.

НАЧАЛЬНИКУ ШТАБА СТ. ЧЕРЕПАНОВО.

Сведение из деревни Нижний Сузун.

Польским легионом произведено происшествие с парохода «Остяк».

Расстреляли: комиссара Ивана Савельича Ситникова, 2) помощников его Федора Семенова Гладкова, 3) помощника председателя Александра Ивановича Ситникова, 4) секретаря (учителя) Николая Андреевича Коснарева, 5) членов правления Кузьму Никитича Бабичева, 6) Петроградского беженца, за взятое ружье у него, Маркела Яковлевича и 7) водолива с казенной баржи, стоящей в Сузуне звать и фамилии неизвестно. Всего расстреляно 7 человек.

При том уже сожгли около 15 или 16 домов. Кроме того по всему селу вели повальные грабежи имущества, при том ограбили кассы каменского союза кооперативов и заведывающего местными заготовками Павла Коровина семь тысяч семьсот пятьдесят рублей (7750) р., что удостоверяю подписом и приложением должностного штемпеля Сузунского района. Павел Коровин.

Присутствовал сельский староста д. Сузунка Андрей Алексеевич Щукин неграмотный, а за неграмотного Щукина расписался Мефодий Ситников.

17/VIII-1919 г.

КОЛЧАКОВСКИЕ ДОКУМЕНТЫ
О ПОВСТАНЧЕСКОМ ДВИЖЕНИИ

1. Официальные сообщения

Экстренно, оч. важное с нарочи.
Господину начальнику Барнаульской уездной милиции

Помощника начальника милиции 6-го участка, Барнаульского уезда НИКИТИНА.

Р а п о р т.

В ночь на 15 июля я получил секретное сообщение от об'езчика Нижне-Петровского лесничества, Петровского кордона, Филатова о том, что банда вооруженных дезертиров, находившаяся под командой Чаузова, военным отрядом и отрядом милиции 6-го участка разбита и мелкими группами разбежалась куда попало. Большая часть этих дезертиров, числом около двадцати человек, сгруппировались на Калманских островах, лежащих на р. Оби между селениями Калманкой и Усть-Алейским. На основании этого донесения, я, взяв находящегося в момент распоряжений единственного милиционера Пяткова, 15 июля переправился на перевозе через реку Обь. На противоположном берегу реки Оби я встретил группу верховых, наряженных Чириковским сельским старостой, для поимки дезертиров, крестьян, которые мне объяснили, что все забоки и лесистые места, а также и острова переполнены дезертирами. Эти же лица заявили мне, что два дезертира ими были перехвачены на реке Оби, едущими в лодке, каковые, бросив лодку и свою одежду в ней, скрылись в близ лежащие кусты. Совместно с крестьянами села Чириковского я начал обыскивать кусты, дезертиры, заметив, что их ищет вооруженная милиция, удалились в противоположную сторону, переплыли реку и быстро побежали лугом по направлению к деревне Мезенцевой. Более 10 человек чириковских верховых, заметив это, начали их преследовать и преследовали почти до дер. Мезенцевой, где в полночь их окружили и начали брать. Дезертиры по крестьянам открыли револьверную стрельбу, выпустили более десяти пуль, но никто от этого из крестьян не пострадал. Тогда один дезертир, который по задержанию назвался Семеном Банниковым наставил себе в лоб револьвер и пытался два раза кончить самоубийством, но револьвер оба раза давал осечку. Другой дезертир, назвавшийся Константином Алпатовым (житель г. Барнаула) находу, тоже, вероятно, рассчитывая кончить самоубийством, ранил себя из револьвера в ногу выше колена. Оба дезертира после всего этого были задержаны, обысканы и мной посажены под строгий арест. При задержании их у Банникова оказался револьвер системы «Смитт Виссон», а у Алпатова «Наган», при первом револьвере две невыстреленные пули, а при втором нагане одна, оба револьвера обращены на вооружение милиции и находятся у меня. Семен Банников, как мне известно, принимал участие вместе с Чаузовым 10 мая в селе Легостаево в убийстве милиционера, обо всем мной производится дознание.

Донося о всем вышеизложенном, я нахожусь нужным доложить вам, господин начальник, что выбитые из Боровой местности от деревни Большой Речки дезертирские банды теперь все перекочевали на острова и за-

боки, против села Калманского и селения Усть-Алейского таким образом, здесь от села Калманского является необходимость перехватить их, а это возможно лишь только тогда, когда будет у меня несколько милиционеров, а при одном милиционере это почти невозможно, а потому прошу вас, не найдете ли возможным командировать ко мне хотя двух милиционеров из уездной милиции. Желательно было бы мне иметь такого милиционера, который был бы знаком с окрестностями Калманки, таким лицом является только Гниломедов и если бы он был командирован, то была бы польза для дела. О последующем распоряжении прошу мне дать знать.

Помощник нач. милиции 6 р. НИКИТИН.

16 июля 1919 года № 85.

Младший офицер
1-й роты 2-го бат.
окр. жел. дор.
Поручик Хорошилов
№ 33
12 августа 1919 г.
г. Барнаул.

Командиру 2-го бат. охр. жел. дороги

Рапорт.

Доношу, что 2 августа с/г. старший поста 314 версты сообщил по телефону, что нападают красные. Я потребовал паровоз и взял команду и отправился с командой на 314 версту. Не доезжая до моста я остановился и выслал вправо и влево дозоры и пошли по линии пешим порядком, дошли до моста, осмотрели, мост был в исправности, и следовали до казармы, когда подошли в казарме старший поста встретил меня с рапортом и в это время горел мост на 312 версте деревянный, подошли к мосту, мост был зажжен злоумышленниками, видать следы, как носили сено из коней поджигать мост. Я с командой вернулся обратно к казарме, по докладу старшего поста красных было человек сорок пеших, которые зашли на железный мост и сели, когда пошли к ним два охранника, увидели красные охранников и дали три залпа по охранникам, охранники вернулись в казарму, казарма была оцеплена конями и скоро кони поехали по дороге, которая идет в село Корым и пехота тоже скрылась. На мосту стояла охрана три человека. Я оставил еще двух, так на посту осталось пять человек, и я с командой вернулся обратно на ст. Алейскую, добровольец Шувев Василий был послан в дозор и не вернулся и с оружием в руках, когда я прибыл на станцию вызвал по телеграфу Рубцовки и командира 4 роты поручика Богомольца и просил у него дать мне помощи, командир 4 роты тотчас же выслал мне 16 человек на помощь. Прибыли они с санитарным поездом, вечером 2 августа. Мною были выставлены караулы на ночь. Телеграф в сторону Барнаула был обрублен в нескольких местах.

3 августа часов в 10 утра был зажжен мост на 319 версте и на 321 версте. Я отправился на горение моста. На 319 версте мост когда я прибыл уже догорал, я снял с вагона дрезину и отправился до казармы на 314 версте, где стоял караул, когда прибыл в казармы на 314 версте, то охранников не оказалось, там женщина сказала: их увели красные. Я вернулся обратно к паровозу. На 317 версте был спилен телеграфный столб и в нескольких местах порублена проволока. Я вернулся на ст. Алейскую, просил по телеграфу с Рубцовки помощи, они обещали, что вышлют к нам отряд. На ст. Алейской стоял санитарный поезд, его отправили обратно на ст. Шипуново. Часов в 16 дня я на паровозе с солдатами отправился на разведку, доехал до 319 версты, где сожжен мост, около дороги никого не видно было, но в селах было заметно брожение крестьян, когда поехали обратно, то я увидел дым за ст. Алейской, я подумал, что идет поезд к нам, когда подехали ближе, то оказалось, что зажжен мост в пяти верстах от ст. Алейской. Я не остановился на станции, проехал до моста, подехал к мосту, но через мост нельзя было переехать столбы подгорели. Я ссадил у моста команду, которая была прислана с Рубцовки и при-

казал младшему унтер-офицеру Синецкину дожидать меня. Я на паровозе отправился на станцию, прибыл на станцию, справился по телеграфу, с Пospelихи передали, что скоро отправится отряд к нам, но брожение крестьян стало усиливаться, я снял караулы и послал, чтобы все собирались на станцию, но первый взводный командир с унтер офицером Трофименко схоронился, у него было пять бомб и патроны и винтовка трехлинейная, 2-й Булюшка, 3-й Князев, 4-й Злобин, 5-й Копалов, 6-й Пиремитин — это был больной, я взял, которые были солдаты здесь и отправился к мосту, когда прибыл к мосту, то команды со старшим Синецкиным не оказалось, я слез с паровоза и вся моя команда состояла из 6 человек. Я отправил паровоз на станцию с командой отправился по линии к ст. Шипуново и хотел догнать команду, которая ушла с Синецкиным, когда дошли до первой казармы, я спросил, проходила команда, они сказали, что прошли, я пошел дальше, но добровольцы Решетников и Харитонов заявили, что они не могут дальше идти. Я забрал от них винтовки и патроны, они остались у казармы. Я и четыре солдата отправился дальше так, чтобы встретить отряд и к нему присоединиться, но поезда мне никакого не было на встречу, когда я дошел до казармы на 353 версте, вызвал по телефону Шипуново, но на Шипуновой оказались красные, команда, которая ушла вперед меня, стала в этой казарме, но младшего унтер офицера Синецкина не было, они взяли два паровоза и уехали 6 человек, было 4 часа утра 4 августа. Так как солдаты очень утомились, которые со мной пришли, легли отдохнуть. Я взял с собой Романа Котельникова и пошел в село Кашино, до которой было 5 верст, пришли на сборную просить подвод и уехать стороной к станции Пospelиха, но крестьяне окружили нас, некоторые были с берданами и ливорверами и пиками и потребовали сдать им оружия, так пришлось сдать оружие и меня и Котельникова арестовали, отобрали оружие, бинокель и 1350 руб. денег и отправили меня и Котельникова в село Урюпино, из Урюпиной отправили на станцию Алейскую. Привезли на станцию и посадили при сельской управе в каталашку. До суда просидели 4, 5, 6, 7 и 8. К вечеру 8-го августа я пользовался слухом, будто идет отряд из села Корыма и в этот вечер был приговорен к смертной казни, но по случаю отряд занял станцию красные убежали. Мы сидели 6 часов, утром 9 августа не знали что станция занята нашими, когда нас освободил отряд капитана Харченкина я, явился к капитану, капитан взял меня в свой отряд и отправился со станции Алейской по направлению к Барнаулу первое село Большое Панюшево, отряд встретил сопротивление, красные открыли ружейный огонь, отряд вступил в бой с красными, когда закончили бой отправились дальше в следующее село Бизголосово, но отряд проехал мимо. Следующее село Ново-Колпаково село тоже отряд в нее не заходил. Следующее Старое Колпаково, село тоже отряд в нее не заходил и продолжали ехать на село Чистюнку, но красные стали отряд преследовать, не доезжая Чистюнки верст пять красные отряд окружили, отряд остановился и открыл с ними бой, когда отбили красных двинулись вперед, когда под'езжали к селу Чистюнки, то виднелись на протяжении всего села окопы. Не доезжая до села из окопов встретили отряд, выстрелами отряд рассыпался в цепь и принял с ними бой с самого краю от роши и один пулемет работал и выбили красных из окопов штыками, вторая цепь красных начала наступать с юга и эту цепь разбили и зажали край деревни и отряд отправился вперед по направлению на село Колманка дошли до поскотни и остановились ночевать. 10 августа с рассветом красные пошли на отряд в атаку, кричали ура, но отряд приготовился отражать, но красные ближе не подходили, когда совсем стало видно, то отряд вытянулся в поскотни и остановился, но красные цепью стали наступать. Сзади часть отряд оставил для них, а впереди отряда была рассыпана цепь и поставили два пулемета, красные пустили навстречу каваллерию человек 300 или 400, когда под'ехали ближе, то отряд открыл пулеметный огонь по каваллерию и красные бросились бежать, кто кого обгонит. Многие падали на местах. Под'езжали к селу Колманки, то красные двое встретили отряд, один с пикой и один с вила-

ми и хотели убежать, но остались на месте от ружейных пуль и в остальные села, как отряд заходил, то красные убегали и больше боя не было до города Барнаула. В гор. Барнаул прибыли в 23 часа 10 августа 1919 г. При сем представляю удостоверение начальника Семипалатинского отряда капитана Харченко.

Поручик ХОРОШИЛОВ.

КОМАНДИР
2-го Батальона
1-й бригады охраны
железных дорог
по части стр.
Сентября дня 1919 г.
№ . . .
г. Барнаул.

**Начальнику 4 охраны железнодорожной
бригады**

Р а п о р т.

2 августа в 14 часов от начальника станции Топчиха Дурбажева мною была получена депеша, где сообщалось, что названной станции угрожает опасность от красноармейских банд, появившихся в селах Чистюньке и Парфеновой.

Мною была вызвана по тревоге команда ординарцев особого назначения и свободные от нарядов солдаты 1 роты и пулеметной команды.

Отданы следующие приказание: Начальнику команды особого назначения подпоручику Барскому с 20 чел. его команды, 14 чел. пулеметной и 17 чел. 1 роты отправиться экстренным поездом на ст. Топчиху, где произвести разведку в сторону сел Чистюньки, Парфеново и обо всем замеченном доносить мне по прямому проводу, а в случае нападения красных на станцию ж. д. защищать таковую.

С этой же командой приказал отправиться и временно командующему 1 роты поручику Сухову, т. к. ст. Топчиха входит в участок 1 роты.

Содержание депеши начальника ст. Топчиха Дурбажева мною было сообщено ЗК Барнаул, начальнику военного района по барнаульскому уезду и начальникам контр разведки при управляющем Алтайской губернией.

В виду того, что наличный состав батальона малочисленный, солдаты вооружены винтовками Бердана в большинстве неисправными при малом количестве патронов и за неимением пулеметов, я обратился за помощью: к командиру чешской роты, стоявшей на ст. Барнаул, к начальнику военного района и к отряду особого назначения при управляющем губернией, но за малочисленностью войск в г. Барнауле, мне в помощи 2 августа везде было отказано.

После отсылки команды с подпоручиком Барским никакого резерва на ст. Барнаул в моем распоряжении не осталось. Не мог я потребовать людей и из других рот за малочисленностью их наличного состава.

Неожиданность появления банды в большом числе, я объясняю тем, что тайные большевистские организации в 20-30 человек из отдаленных местностей проникли в села, где с оружием в руках и обманом населения о сдаче Омска, Н-Николаевска, Семипалатинска большевиками терроризовали местное население и мобилизовав его под угрозой расстрела и сожжения сел, двинулись к железнодорожному пути для разоружения такового.

Мнение мое подтверждается тем, что о готовящемся восстании я не был извещен ни уездной и железнодорожной милицией, ни контрразведкой при начальнике военного района и при Управлении губернии.

Рабочие и агенты железной дороги, за коими преимущественно следит контрразведка, участия в этом движении не принимали. 3 августа я получил донесения от подпоручика Барского (помощник поручика Сухова) о положении ст. Топчиха и о перестрелке с красными в д. Чистюньке и также о ранении поручика Сухова у с. Ламкина и двух солдат новобранцев Кролевец и Толстолучникова, попавших в плен. Из донесений и от разных лиц узнал, что численность восставших доходит до 3000 чел. Я

вновь обратился за помощью к начальнику военного района, и начальнику 3-го батальона чеховоиск, после чего был отправлен отряд чехов. В виду того, что для действий против восставших банд были высланы чешский отряд, рота и 2 пулемета, мною было дано распоряжение подпоручику Барскому, подчиниться начальнику этих войск и доносить мне обо всем по прямому проводу.

17 августа получена депеша от подпоручика Каргина со ст. Большая Речка о приближении красных, но не имея никакого резерва я дал приказ по фonoпору командиру 2 роты капитану Алябьеву выслать помощь, сколько он может выделить людей из своей роты. Содержание депешки подпоручика Каргина сообщил начальнику военного района г. Барнаула и просил о высылке войск.

Красноармейские банды ликвидируются отрядами войск от гарнизонов Новониколаевска, Бийска, Барнаула и Семипалатинска подчиненными полковнику Барденбургу¹.

Начальник
к-ды ординарцев
особого назначения
2-го б-на 1-й бригады
охраны железных
дорог.

15 августа 1919 г.

№ 46.

ст. Барнаул.

Командиру сего же батальона

Рапорт².

Доношу, что 2 сего августа убыл на станцию Толчиху для умирения восставших красноармейских банд с командой, в состав которой входили 20 солдат команды ординарцев особого назначения, 14 солдат пулеметной команды и 17 солдат 1-й роты. Во время следования поезда от Барнаула до ст. Толчиха были приняты следующие меры предосторожности: на паровозе впереди стояло 2 солдата, которым было вменено в обязанность наблюдать за целостью пути и иметь связь с машинистом через солдата, который стоял на паровозе, в машинном отделении. Последнему вменялось в обязанность в случае обстрела или порчи пути остановить поезд. В вагонах, где помещались солдаты, были назначены дежурные. На ст. Толчиха прибыли в 6 часов утра 3 августа, заняли станцию и выставили караул. Из полученных сведений на станции узнали, что мост между Толчихой и Алейской сожжен, телеграфные провода порваны и села Чистюнька и Зимино заняты большевистскими бандитами. Для производства разведки сел Чистюнька и Зимино из отряда была выделена целиком команда ординарцев особого назначения для осмотра железнодорожного пути, часть людей первой роты и пулеметной команды под командой поручика Сухова и для охраны станции часть оставшихся солдат 1-й роты пулеметной команды. В 8 час. утра 3 августа я выступил на подводах с ко-

¹ Этот документ печатаем по уцелевшему черновику, на котором не указана подпись рапортующего.

² Этот колчаковский рапорт интересен тем, что уточняет места, где происходили боевые столкновения между повстанцами и колчаковцами. Однако, этот рапорт дает искаженное изображение действительности. Дело в том, что поручик Барский, чтобы выслужиться пред начальством, совершенно замалчивает те поражения, которые повстанцы нанесли ему, и хвастливо преувеличивает успешные действия вверенных ему русских и чешских частей. И если чешский поручик Скрытя лицемерно подчеркивает в своем, ниже публикуемом нами, письме «храбрость и присутствие духа подпоручика Барского», так делает он для того, чтобы, с одной стороны, скрыть собственные неудачи в столкновениях с повстанцами, а с другой — чтобы оказать дружескую услугу своему неудачливому приятелю по оружию. Прим. ред.

мандой для разведки сел Чистюньки и Зимино; в 9 час. утра выступил поручик Сухов с командой для осмотра пути в сторону Алейской. Не доезжая 8 верст до Чистюньки был захвачен караул красноармейских банд, вооруженных пиками в числе 3-х человек. При опросе пленные показали, что в Зимино находится штаб отряда и что прибыли в Чистюньку и Зимино следующие отряды: Чаузова, Колпакова и Алтайский отряд, в каждом отряде до 1000 человек плохо вооруженных, формируются чистюньский, зиминский и фунтиковский отряды. У самой Чистюньки двигался разезд красных верхами, которые при виде отряда поскакали в село, поружейным огнем лошадь одного всадника была убита и всадник был взят в плен, при опросе пленный показал, что поезд, в котором ехал поручик Сухов с командой, свален, благодаря разобранным рельсам. Немедленно подводы и пленных 4 человека в сопровождении 2-х солдат были отправлены в 4-х верст, от Чистюньки за горку; остальных людей рассыпал в цепь, назначив по 2 верховых на флангах, и повел наступление на село. В то же время из села Чистюньки с правой и с левой стороны выезжали всадники из села Зимино, тоже подошел отряд около 200 человек конных. Огонь залпами и частый их не останавливал и вскоре они обложили команду со всех сторон и открыли стрельбу. Вооружены они были 3-линейными винтовками, берданками, дробовиками, револьверами, вилами, лопатами и пиками. В виду того, что патроны расстреливались, а подвоз не ожидался, я приказал отступить к подводам, захватив одного в плен с винтовкой и лошадью. На горку недалеко от подвод было выслано 5 человек, которые отстреливались залпами и не давали красным занять дорогу. Когда солдаты были рассажены на подводах, пленные, увидя, что подезжают из-за горки красноармейцы, бросились бежать, но были расстреляны. Под Чистюнькой банда потеряла убитыми и ранеными около 40 человек и 8 лошадей убитыми. У меня убит один, который попал в плен. На подводах отступали и отстреливались на ходу; банда проследовала 8 верст и безрезультатно вернулась назад. Приехав на ст. Топчиха, усилили охрану станции. Через 2 часа прибыл на станцию пешком с командой поручик Сухов и сообщил, что паровоз свален на 301 версте и один раненый попал в плен к красным. Около 5 часов вечера недалеко от станции стали появляться разезды красных. Видя, что разезды увеличиваются, и решив оборонять станцию до подхода подкреплений, начали приспособлять вагоны, шпалы, рельсы и бревна к обороне. Вечером около 9 часов прибежал из казармы, что 8 верст от станции, сторож и заявил, что в казарму пришел отряд силою около 70 человек и занял ее, другой отряд около 50 человек направился в село Фунтиково. Всю ночь была связь с Калманкой, откуда сообщали, что обстреливают станцию. Ночью красные не предпринимали ничего; на другой день 4 августа около 2-х часов дня подошел эшелон чехо-словацкой роты. Командир чехословацкой роты поручик Скритя, узнав положение, предложил выделить из русского отряда часть людей и вместе с чехословаками сделать разведку села Фунтиково. В Фунтиково прибыли около 6 часов вечера, красных там уже не было. Староста и писарь показали, что 3 августа около 7 часов вечера прибыла банда и приказала звонить в набат. Собравшимся жителям оратор сказал, что Семипалатинск, Барнаул и Новониколаевск пали и что красные уже недалеко, предложив людям собирать имеющееся оружие и делать пики. Приказав, чтобы утром к 8 часам староста прислал 30 подвод и 10 лошадей верховых, мы вернулись обратно на ст. Топчиху. Ночь прошла спокойно. Утром 8 часов 5 августа команда ординарцев особого назначения и 40 солдат чехословаков при 2-х пулеметах отправились в Чистюньку. По дороге захватили разведку красных 5 человек, вооруженных пиками и винтовками. При опросе они показали, что пленного, которого они взяли под Чистюнькой, расстреляли и похоронили и другого, что взяли раненого на железной дороге, положили в лазарет в селе Чистюньке, в Чистюньке и Зимино собралось 9 отрядов красных, ждут еще отряд Гарина с силою в 30 тысяч. В 5 верстах от Чистюньки наш русско-чешский отряд разделился на две группы, Чехи с силою в 40 человек при

2-х пулеметах начали наступать на южную часть села, я с командой силою 20 чел. повел наступление на восточную часть сел. Навстречу мне из сел Чистюньки и Зимино выезжали колонны красных верхами, их было около 3-х тысяч, они быстро обложили нас со всех сторон и стали нападать на подводы. Огонь пулеметный и ружейный их не останавливал. Бой шел 1½ часа, после чего пришел солдат, посланный для связи с чехами, и сказал, что чехи отступают. Увидя, что чехи отступили от дороги и красные могут занять дорогу, я выслал часть команды на дорогу, а с остальными людьми стал отступать. Посадив людей на подводы, мы стали отступать. Красные преследовали нас и на этот раз верст 7. На этот раз красные понесли потери убитыми и ранеными около 80 человек и 20 лошадей убитыми. В тот же день эшелон чехов у сваленного моста имел рукопашный бой с красными, в результате один чех оказался раненым пикой и у красных около 20 человек убитыми. Прибыли на ст. Топчиха в 3 часа дня; весь день и ночь прошли спокойно. 6 августа разведка красных пошла к станции, потеряв 2-х убитыми, они ускакали обратно. 7 августа потеряли связь с Калманкой, для восстановления связи выехал в сторону Калманки на поезде чешский офицер с командой при 4-х пулеметах. Около 6 час. вечера того же дня к Топчихе стали подходить колонны, которые рассыпались в цепь и стали наступать, их было до 3-х тысяч. Заняв водокачку, станцию и вагоны с грузом, мы стали обороняться, в 12 часов по полуночи пришел поезд с пулеметами. До утра шел бой. Утром 8 августа стали отступать эшелоном по железной дороге. Красные преследовали вдоль железной дороги с правой и с левой стороны, мы отстреливались винтовками и пулеметами. Со скоростью 5 верст в час отъехали к селу Шилово, здесь рельсы оказались разобранными. В селе Шилово навстречу нам выступил отряд красных, который обложил поезд и открыл стрельбу. Банда усиливалась ежеминутно, к ним подходило из Топчихи подкрепление. Целый день шел бой, к вечеру кавалерия чехов, прибывшая из Барнаула, ворвалась в деревню во время митинга. Красные в панике стали отступать к Барнаульскому лесу. Банды понесли потери убитыми и ранеными в бою под Топчихой около 120 человек, у Шилово, в селе Шилово много убитыми и ранеными. Русско-чешский отряд понес потери одного русского офицера раненым и одного солдата чеха раненым. 9 августа была маленькая стычка разведчиков, оказался тяжело раненым один унтер офицер русский. 10 августа поиски разведчиков, 11 августа демонстративно отступили от Шилово, оставив кавалерию, пулеметы и орудие, 12 августа без перемен. 13 августа чехи сменили русско-чешский отряд и мы отошли на ст. Барнаул. В этой экспедиции взято в плен 26 человек, убито и ранено около 900 человек, взяты винтовки, пики и лошади. У нас потери 1 русский офицер, ранено 2 солдата, плен. 1 ранен. и чехи 2 солдата ранеными.

Подпоручик БАРСКИЙ.

5-ый
Стрелковый Пражский полк
Т. Б. Масаринка
12-я рота.
14 августа 1919 г.
№ 415.

Командиру 13-го батальона
4-й бригады охраны ж. д. полковнику
Дубровскому

Считаю своим приятным долгом донести к Вашему сведению о храбром поведении отряда Вам вверенного батальона, который действовал вместе со мной в деле Топчиха, Чистюнька, Шилово. Особенно подчеркиваю храбрость и присутствие духа подпоручика Барского, раненого мл. унтер-офицера и вольноопределяющего. Можете гордиться, господин полковник, что во вверенном Вам батальоне находится такой офицер, как подпоручик Барский, которого все солдаты любят и который заботится про его солдат как отец.

Передайте Вашим молодцам мое сердечное спасибо и «на здар».
Барнаул, 14 августа 1919 г. Командир 12-ой роты 5-го Чехополка
Поручик СКРИТЯ.

*МВД копия Дирденмил*¹

О м с к

Течение последних дней некоторые селения Барнаульского Каменского уездов заняты бандитами произведены убийства священников чинов милиции их семейств точка Сейчас захвачено бандитами несколько селений прекращено железнодорожное и телеграфное сообщение Семипалатинском виду порчи пути запятая положение крайне серьезное требующее применение решительных мер точка Возможные меры борьбы приняты отправкой воинских частей и отряда особого назначения точка Барнаульском районе настолько мало воинской силы что борьба бандитами крайне затруднительна отсутствием губернии военной власти которой были подчинены все военные силы губернии вследствие чего получается несогласованность мероприятий борьбы отдельных уездах и несвоевременное поддержание военными силами одного уезда другим имеющим свободные военные силы о чем мною докладывалось представлением пятого июля 155 точка Считаю предоставления одному лицу власти распоряжаться всеми военными силами губернии неотложно необходимым точка Действия против банд милиции и отряда Особого Назначения затрудняются недостатком вооружения патронов получение которых командирован Омск нарочный которому прошу оказать содействие точка Для борьбы банд организуются селениях добровольные дружины применительно закона двадцать седьмого июня.

Управляющий Алтайской губернией СТРОЛЬМАН.

№ 1640

6 авг.

Приказ уполномоченного командующего войсками по Барнаульскому военному району

Барнаул 7 августа 1919 года.

В разных частях Барнаульского уезда появились организованные агитаторами шайки, состоящие из подонков населения и насильно мобилизуемых крестьян; шайки убивают должностных лиц, священников и всех, кто по своему культурному уровню выделяется из темной крестьянской массы; грабят волостные и сельские управы, кооперативы и зажиточных крестьян; разрушают телеграфную связь и прервали железнодорожное сообщение с Семипалатинском. Уже были столкновения шаяк с высланными мною отрядами и в этих столкновениях погибли десятки крестьян, одурченных агитаторами.

В город Барнаул и его уезд направлены для быстрой ликвидации мятежа крупные силы, в том числе отряд атамана Анненкова.

Приглашаю крестьян, примкнувших к шайкам, покинуть их и вернуться к мирному труду, если им дорога их жизнь и имущество.

В целях быстрой ликвидации мятежа и для обеспечения военным начальникам возможности применять все вызываемые обстановкой меры, объявляю Барнаульский военный район на осадном положении и предписываю действующим в районе военным начальникам уничтожать без суда всех, принимающих прямое или косвенное участие в мятеже, конфискуя и уничтожая их имущество.

¹ Министерству внутренних дел, копия директору департамента милиции.

Должностным лицам принять меры к самому широкому распространению настоящего приказа среди населения.

Уполкомвойсками по Барнаульск. воен. району
Генерал-майор БИСНЕК.

Комендант Барнаульского военного района
Капитан МОГИЛЬНИКОВ.

Телеграмма Барнаул начальнику уездной милиции Из Черепаново № 10

15 августа в два часа банда красноармейцев в числе двух тысяч человек, вооруженная винтовками, охотничьими ружьями и пиками, сделала набег на станции Черепаново и вступила в перестрелку с солдатами местного гарнизона и милицией, численностью в сорок человек. Бой продолжался в течение часа. Банда захватила станцию. Солдаты отступили с комендантом. Ограблена почта, на сумму тридцать пять тысяч рублей. Черепаново от банды освобождено пятнадцатого августа в шесть часов вечера прибывшими отрядами из Тальменки и Николаевска. В бою убит милиционер Кунгурцев, захвачен в плен Ферафайтов. Начальник милиции Косткин и милиционер Агапов пропали без вести. Банда сформирована из крестьян Заковряжинской, Шипуновской, Шарчинской и Карасевской волостей под командой Чанкина, Степанова, Бурова, Шилохвостова и Росинского, которая отступила в Сузун. Преследование продолжается. Железнодорожное движение (вследствие) порчи дороги приостановлено, телеграф восстановлен.

Начальник милиции КОВЯЗИ.

Нападения банды Красной армии на ст. Поспелиха и об убийстве в/с 4 роты 13-го батальона 4-й бригады охр. ж/д. З. С. В. Округа Никифора Гончарова.

18 августа в ночь на 19 августа 1919 года банда Красной армии в час 15 минут к охраняющим 3-м железнодорожным батальоном первый от ст. Поспелиха мост пришел разведчик с моста на станцию и говорит, что нападает на мост красноармейская банда. Тогда прапорщик Герасимов послал туда конную разведку во главе младшего унт. офицера Синицына, а потом и сам на дрезине поехал с семью человеками к мосту и сказал: — караульный начальник, останешься за меня, в случае чего-либо, то передай по телефону на другие станции, в скором же времени приехал и другого поста, который был пост назначенный против ст. и говорит тоже, «что-то шерошит, как вроде удалими брячит». Тогда в это время я караульный начальник Никонор Малолетенков всех без исключения собрал и в распоряжение 3-го железнодорожного батальона фельдфебелю Соловьеву передал, тогда они тоже самое пошли цепью по направлению прапорщика Герасимова, а при станции были только отставши те лица, караульный начальник Малолетенков и два часовых, которые стояли около арестованных, один часовой стоял на перроне около окон арестованных, а другой часовой стоял в телеграфе около дверей арестованных, при том в телеграфе находились два телеграфиста, солдат и дежурный по станции, стоял патруль этапной команды. Захаров сзади стоял и был отставший в ст. Младш. унт.-офицер Мих. Лоцилов и рядовой Никифор Гончаров, когда покончил это дело, тогда я, караульный начальник Малолетенков, вышел из караульного помещения на перрон и стал слушать, но что-то шлощит, но непонятно, не разберешь, тогда я пошел за третью линию и встал на шпалы, вдруг раздался крик красноармейцев — «батальон, стой повзводно, пли!». Раздался выстрел, тогда я упал со шпал и лежал, а мимо меня пробежали на станцию и кричат «ура» банда красноармейцев с вилами и лопатами. В это время, когда раздастся выстрел, тогда младш. унт.-офи-

цер Михаил Лоцилов и рядовой Никифор Гончаров выскочили на перрон. Лоцилов среди ихней толпы проскочил, а Гончарова схватили и стали кричать — «ты доброволец», а он тогда, — «а вам какое дело». «Давай оружие», — а он не стал отдавать оружие, его тогда вилами в грудь ударили и он упал и выкололи ему глаза, а Лоцилов добежал до станции и стал стрелять, выпустил 32 патрона, а караульный начальник Никонор Малолетенков, когда цепь прошла, тогда я вскочил и к резервуару побежал сказать, чтобы передать по телефону на водокачку, а тут уже оторванная трубка от телефона и двери растворены, сзади станции кричат красноармейцы — «станция занята, пойдём в Поспелиху, давай, товарищи, хлеб делить». Тогда я, караульный начальник Малолетенков, стал в толпу стрелять банду красноармейцев и выпустил 23 штуки, которых у меня больше не было патрон, а от моста прапорщик Герасимов с людьми на дрезине в ихний крик толпы стрелял и до тех пор пока их вынудил отступить, к рассвету они уже подались в горы, а охранник 13-й роты, 4-й бригады Василий Еосалов находился телефонистом в резервуаре обезоружен и в плену у банды Красной армии. Когда станцию отбили, тогда красноармейского часового убили, который охранял охранника Василия Еосалова.

Караульный начальник Н. МАЛОЛЕТЕНКОВ.
Мл. унт.-офицер М. ЛОЦИЛОВ.

Начальник 3 участка
Отд. Милиции
Алт. ж. д.
4 сентября 1919 г.
№-32 секр.

**Главному Начальнику милиции
Алтайской жел. дороги**

*Копия
Секретно
Экстренно*

По собранным сведениям в рядах красной банды в с. Зимином, Чистюньской вол., был некий Филипп Кирякин, являвшийся палачом, и помощником его Максим Мишков. Близ с. Зимина есть хутор так называемый «Собачий и Солоновка», где скрываются главари зиминского красногвардейского отряда. Также прилагаю список раненых красноармейцев, доставленных на ст. Алейскую в приемный покой в ночь на 6 августа в бою с нашими войсками, и второй список жителей поселка Александровского, Панюшевской вол., что в 15 вер. от ст. Алейской, принимавших участие в рядах красной банды. Независимо от сего даю проверенные сведения о лицах сахарного завода Плотавской экономии Акционерного О-ва, что в 18 вер. от ст. Алейской, имеющих отношение к большевизму. О чем докладываю для сообщения по принадлежности и принятия соответствующих мер.

И. об. Н-ка 3 уч. Милиции Алт. ж. д. КРЫЛОВ.

Поселок Александровский, Панюшевской вол. в 15 верст. от станц. Алейской. Красногвардейския деятели, бывшие в бою с 2 по 29 августа на ст. Алейской, Шипуново, Алтайской ж. д. 1) Иван Крокус, 2) Илья Красновид, 3) Петр Козлов, 4) Федор Козлов, 5) Афанасий Шалухин, 6) Иван Провоторов, 7) Дмитрий Голубенков, 8) Иван Никольченко и его брат Терентий, 9) Три брата Прокопенковы, 10) Степан Сирота, 11) Кирилл Курусь, 12) Верепунков, 13) Михаил Курусь, 14) Строказов (сапожник), 15) Александр Тимофеев Романенко.

Плотовская экономия сахарного завода, что в 18 вер. от ст. Алейской 1) Михаил Дмитриевич Петухов, пошел добровольцем в красную банду, его отец и брат ведут в экономии агитацию против правительства. 2) Николай Спиридонов, 3) Александр Жилин, 4) Колосов состоял в организации, говоря, что будет переворот и советская власть воскреснет. 5) Иван Переняков занимался на ст. Алейской грабежом, 6) Николай Евгеньев Авраменко, управляющий заводом — председатель совдепа, образователь заводской коммуны, его помощник организатор Иван Антонов Губер.

Данные сведения собраны милицией в период с 29 августа по 1 сентября 1919 г. И. об. Н-ка 3 уч. Милиции Крылов.

Список раненых красноармейцев, доставленных в приемный покой в 1 час ночи на 6 августа на ст. Алейской, Алт. ж. д., бывших в бою с нашими войсками: 1) Кузьма Ефимов Челобитько из с. Панюшево, Барнаульского у., 2) Григорий Никитин Пильгулев из с. Панюшево, 3) Александр Яковлевич Самарский тоже 4) Рябченко Артемий Михайлов откуда неизвестно, 5) Николай Борисов Назаренко, 6) Дмитрий Шумаков, с. Урюпино, Панюшевской волости, 7) Бучко Иван Афанасьевич с. Панюшево, 8) Василий Лазарев Зайгинцев с. Панюшево, 9) Филипп Егоров Павленко адрес неизвестен. Сведения даны фельдшером ст. Алейской приемного покоя Юрьевым.

И. об. Н-ка Милиции КРЫЛОВ.
Делопроизводитель БОГДАНОВ.

Срочное.

М. В. Д.
Начальник
Каменской уездной
Милиции
Алтайской губ.
Августа 14 дня. 1919 г.
№ 1789
г. Камень

Г. Управляющему Каменским уездом.

О состоянии уезда
в политическом
отношении.
Приобщено к делу
№ 20.

За истекшую неделю по уезду бандами «красных» произведены грабежи и убийства во многих селах, о чем доносилось подробно в суточных рапортах. На местах остаются только Начальники 1 и 6 участков с подведомственными ими чинами милиции, чины же остальных четырех участков находятся в гор. Камне за невозможностью оставаться в местах, назначенных для резиденции за малым числом чинов милиции и большим количеством бандитов.

Теми же бандитами ведется агитация против существующей власти, призываются жители сел и деревень в их ряды, а нежелающие примкнуть добровольно мобилизуются силой оружия. По имеющимся сведениям в некоторых селах объявлена советская власть.

О чем и доношу.

п. п. Начальник милиции (Подпись)
И. д. Секретаря (подпись)

М. В. Д.
НАЧАЛЬНИК
Каменской Уездной
Милиции
Алтайской губернии
Сентября 5 дня 1919 г.
№ 1880.

Г. Управляющему Каменским уездом.

О состоянии
уезда в поли-
тическом от-
ношении и др.

В истекшем августе месяце вооруженные банды, начавшие сгруппировываться в июле месяце, перекинувшись в Каменский уезд из Барнаульского, начали занимать постепенно волость за волостью. Действовавший против

банд отряд конной милиции под командой подхорунжего Бессмертного, насчитывающий в своих рядах 25 винтовок и только после вторжения банд в г. Камень увеличенный до 70 человек солдатами местной команды, не мог действовать разрозненно сразу в нескольких пунктах. Банды же при появлении отряда отступали из данного пункта, а как только отряд оставлял его, вновь занимали, — грабежами, расстрелами, нагоняя панику на население, производили мобилизацию мужчин, вооружая их дробовиками, отборными у того же населения, и кольями, снабженными с одного конца железным гвоздем, или вилами и уводили с собой. Благодаря чему численность банд быстро увеличивалась, тем более, что объявленная мобилизация правительством, родившихся в 1901 и 1902 году не была проведена, — многие волости остались не мобилизованными по причине этого восстания. К концу первой половины августа в Камень прибыл пароход с польскими войсками и одна канонерка с 3-дюймовым орудием. Участковые чины милиции за невозможностью оставаться в районах участков, вследствие малочисленности милиционеров, в некоторых оставалось по 10-15 человек, и неимения запасов патронов, которых имелось по 7-10 штук на винтовку, прибыли в гор. Камень за исключением 1 и 6 участков, где были прикомандированы к управлению милиции для несения службы по охране города. Прибывший польский отряд оставался квартировать на пароходе и высаживаясь на берег далеко не преследовал бандитов, а даже ограничивался обстрелом берегов с парохода. И вот в ночь с 16 на 17 августа в то время как хорунжий Бессмертный с отрядом на пароходе выбыл в Новониколаевский уезд для восстановления связи, банда, подойдя к гор. Камню со всех сторон, сделала попытку занять его. Поднятой гражданской самоохраной тревогой, чины милиции совместно с местной командой вступили в бой с бандитами, а затем уже высадились с парохода и польские войска, присоединились к нашим, в ход были пущены орудие и пулеметы. Вошедших в город бандитов выбивали с 2 часов и до 9 часов утра, оставшихся и засевших в огородах, постройках и домах вылавливали и уничтожали целый день 17 августа. Уничтожено около 200 человек бандитов. С нашей стороны убиты в бою: офицер для поручений при начальнике контрразведывательного пункта, поручик Долинский, два солдата местной команды, один офицер и один солдат из польского отряда и ранен в обе ноги ниже колен милиционер 4 участка Барнаульского уезда, эвакуированный в числе других из Шелаболихи Рахманов Борис, а также ранены два солдата местной команды. Бандиты успели занять Каменскую волостную земскую управу, разбили всю обстановку, уничтожили и частью забрали делопроизводство, ограбили кассу свыше 3 тыс. рублей, обезоружили караул местной команды и освободили арестованных из арестного помещения, находящегося при Управе, часть которых была перебита, а остальные скрылись вместе с бандой.

В связи с вторжением в гор. Камень красноармейских банд были преданы военно-полевому суду начальник каменской уездной милиции поручик Ипатов, помощник начальника милиции 4 участка Каменского уезда Борисов и младший милиционер 5 участка Каменского уезда Малаев, все трое осуждены к смертной казни и приговор приведен в исполнение того же 17 августа.

18 августа было получено распоряжение погрузить Управление милиции на пароход, куда были уже погружены все правительственные учреждения города Камня, как-то: управление уездом, управление коменданта, воинского начальника, казначейства, постовая контора в ночь на 18 августа. Часть канцелярии управления и служащие были погружены, а также и чины наружной милиции и пароходы в числе 4-х в том числе и с польскими войсками тронулись вниз по течению реки Оби на Новониколаевск. Между пристанями «Ордынск» и «Красный Яр» был встречен пароход с возвращающимися из Новониколаевского уезда конным отрядом хорунжего Бессмертного и все пароходы были возвращены в гор. Камень, куда прибыли вечером 19 августа. Войска и отряды конной и пешей милиции вступили в

бой с повстанцами, поспевшими занять город бандитами и быстро очисти́ли его, а утром 20 августа с парохода выгрузились правительственные учреждения. в том числе управление милиции, которые начали функционировать.

За несколько часов хозяйничания в гор., т. к. вошли в него только утром 19 августа, бандиты арестовали до 200 граждан, в том числе бывш. служащие в милиции, которых предполагалось расстрелять, поспели разграбить менее или более зажиточных граждан, но имущество вывезти в большинстве случаев не успели и по раздаче которого обратно потерпевшим работает назначенная комиссия, забрали лишь только хороших лошадей и некоторую часть имущества первой необходимости. Уничтожили во всех правительственных учреждениях оставленное делопроизводство, напр. в канцелярии управления милиции разбиты были все шкафы и ящики столов, поломаны даже стулья. Оставляемое делопроизводство, как-то: архив, наряды, книги и т. п. все изорвано в клочки.

К 1 августа от банд очищен 2-й участок милиции, расположенный на правом берегу р. Оби, с левой же стороны, хотя войска и преследовали банды, гоняясь за ними, но по донесениям разведки, банды вновь организуются в разных пунктах уезда, ведя агитацию и увеличивая свои силы за счет населения. Для уничтожения этих банд, насчитывающих в своих рядах тысячи человек, необходимы крупные силы.

И. д. начальника милиции (подпись)

И. д. секретаря (подпись)

II. Докладная записка о захвате повстанцами парохода „Колывань“

АКТ.

составленный машинистом парохода «Колывань» Павлом Илларионовым 1919 года 1 сентября. О взятии парохода «Колывань» восставшими крестьянами села Смольного.

1) Пароход вышел из гор. Барнаула 3 августа в 3 часа дня, дошел до села Рассказихи, в Рассказихе ночевал. 4 августа вышел из Рассказихи в 9 часов утра против села Бураново встретил пароход лесопромышленника Козлова, который не подал встречного свистка идущий сверху Оби «Колывань».

2) Продолжая дальше около Алейской протоки был первый замечен сваленный перевальный столб, на острове здесь же недалеко сажен 250 находилась будка баканщика, возле которой пароход был остановлен баканщиком, который кричал с берега, что он поймал 2 сплотка со снастью сажен 20, чтобы эти сплотки пароход отвел к яру, а то оне обсохнут. Капитан Пономаренко спросил его чьи сплотки, баканщик ответил: не знаю чьи, капитан сказал, что мы едем на Большую Речку за плотами, когда придем обратно в Барнаул, то заявим о них Правлению».

3) Продолжая дальше, смотрит на берегу кустов бегут верхом на лошадях крестьяне, кричат, стреляют, мы подумали, что стреляют уток в озерах, дальше впереди уже несколько человек выбежало на берег и открыли стрельбу по пароходу и кричали «бросай якорь», у нас получилась боязнь и спрашивали мы друг друга, к чему все это, но видим дальше продолжать путь нельзя, впереди и сзади вооруженные люди, бросили якорь, тогда стрельба стихла и нам кричали берите красный флаг и садитесь не более двух человек в лодку, поезжайте на берег, что и было сделано. Капитан Пономаренко и матрос И. Огородников сели в лодку и поехали на берег. Подъезжая к берегу к лодке бросились вооруженные люди и крикнули — руки вверх. Капитан и матросы вышли из лодки с поднятыми руками вверх и были на берегу обысканы, тогда после обыска капитан крикнул нам на пароход «выбирайте якорь и подавайте парожод к берегу», мы выбрали якорь, стали подходить к берегу, в нас были направ-

лены дула ружей, когда мы бросили чалку на берег, то нам крикнули — «выходите на берег по одному человеку с поднятыми руками вверх». Мы вышли по одному и были поставлены в ряд, нас всех обыскали, были обысканы все каюты на пароходе, после обыска парохода нам заявили, что пароход взят крестьянами села Смольного, «а вы арестованы, но пока будете находиться на пароходе, больше нигуда не ходите, наш караул тоже будет с вами». Отвели наш пароход к будке баканщика, который нам кричал о сплотках, вооруженных людей было человек 30, потом оставили из них 12 человек караулить пароход и нас. Вот это было в 5 час. вечера 4 августа 1919 года.

4) 5 августа от Смольевского штаба были присланы вооруженные люди, заявили нам, что на пароходе останутся только машинист и капитан, а остальная команда должна следовать под конвоем в Легостаево, а потом на Большую Речку на работы плотов. Мы заявили, что людей своих мы не пустим и наши люди плоты плотить не будут, а если брать, то берите всех, пароход примите от нас под расписку. Но они не согласились, тогда от нас взяли только помощников плотов 4-х человек отправили в село Легостаево. До 7 августа стояли без действия. 7 августа получили приказ идти в Алею, взять паромы и вывезти на р. Обь, что и было сделано. В тот же день перевезен был отряд на правый берег Оби, человек 25 конных вооруженных дробовиками и наганами, нам говорил наш караул, что отряд идет на Рассказиху. 12 августа с правого берега Оби был перевезен обратно пароходом и с ним Чириковский отряд шли под Колманку. Нам говорили, что Рассказиха пала под их натиском.

14 августа в 9 час. утра пароход Кольвань был отправлен в Алею, на него добавили вооруженных людей и пошли в разведку к Калманке. Дошли до Калманского парома, здесь причалили к берегу, двое людей пошли в Калманку, а остальные были на пароходе, простояв до вечера и не получив ответа, отошли в сторону и тут ночевали. 15 августа подошли обратно к парому в 5 час. утра, простояв до 12 час. дня, тогда пришел один из Калманки и пароход пошел обратно в Алею.

18 августа тоже ходили в разведку к Калманке, стояли у Калманского парома, была видна на Калманском яру правительственных войск и красных разведка, стрельбы было не слышно, в 3 часа дня пароход был отправлен в Алею. 19 августа получили приказ идти в Усть-Чарышскую пристань за пшеницей, дошли до Легостаево, пароход возле Легостаевского парома сел на мель, здесь находился моторный катер Кредитного Т-ва «Дельный», возил паром с пшеницей к Козловскому заводу. 20 августа пароход «Кольвань» был снят крестьянами с мели. 21 августа совместно с «Дельным». «Кольвань» подошел в Усть-Чарышскую пристань в 8 час. утра. В один час дня были на пристани. Совместно с «Дельным» подняли баржу «Волгу» к пристани 10000 тысячами пуд. пшеницы, 3000 п. из нее выгрузили на берег, а 7000 было назначено в Легостаево на Козловскую мельницу. Машинист парохода ходил в пристанский штаб, просил масла для смазки машины, каковое и было получено из казенного склада, 1 бочка олиоафту была разлита пополам с «Дельным».

В баржу было погружено 20 бочек сливочного масла и несколько ящиков сыру, спичек 40 пачек, кожи подошвенной и одна бочка керосину. Ночевали в Пристани 22 августа, в 8 час. утра, взяв баржу «Волгу» на буксир, пошли в Легостаево, не дойдя до села Белого баржу посадили на мель, потом из баржи в баржевую лодку выгрузили масло, сыр и остальной товар кроме керосина, а маленькую лодку парохода «Кольвань» оставили при барже, которую баржевая команда поломала свайками, а забуксировав лодку с товаром прибыла в Легостаево. Катер «Дельный» был оставлен в селе Вяткином, пароход «Кольвань», придя к Козловскому заводу в 7 час. вечера, остался ночевать, в ту же ночь правительственные войска были в Смольном. Шло наступление на Легостаево, в 10 час. вечера наш караул сбежал от нас, оставив нас одних. 23 августа в 9 час. утра случайно прибежала разведка конных красных к пароходу, вскочили несколько человек на пароход, отдали чалки и приказали идти пароходу в се-

до Вяткино. Прибыли в Вяткино в 12 час. 30 мин. дня, здесь было все спокойно и ночевали здесь же, 24 августа в 4 часа было известно, что Усть-Чарышская пристань взята правительственными войсками, в 8 час. вечера стал виден пожар, горело село Большая Речка. В 10 час. 30 мин. вечера прибыли на пароход отряды красных и приказали перевозить пароходу «Кольвань» и катеру «Дельный» их отряды на правый берег реки Оби. Когда кончили перевозку войск, то пароход оставили ничего не сказав. Мы отошли к острову и здесь дожидались утра одни. В 10 ч. утра решили идти в г. Барнаул, несмотря на то, что нам угрожала опасность с обеих сторон реки. Пройдя село Белое, мы подняли казенный флаг на мачту, подходя к Легостаеву, увидели в бинокль пароходы, стоящие у берега «Орлов» и «Волшебник». Мы шли полным ходом, «Орлов» отошел от берега и пошел нам навстречу, мы дали свисток, на который получили ответ, затем нам дали три сигнальных свистка, на которые мы дали поворот пароходу в обратную сторону и застопорили ход машины. Нам был дан приказ подойти к борту «Орлова», подошли и подали чайку, допросили командира Пономаренко и потом приказали следовать за пароходом обратно в Вяткино. Здесь ночевали вместе с пароходами. 25 августа в 4 часа 20 мин. дня перенесли на наш пароход раненых и отправили нас в гор. Барнаул. 26 августа прибыли в 2 часа ночи в гор. Барнаул.

Подписали: машинист парохода «Кольвань» ПАВЕЛ ИЛЛАРИОНОВИЧ ИЛЛАРИОНОВ и командир парохода НИКИТА ПОНОМАРЕНКО.

III. Грабежи польских карателей

Начальник
Каменской Уездной
Милиции
Алтайской губ.
Сентября 5 дня
1919 г.
№-2154
г. Камень.

Г. Управляющему Каменским уездом.

В ночь с 4 на 5 сего сентября солдатами польского отряда, квартирующими в здании Сибирского Торгового Банка, посредством взлома стены, из помещения ими занимаемого, сделан доступ в кладовую банка, откуда произведено хищение и разбит железный денежный ящик из-под кассы. Похищены ли деньги, в какой именно сумме и какие именно расхищены вещи, за отсутствием управляющего банком, выяснить не представлялось возможным. Дознание по изложенному делу Начальником милиции 2 участка гор. Камня передано Начальнику гарнизона 5 сего сентября.

Начальник милиции 1 участка Каменского уезда из Крутихи от 5 сего сентября телеграфом донес: «сегодня пять часов утра я с отрядом милиционеров первого и шестого районов сделал наступление на Прыганку со стороны Крутихи. Отряд красных встретили меня огнем из окопов, но после обстрела разбежались, войдя в Прыганку я встретил только пять стариков и несколько женщин все разбежались, из расспросов задержанных узнал, что в Прыганке красных было человек 150-200. Взято три дробовых ружья и несколько пик. Вернулся в Крутиху. Чижков».

От Хорунжего Бессмерткова донесений не поступало.

О чем и доношу.

И. д. Начальника Милиции (подпись)

И. д. секретаря (подпись).

ПРИГОВОР № 34

Ярковского сельского схода.

1919 года сентября 1 дня. Мы, нижеподписавшиеся граждане с. Ярково, Карасевской волости, Барнаульского уезда, Алтайской губернии в числе

248 лиц, из числа всех 290 домохозяев, что составляет более $\frac{2}{3}$ всего населения с непричисленными в присутствии нашего сельского старосты Ивана Родина имели суждение о сданных продуктах, свиней живых и коров в штаб польских войск на ст. Черепаново.

По обсуждении вышеизложенного Ярковоское сельское общество постановило просить ходатайства через военное начальство русского войска о возмещении убытков за истребованные польскими войсками продуктов с нашего села Ярки, а именно: триста (300) пудов овса по 18 рублей за пуд — пять тысяч четыреста (5400) руб., пятьдесят (50) пудов сборной муки (сеянки и простой) по 50 руб. за пуд — две тысячи пятьсот (2500) рублей, двадцать пять (25) пудов топленого масла по 320 руб. за пуд — восемь тысяч (8000) руб., семьдесят (70) подвод сена по 15 пудов каждый воз — 1050 пудов по 9 руб. за пуд — девять тысяч четыреста пятьдесят (9450) руб., двадцать одна (21) свинья по 500 руб., каждая — десять тысяч пятьсот (10500) руб., две (2) коровы по 750 руб. семьсот пятьдесят руб. каждая — одна тысяча пятьсот (1500) руб., четыреста (400) пудов картофеля по 10 руб. за пуд — четыре тысячи (4000) руб., сто (100) пудов пшеницы по (35) руб. тридцать пять руб. за пуд — три тысячи пятьсот (3500) руб., пятьсот (500) штук яиц по 80 коп. каждая — четыреста (400) руб. и два пуда (2) меда по 630 руб. за пуд — одна тысяча двести шестьдесят (1260) руб., а всего на сумму Сорок шесть тысяч пятьсот десять (46510) руб., которая повинность для нас непосильна.

Подлинный за надлежащими подписями.

С подлинным верно: Ярковоцкий сельский староста РОДИН.

Писарь (подпись)

IV. Отношение кулачества к повстанческому движению

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
Малышевской Волостной
Земской Управы.
31 августа 1919 г.
№ 1816.

Господину Управляющему Каменским уездом.

Долгом своим считаю довести до сведения вашего о событиях, имевших место в селениях Малышевской волости с 7 августа. При этом докладываю, что несвоевременное представление настоящего доклада объясняется отсутствием секретаря Управы Бурмистрова, выезжавшего в г. Камень до наступления большевистских банд и возвратившегося лишь 24 сего августа.

Из собранных мною с мест сведений выяснилось, что большевистские банды заняли первое селение Малышевской волости Верхний Сузун и находящиеся на правом берегу р. Оби в 15 верстах от резиденции волостной управы, вечером 7 августа. Банда эта двигалась из селений Меретской волости и в ней преобладали крестьяне Кипринской волости, переправившиеся, очевидно, через р. Обь в с. Меретском и частью в Шелаболихе. По мере приближения банд, на жителей нападала паника и они в большинстве уезжали со своим скарбом по полям, укрываясь по пашням и покосам. При вступлении банд в селения, первую их заботу было оцепление и уже после этого никто из местных жителей не мог выехать куда-либо без пропуска, благодаря чему селения, отстоящие на самом близком расстоянии друг от друга, не знали, что делается в том и другом. Всем оказавшимся в селениях было приказываемо идти на сельскую сборню и гнать с полей укрывшихся жителей с предупреждением, что укрывающиеся в случае неявки будут расстреливаемы на местах или отправлены в главный штаб, находящийся якобы в с. Усть-Мосихе. По сбору сельских сходов, бандами требовалось непременно составление приговоров о признании советской власти и о свержении всероссийского правительства. При этом банда-

ми распространялись самые невероятные слухи о том, что временное правительство землю отдает чехам и что они мужики должны будут на них работать, как на помещиков, кроме того усиленно распространялись слухи о падении Новониколаевска, Камня и Барнаула и что восстание охватило всю Алтайскую губернию, распространяясь уже на Томскую и что за ними, бандитами, движется огромная хорошо вооруженная сила красных, подвергающая расстрелам всех не признающих советской власти. Некоторые сознательные граждане к бандам относились с недоверием, однако, попытки их к протесту не имели успеха, ибо по одному только подозрению в противодействии, бандиты угрожали расстрелом, наставляя на грудь револьверы и пики. Далее производились почти поголовные обыски с целью обнаружения оружия и таковое в виде охотничьих ружей забиралось бандитами. Обыски сопровождалась угрозами и руганью, причем производились они по несколько раз в одном и том же доме различными группами. На собравшихся сельских сходах производилась мобилизация солдат до 1910 года включительно и они под угрозой оружия примыкали к бандам и двигались по направлению к г. Камню, уверяя при этом, что все мобилизованные будут вооружены винтовками по прибытии к г. Камню. Все мобилизованные разбивались на отряды, носившие название селений и в каждом таком отряде из числа мобилизованных избирался начальник, на обязанности которого лежало наблюдение за солдатами, доставление им продуктов, продовольствия и наряд подвод. Многие из мобилизованных при прибытии в следующее селение укрывались, разбегаясь по пашням, а то просто возвращались по домам, где вылавливались местными военными комиссарами и направлялись обратно под конвоем вооруженных бандитов. Банды были вооружены самодельными пиками, изготовлявшимися на местах, охотничьими ружьями, топорами и проч. и лишь незначительное число военными винтовками и наганами, однако, патроны и проч. снаряжение было в ограниченном количестве и очень часто можно было наблюдать, что нечем было зарядить простого охотничьего ружья и мне, как военному думалось, что банды, хотя и насчитывающие в себе около 800 человек, могли быть рассеяны 10-20 вооруженными солдатами, ибо при случайном выстреле на бандитов нападала паника и они бежали по лесам, не зная, где укрыться. Все банды оставили село Малышевское 11 августа, уйдя на город Камень, а уже 13 и 14 августа бежали обратно, получив, очевидно, сведения о прибытии в г. Камень правительственных войск, которыми при высадке в селе Алайском из числа мобилизованных вверенной мне волости было убито до 20 человек. После 14 числа по всей волости наступила тишина и жители приступили к полевым работам и шайки бандитов уже не появлялись, хотя через несколько дней в село Малышевское являлись 4 крестьянина из села Бобровского с целью поднять население, но, однако, успеха не имели и быстро постарались скрыться. Ни убийств, ни ограблений в Малышевской волости произведено не было. Местные самоуправления за время нахождения банд преобразованы не были, а лишь на местах избирались военные комиссары и их помощники. Делопроизводство волостной и сельской управ не пострадало. В данное время население волости, сознав свою ошибку и глубоко убедившись в обмане со стороны банд, приговорами сельских сходов выражают преданность всероссийскому правительству, при чем в каждом селении была открыта подписка на прием добровольных пожертвований в пользу Сибирской армии, которая дала следующие суммы: по селу Малышевскому 3088 руб. 25 коп., по дер. Поротниковой 1900 руб., Каргаполовой 3151 руб., Зоринной 316 руб. 10 коп., Малышевой 1028 руб. 50 коп., Тарадановой 2573 руб. 89 коп., Каменушке 316 руб. 78 коп., Нижнему Сузуну — 1650 руб. и Верхнему Сузуну 2028 р. 25 к., а всего 16052 руб. 77 коп., каковые одновременно с сим представляются в уездное казначейство.

Я, все должностные лица сельских управлений, а равно и само население заняты в данное время выяснением местных граждан, виновных в произведенном восстании и таковые передаются в распоряжение начальника милиции для предания суду.

ПРИЛОЖЕНИЕ: приговора сельских сходов о выражении преданности правительству.

Председатель Малышевской волостной земской управы ЛЕВШИН.

Секретарь БУРМИСТРОВ.

ПРОТОКОЛ № 18

Постановление Сузунского волостного земства.

1919 года Августа 31 дня в день восстания большевистских банд т. е. 8 сего августа Сузунское земство было отстранено, а теперь имея полную безопасность в виду того, что банда правительственными отрядами ликвидирована, сего числа собравшись из числа 19 чл. в числе приступили к обычной своей работе имели суждение о нижеследующих вопросах:

1) Доклад уездного земского гласного М. И. Галанцева о создавшемся положении принята следующая резолюция, Сузунское волостное земство стоя на страже интересов граждан своей волости, сочувствующих государственному порядку, и желая в будущем изолировать население от вредного элемента из-за которого оно несет всевозможные кары, как, например, благодаря этого элемента осенью 1919 года правительственный отряд жестоко наказал О-во за все чинимые беспорядки.

Не показавшись этот элемент в числа 8-17 августа с. г. под видом народного восстания вновь обострил население против Правительства, втянув в эту бездну много безвинных, коих насильно мобилизовали, которых постигла правительственная кара, благодаря бежавшим от банды и вступившим в правительственный отряд гр-н села Сузунского М. И. Галанцева, м. И. Ляпунова и А. А. Паньшина население наше спаслось от приведения в исполнение приказа верховного правителя, коим было приказано превратить восставшие села против правительства в лепел, т. е. уничтожить его с корнем, как большевистски настроенных, мы бы остались без покрова под открытым небом обратившись в нищету и все это произошло бы по вине лишь этого вредного элемента приверженцев большевизма, которые с распростертыми руками давно ждут воспользоваться чужой собственностью годами честным трудом нажитую, загнав весь народ в полную нищету.

Принимая во внимание, что часть главарей большевистской банды разбрелось по всем глухим местам и селениям избегая правительственной кары и возможно от них ожидать еще против правительственного восстания и надо ожидать, что вполне найдутся и пойдут навстречу им из среды нашего селения и когда уже окончательно погубят нас, поэтому земство желая избавиться от этого элемента и спасти невинных нашего селения постановили: проживающих в нашем селе неблагонадежных во всех отношениях лиц: Митрофанова Ивана, Богомолова Никандра, как сдавших с распростертыми руками большевикам оружие, комиссара Зятькова Василия Ник., помощника комиссара Суворова Федора, нач-ка отряда Мальцева Гавриила, главарей: Бабанова Ивана, Ширияева Павла, Гурского Василия. Губкина Василия, Сугатова Павла, Бабанова Михаила Петров., Бабанова Григория Петр., добровольцев: Гаврилова Дмитрия, Зулина Василия, Пичугина Константина, Ившева Ивана, Мальцева Петра Дмитр., помощника нач-ка отряда Горначева Льва, Дядюшкина Николая, Зятькова Якова Иван., Зятькова Василия Иван., Плотникова Ивана, Широва Петра, Кайгородиева Константина, Приезжеева Алексея, Скоморохова Самуила, Пирожкова Александру, Буторова Осипа, Речкина Андрея, Тархова Николая, Смагина Андрея, Смагина Михаила, Барановского Осипа Семен., Чупина Василия Вас., Помольцева Дмитрия, Речкина Николая, Полушкина Романа, Полькина Герасима, Исакова Александра Павловича, Зятькова Сергея Ник., Семейнова Николая, Благинина Николая, Бурмистрова Ивана, Слонова Ивана, Коновалова Павла Филипповича, нач-ка штаба Красной армии Николая Сугатова и добровольца Анания Соловьева выдворить и отдать в руки правосудия и просить начальство оказать в этом нам законное содействие, при

чем опасаясь указанного выше элемента ходатайствовать о скорейшей передаче их судебным властям не опуская на поруки и в селе оставить их на дальнейшее проживание земство не желает.

2) Имели суждение о пожертвовании на нужды армии, защищающую родину от ига большевизма, по обсуждении этого вопроса постановили: предложить президиуму Управы, составить подписной лист о добровольном пожертвовании гражданам села Сузунского, кроме сего управы из общих сумм общественной лесной заготовки пожертвовать пять тысяч рублей, все собранные деньги направить через господина управляющего уездом в главный штаб верховного правителя, на нужды армии от Общества села Сузунского Завода, Каменского уезда.

3) Заслушав предписание объявлений, возваний правительства и циркулярное распоряжение господина Управляющего Алтайской Губернией за № 3431 объявленное через Каменскую уездную земскую управу от 9 августа с. г. за № 1112/6604 приняли к сведению и широкому оповещению населению.

Вопросы повестки дня исчерпаны

Собрание закрыто в 3 часа дня сего числа.

За председателя собрания заместитель Василий Черепанов, члены Управы: И. Руднев, В. Шикалин. Подлинные подписали грамотными 10 человек и неграмотными 6.

Помощ. Секретаря И. ДМИТРИЕВ.

С подлинным верно: Председатель Управы ВАВИЛОВ.

Вр. и. д. секретаря ДМИТРИЕВ.

С подлинным верно:

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Предисловие — — — — —	3
Ю. Циркунов—Повстанческое движение на Алтае — — — — —	7
И. Васюков—Как восстало село Зимино — — —	37
А. Попов—Подпольная организация села Быстрый Исток — — — — —	41
Н. Бурыкин—Повстанцы села Сибирячиха — —	46
И. Громов—Повстанческое движение в районе города Камня — — — — —	64
Н. Бахтин—Повстанческий отряд деревни Верх-Караканка — — — — —	74

ПРИЛОЖЕНИЯ:

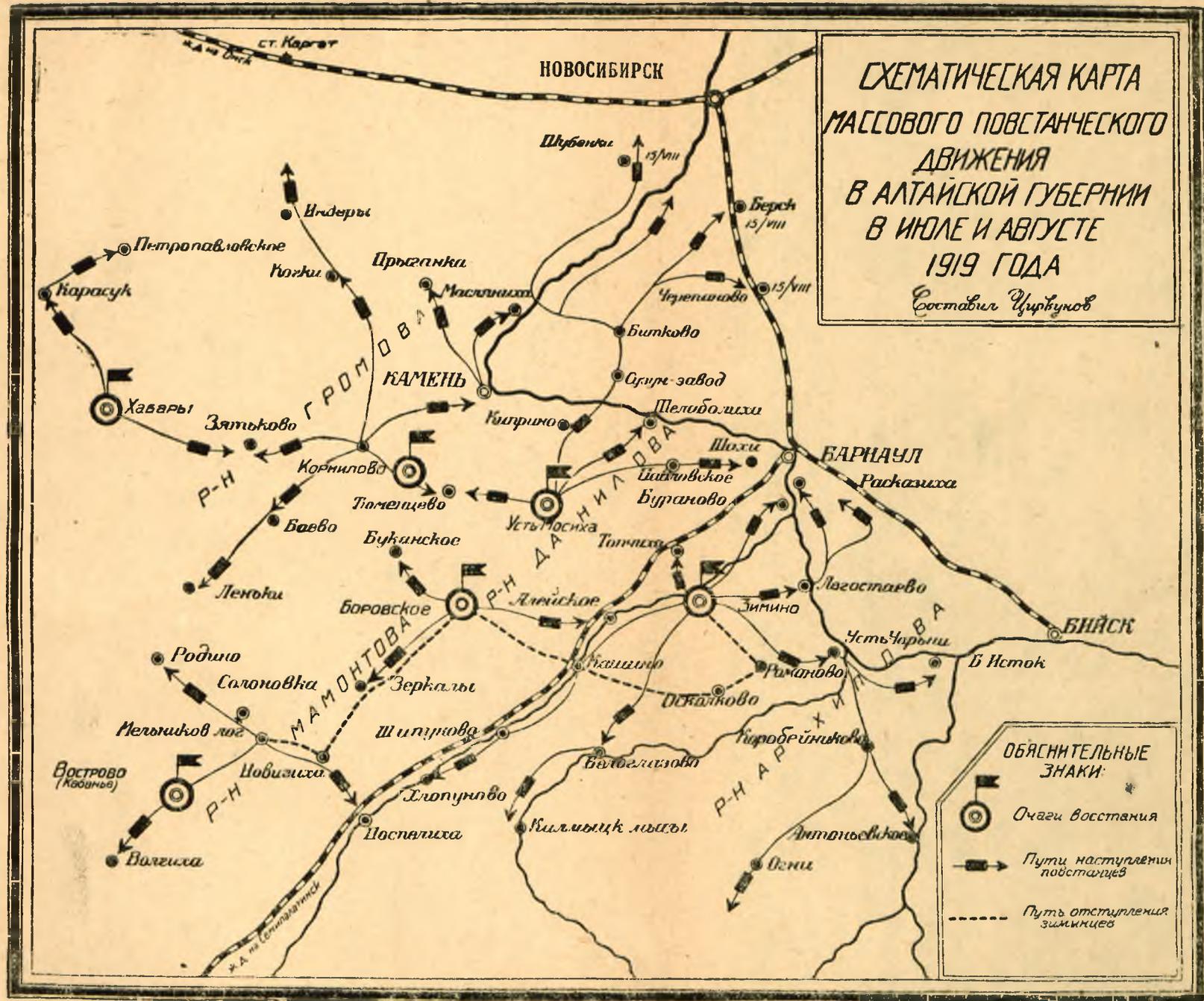
- I. **Документы повстанческого движения.** Протоколы заседаний зиминской подпольной большевистской организации (81). Организация Советов на территории, занятой повстанцами (82). Информационные бюллетени повстанческого главного штаба (85). Отношение казачества к повстанческому движению (95). Документы районных штабов: воззвания, борьба за дисциплину, сводки с фронтов (98) — 79—102
- II. **Колчаковские документы о повстанческом движении.** Официальные сообщения (105). Докладная записка о захвате повстанцами парохода «Кодывань» (117). Грабежи польских карателей (119). Отношение казачества к повстанческому движению (120) — 103—123

Отв. ред.— В. Вегман
Вед. ред.— А. Никулькова
Техред.— А. Темиряев

Сдано в прозвод. 29|VI-35 г. Подпис. к печати 29|VIII-35 г.
Формат 62×94¹/₁₆. Тир. 5000. Бум. л. 3,875. Печ. л. 7,75.
Уч.-авт. л. 10,5. Зн. в бум. л. 94,400. Инд. П-86 (сер. ист.-парт.)
ОГИЗ № 1339. Новосибирск. Тип. № 1 ЗСКИК. Зак. 2675.
Упокрайлита № Б-2577 от 31|V-35 г.
Цена книги 1 р. 65 к. Переплет 60 к.

**СХЕМАТИЧЕСКАЯ КАРТА
МАССОВОГО ПОВСТАНЧЕСКОГО
ДВИЖЕНИЯ
В АЛТАЙСКОЙ ГУБЕРНИИ
В ИЮЛЕ И АВГУСТЕ
1919 ГОДА**

Составил Цирбунов

р. 25 к.

№10 507

